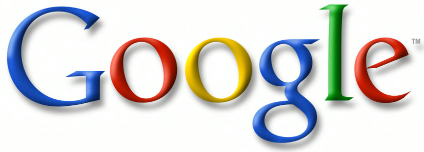

Google

БОРЬБА ПАРТІЙ ВО ФРАНЦІИ.

Genève. — Imp. russe, A. Troussoff, chemin de la Cluse, 12,

РУССКАЯ

СОЦІАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ

Borba Partii vo Frantsii

БОРЬБА ПАРТІЙ ВО ФРАНЦІИ

ПРИ ЛЮДОВИКѢ XVIII И КАРЛѢ X

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

Černyshevskii

GENÈVE — BALE — LYON
H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1875

ОТЧЕТЪ

по изданію

Русской Соціально-демократической Библіотеки

РАСХОДЪ

По *первому* выпуску „Кавеньякъ“ Н. Г. Чернышевскаго (не считая бумаги)	293	—
По *второму* „Антропологическ. принципъ“	448	50
Экспедиція и корреспонденція по I и II выпускамъ	4	50
По *третьему* „Борьба партій во Франціи“	480	50
Всего	1226	50

ПРИХОДЪ

Передано отъ Н. Д.	800	—
Получено:		
Отъ Неизвѣстнаго	100	—
— Н. И. Жуковскаго	23	75
— Типогр. Трусова	18	—
— Ж.	10	—
— продажи:		
Георгу I и II выпусковъ по 100 экз. каждаго, по 1 фр. за экземпляръ	200	—
Отдѣльныхъ экземпл.	15	—
Всего	1166	75

Дефицитъ по *третьему* выпуску — **59 фр. 75 сант.**

1 іюля 1875.

Для слѣдующихъ выпусковъ въ редакціи Библіотеки имѣются:

1. *Etude sur le mouvement communaliste* Лефрансе *(переводится)*.
2. *Etude sur les doctrines sociales du christianisme* Гюйо *и* Лакруа *(переводится)*.
3. *Конгрессы Международнаго Товарищества Рабочихъ*.
4. *Уничтоженіе государства* Энглендера.

Н. Г. Чернышевскаго:

5. *Іюльская монархія.*
6. *О землѣ, какъ элементѣ богатства.* (Библіографія.)
8. *О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала.* (Критика.)

NB. Всѣ его статьи, не вошедшія въ заграничныя изданія, предложены въ наше распоряженіе.

—

Адресоваться за свѣдѣніями въ Типографію А. Трусова:
Genève. — Chemin de la Cluse, 12, à Mr Troussoff.

NB. — Желающимъ пріобрѣсти для провоза въ Россію заразъ нѣсколько экземпляровъ **Русской Соціально-демократической Библіотеки,** а именно не менѣе 10, дѣлается слѣдующая скидка съ означенной на изданіи цѣны: отъ 10 до 40 экземпляровъ — 25%, а свыше 40 — 40%. — Съ требованіями обращаться въ типографію А. Трусова.

БОРЬБА ПАРТІЙ ВО ФРАНЦІИ

ПРИ ЛЮДОВИКѢ XVIII И КАРЛѢ X

(*Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, par Guizot. Tome I. 1858.)

I

Книга Гизо. — Роялисты и либералы во время реставраціи. — Отношеніе этихъ партій къ королевской власти и къ свободѣ. — Истинный характеръ той и другой партіи. — Chambre introuvable 1815. — Фуше. — Герцогъ Ришлье. — Амнистія. — Король принужденъ распустить роялистскую палату. — Ожесточеніе роялистовъ противъ короля и Деказа. — Новая палата. — Либералы поддерживаютъ деспотизмъ, роялисты защищаютъ свободу. — Либералы усиливаются. — Интриги роялистовъ. — Паденіе Ришлье. — Деказъ торжествуетъ надъ роялистами. — Вильменъ и цензура. — Убійство герцога Беррійскаго. — Король принужденъ роялистами удалить Деказа. — Роялисты обѣщаютъ поддерживать министерство Ришлье. — Они измѣняютъ своему слову. — Оскорбительный адресъ. — Король принужденъ ими отказаться отъ участія въ управленіи государствомъ. — Торжество роялистовъ. — Министерство Вильеля.

(1815—1821)

Съ годъ тому назадъ было объявлено, что авторъ „Исторіи цивилизаціи во Франціи“ издаетъ записки о своей политической жизни. Всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ждали обѣщанной книги. Какъ бы ни думалъ кто изъ насъ о государственной дѣятельно-

сти Гизо, каждый былъ увѣренъ, что воспоминанія бывшаго министра представятъ очень много новыхъ и важныхъ фактовъ. Еще менѣе можно было сомнѣваться въ томъ, что чрезвычайно сильный талантъ автора придастъ изложенію фактовъ увлекательность, его взгляду на нихъ — обольстительность. Первый томъ заманчивыхъ воспоминаній вышелъ—и оказался, къ великому нашему изумленію, книгою сухою, написанною довольно посредственно, прибавляющею очень мало къ вещамъ, уже давно разсказаннымъ всѣми, писавшими о томъ періодѣ—словомъ сказать, оказался книгою не замѣчательною ни въ какомъ отношеніи.

На многихъ читателей этотъ отзывъ произведетъ, вѣроятно, дурное впечатлѣніе, потому что онъ рѣшительно не соотвѣтствуетъ мнѣнію почти всѣхъ европейскихъ журналовъ, объявившихъ „Записки" Гизо произведеніемъ высокаго интереса и великаго достоинства. Но благопріятныя сужденія о новой книгѣ Гизо основаны преимущественно на громкой славѣ ея автора. „Написалъ знаменитый человѣкъ, стало быть въ сочиненіи находятся интересъ и мудрость,"—умозаключеніе очень удобное для всѣхъ тѣхъ, которые не умѣютъ или не хотятъ оцѣнить книгу по ея содержанію; для нихъ обертка — прекрасная руководительница. Другимъ „Записки„ Гизо понравились по другой причинѣ. Книга эта проникнута либеральными идеями и служитъ сильнымъ косвеннымъ протестомъ противъ системы Луи-Наполеона, точно такъ же, какъ послѣдніе томы „Исторіи Консульства и Имперіи" Тьера, какъ послѣднія сочиненія Дювержье де-Горанна, Токвилля, Монталамбера и проч. Но мы признаемся, что либерализмъ гг. Гизо, Тьера, Токвилля и прочихъ имѣетъ для насъ очень мало прелести, и вся эта статья внушена желаніемъ разъяснить причины нашего нерасположенія къ либерализму подобнаго рода. Мы судимъ о книгѣ по самой книгѣ, а не по выставленному на ней имени, и не видимъ особенной пользы въ ея тенденціи;

потому-то и показалась намъ она скучною и довольно пустою. Очень вѣроятно, что слѣдующіе томы „Записокъ“ будутъ гораздо любопытнѣе: съ 1830 года Гизо былъ уже предводителемъ партіи, имѣлъ сильное и самостоятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ; его воспоминанія объ этихъ временахъ должны быть интересными. Но въ первомъ томѣ разсказъ доведенъ только до Іюльской революціи; а во весь період Реставраціи Гизо былъ далеко не первымъ человѣкомъ своей партіи; его дѣйствія не имѣли особеннаго вліянія на событія, потому и его воспоминанія о своей личной дѣятельности лишены большой исторической важности; новыхъ фактовъ о другихъ политическихъ людяхъ того времени онъ не представилъ; его разсказъ о событіяхъ кратокъ и сухъ; такимъ образомъ, съ фактической стороны, первая часть его „Записокъ“ не имѣетъ почти никакой цѣны; а что касается мнѣній, которыхъ онъ держится при сужденіи о людяхъ и событіяхъ, эти мнѣнія извѣстны во всей подробности изъ безчисленнаго множества книгъ, давно написанныхъ другими публицистами школы „Journal des Débats.“ Потому-то мы и находимъ, что первый томъ „Записокъ“ Гизо не замѣчателенъ ни въ какомъ отношеніи.

Мы ошиблись: въ одномъ отношеніи книга Гизо очень замѣчательна. Поразительна та гордая самоувѣренность, съ которою онъ, одинъ изъ самыхъ ненавистныхъ во Франціи людей,—онъ, упрямство и грубыя ошибки котораго вовлекли Францію во всѣ бѣдствія, испытанныя ею въ послѣднія десять лѣтъ,—онъ, погубившій династію, которой служилъ, погубившій систему, которую защищалъ, ввергнувшій свою страну въ междоусобія,—онъ, истинный виновникъ желѣзной диктатуры Луи-Наполеона, крестный отецъ всѣхъ Эспинасовъ, говоритъ о своихъ дѣйствіяхъ, какъ будто о непогрѣшительныхъ, о своихъ убѣжденіяхъ, какъ будто о непоколебимо раздѣляемыхъ всѣми разумными людьми во Франціи. Онъ говоритъ такъ, какъ могли говорить развѣ Робертъ Пиль или Штейнъ,

какъ будто всѣ соотечественники признаютъ его спасителемъ отечества.

Ни одного слова въ извиненіе своихъ ошибокъ — ошибокъ онъ не дѣлалъ; ни одной фразы, въ которой замѣтно было бы сожалѣніе хотя о чемъ нибудь, исправленіе хоть въ чемъ нибудь. Онъ чистъ и непогрѣшителенъ, онъ мудръ и святъ передъ Богомъ и людьми.

Никакая гордость своимъ личнымъ умомъ, никакая увѣренность въ личной своей правотѣ недостаточны для сообщенія человѣку такого непоколебимаго, самоувѣреннаго спокойствія за всю свою жизнь, за всѣ свои планы и дѣйствія. Нужна для этого другая опора,—Гизо непоколебимъ потому, что онъ схоластикъ. Напрасно ходили люди передъ Зенономъ, —Зенонъ продолжалъ доказывать, что движеніе невозможно; напрасно жестокій господинъ сломалъ ногу философу, не признававшему бѣдственности физическаго страданія—Эпиктетъ сидѣлъ съ переломленною ногою, доказывая Эпафродиту, что онъ ошибается, воображая, будто ему, Эпиктету, мучительна боль. Ослѣпленіе часто бываетъ источникомъ страннаго мужества.

Мы знали, что доктринеры, во главѣ которыхъ стоялъ Гизо, были схоластики, доходившіе до изумительнаго ослѣпленія своими отвлеченными формулами; но только послѣдняя книга Гизо показала намъ вполнѣ, до какой степени невозмутима никакими фактами была ихъ теоретическая слѣпота и глухота. Въ этомъ смыслѣ Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps — книга очень замѣчательная, какъ психологическій фактъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ первый томъ этихъ мемуаровъ очень мало любопытенъ.

Но если не интересна книга, то очень интересно время, о которомъ она говоритъ,—время съ 1814 до 1830 года, періодъ Реставраціи. У насъ объ этомъ времени почти ничего не было писано, и мы хотимъ воспользоваться книгою Гизо, какъ предлогомъ ска-

зать нѣсколько словъ о внутренней исторіи Французскаго государства при возстановленной династіи Бурбоновъ,—исторіи очень мало извѣстной у насъ, а между тѣмъ заключающей въ себѣ начало и объясненіе многаго, сбивающаго насъ съ толку при сужденіяхъ о нынѣшней Франціи. Отъ временъ Реставраціи досталось въ наслѣдство нашему времени пресловутое и, по правдѣ говоря, превздорное слово „либерализмъ“, которое до сихъ поръ порождаетъ столько путаницы въ головахъ, столько глупостей въ политической жизни, и приноситъ столько бѣдъ народу, о благѣ котораго такъ суетливо и такъ неудачно хлопотали либералы отъ Кадикса до Кенигсберга, отъ Калабріи до Нордкапа,

Впрочемъ, не смотря на то, что слово либерализмъ повсюду очень употребительно, его значеніе и въ Западной Европѣ, а тѣмъ болѣе у насъ остается очень сбивчивымъ. Либераловъ совершенно несправедливо смѣшиваютъ съ радикалами и съ демократами. Наша статья осталась бы темною или показалась бы нелѣпою тому, кто привыкъ смѣшивать эти партіи, чрезвычайно рѣзко разнящіяся одна отъ другой. Здѣсь намъ нѣтъ нужды много говорить ни о радикалахъ, ни о демократахъ, потому что они не играли первыхъ ролей въ эпоху Реставраціи и, можно сказать, не составляли еще плотныхъ политическихъ партій во Франціи; довольно будетъ упомянуть о нихъ не болѣе, какъ на столько, чтобы показать ихъ различіе отъ либераловъ, и тѣмъ опредѣлить либерализмъ въ точномъ смыслѣ слова.

У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія. „Демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ плановъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддержать новое устройство общества,

для нихъ почти все равно. Напротивъ того, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія по своей необразованности и матеріальной скудости равнодушны къ интересамъ, которые выше всего для либеральной партіи, именно, къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству. Для демократа—наша Сибирь, въ которой простонародіе пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи, въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду. Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо враждебенъ только одному—аристократіи; либералъ почти всегда находитъ, что только при извѣстной степени аристократизма, общество можетъ достичь либеральнаго устройства. Потому либералы обыкновенно питаютъ къ демократамъ смертельную непріязнь, говоря, что демократизмъ ведетъ къ деспотизму и гибеленъ для свободы.

Радикализмъ, собственно говоря, состоитъ не въ приверженности къ тому или другому политическому устройству, а въ убѣжденіи, что извѣстное полититическое устройство, водвореніе котораго кажется полезнымъ, не согласно съ коренными существующими законами, что важнѣйшіе недостатки извѣстнаго общества могутъ быть устранены только совершенною передѣлкою его оснований, а не мелочиными исправленіями подробностей. Радикаломъ былъ бы въ Сѣверной Америкѣ монархистъ, въ Китаѣ—приверженецъ европейской цивилизаціи, въ Ѳстъ-Индіи—противникъ кастъ. Изъ всѣхъ политическихъ партій одна только либеральная непримирима съ радикализмомъ, потому что онъ расположенъ производить реформы съ помощью матеріальной силы и для реформъ готовъ жертвовать и свободою слова и конституціонными формами. Конечно, въ отчаяніи либералъ можетъ становиться радикаломъ, но такое состояніе духа въ немъ не натурально, оно стоитъ ему постоянной борьбы съ самимъ собою и онъ постоянно будетъ искать поводовъ, чтобы избѣжать

надобности въ коренныхъ переломахъ общественнаго устройства и повести свое дѣло путемъ маленькихъ исправленій, при которыхъ не нужны никакія чрезвычайныя мѣры.

Такимъ образомъ, либералы почти всегда враждебны демократамъ и почти никогда не бываютъ радикалами. Они хотятъ политической свободы, но такъ какъ политическая свобода почти всегда страждетъ при сильныхъ переворотахъ въ гражданскомъ обществѣ, то и самую свободу, высшую цѣль всѣхъ своихъ стремленій, они желаютъ вводить постепенно, расширять по немногу, безъ всякихъ, по возможности, сотрясеній. Необходимымъ условіемъ политической свободы кажется имъ свобода печатнаго слова и существованіе парламентскаго правленія; но такъ какъ свобода слова, при нынѣшнемъ состояніи западно-европейскихъ обществъ, становится обыкновенно средствомъ для демократической, страстной и радикальной пропаганды, то свободу слова они желаютъ держать въ довольно тѣсныхъ границахъ, чтобы она не обратилась противъ нихъ самихъ. Парламентскія пренія также должны принять повсюду радикально-демократическій характеръ, если парламентъ будетъ состоять изъ представителей націи, въ обширномъ смыслѣ слова, потому либералы принуждены также ограничивать участіе въ парламентѣ тѣми классами народа, которымъ довольно хорошо, или даже очень хорошо, жить при нынѣшнемъ устройствѣ западно-европейскихъ обществъ.

Съ теоретической стороны, либерализмъ можетъ казаться привлекательнымъ для человѣка, избавленнаго счастливою судьбою отъ матеріальной нужды: свобода—вещь очень пріятная. Но либерализмъ понимаетъ свободу очень узкимъ, чисто формальнымъ образомъ. Она для него состоитъ въ отвлеченномъ правѣ, въ разрѣшеніи на бумагѣ, въ отсутствіи юридическаго запрещенія. Онъ не хочетъ понять, что юридическое разрѣшеніе для человѣка имѣетъ цѣну только тогда, когда у человѣка есть матеріальныя

средства пользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Ни мнѣ ни вамъ, читатель, не запрещено обѣдать на золотомъ сервизѣ; къ сожалѣнію, ни у васъ, ни у меня нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ средствъ для удовлетворенія этой изящной идеи; потому, я откровенно говорю, что ни мало не дорожу своимъ правомъ имѣть золотой сервизъ, и готовъ продать это право за одинъ рубль серебромъ или даже дешевле. Точно таковы для народа всѣ тѣ права, о которыхъ хлопочатъ либералы. Народъ невѣжественъ, и почти во всѣхъ странахъ большинство его безграмотно; не имѣвъ денегъ, чтобы получить образованіе, не имѣя денегъ, чтобы дать образованіе своимъ дѣтямъ, какимъ образомъ станетъ онъ дорожить правомъ свободной рѣчи? Нужда и невѣжество отнимаютъ у народа всякую возможность понимать государственныя дѣла и заниматься ими,—скажите, будетъ ли дорожить, можетъ ли онъ пользоваться правомъ парламентскихъ преній?

Нѣтъ такой европейской страны, въ которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно къ правамъ, составляющимъ предметъ желаній и хлопотъ либерализма. Поэтому либерализмъ повсюду обреченъ на безсиліе: какъ ни разсуждать, а сильны только тѣ стремленія, прочны только тѣ учрежденія, которыя поддерживаются массою народа. Изъ теоретической узкости либеральныхъ понятій о свободѣ, какъ простомъ отсутствіи запрещенія, вытекаетъ практическое слабосиліе либерализма, не имѣющаго прочной поддержки въ массѣ народа, не дорожащей правами, воспользоваться которыми она не можетъ по недостатку средствъ.

Не переставая быть либераломъ, не возможно выбиться изъ этого узкаго понятія о свободѣ, какъ о простомъ отсутствіи юридическаго запрещенія. Реальное понятіе, въ которомъ фактическія средства къ пользованію правомъ поставляются стихіею болѣе важною, нежели одно отвлеченное отсутствіе юридическаго запрещенія, совершенно внѣ круга идей ли-

берализма. Онъ хлопочетъ объ отвлеченныхъ правахъ, не заботясь о житейскомъ благосостояніи массъ, которое одно и даетъ возможность къ реальному осуществленію права.

Намъ кажется, что этихъ краткихъ замѣчаній будетъ пока достаточно для предварительнаго объясненія читателю, въ какомъ смыслѣ мы употребляемъ слово либерализмъ.

Само собою разумѣется, что теоретическая несостоятельность либерализма чувствуется только тѣми, кому кромѣ юридическаго разрѣшенія нужны еще и матеріальныя средства. А у кого эти средства уже есть, тому, разумѣется, и не приходитъ въ голову хлопотать о нихъ. Оттого либерализмъ очень долго былъ системою, совершенно удовлетворявшею людей съ независимыми матеріальными средствами къ жизни и съ развитыми умственными потребностями. „Сытый голоднаго не разумѣетъ,“ и они никакъ не могли теоретическимъ путемъ дойти до соображенія, что потребности народа могутъ состоять въ чемъ нибудь иномъ, нежели либеральныя тенденціи. Они воображали, что являются истинными благодѣтелями народа, стараясь доставить ему свободу слова и парламентское правительство. Горькій опытъ началъ разочаровывать либераловъ. Практическія неудачи мало по малу раскрываютъ благоразумнѣйшимъ изъ нихъ глаза на теоретическіе недостатки ихъ системы, и съ каждымъ годомъ число истинныхъ либераловъ въ Европѣ уменьшается. Но заблужденія партій долговѣчны; да и какъ не быть имъ долговѣчными? Если отдѣльному человѣку для пріобрѣтенія здравыхъ понятій о жизни посредствомъ опыта нужны цѣлые годы, конечно десятки лѣтъ нужны для этого собранію множества людей, взаимно поддерживающихъ одинъ другого въ общихъ заблужденіяхъ. Потому, во Франціи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ Западной Европы, продолжаютъ еще существовать и хлопотать либералы, и нельзя сказать, чтобы Франція или вообще Западная Европа была уже внѣ

опасности отъ ихъ хлопотъ; да и сами они, къ сожалѣнію, все еще не достигли того благоразумія, чтобы избавить себя отъ бѣдствій и гоненій, совершенно передавъ заботу о народахъ другимъ людямъ. Нѣтъ, они все еще готовы „жертвовать собою для блага свободы."

Нѣтъ ничего грустнѣе, какъ видѣть честныхъ, любящихъ васъ людей, которые лѣзутъ изъ кожи вонъ отъ усердія осчастливить васъ тѣмъ, чего вамъ рѣшительно не нужно, которые съ опасностью жизни взбираются на Монбланъ, чтобы принести оттуда для вашего наслажденія альпійскую розу—бѣдняжки! сколько истрачено денегъ, времени, и сколько честныхъ шей сломано въ этомъ заоблачномъ путешествіи для вашего удовольствія! И не приходило въ голову этимъ людямъ, что не альпійская роза, а кусокъ хлѣба нуженъ вамъ, потому что голодному не до цвѣтковъ природы или краснорѣчія, и дивились они, и осыпали васъ упреками въ неблагодарности къ нимъ, въ равнодушіи къ вашему собственному счастью за то, что вы холодно смотрѣли на ихъ подвиги и не лѣзли за ними черезъ скалы и пропасти, и не поддержали ихъ, когда они съ своей заоблачной вышины падали въ бездну. Жалкіе слѣпцы, они не сообразили, что достать для васъ кусокъ хлѣба было бы имъ гораздо легче,—не сообразили потому, что и не предполагали, будто кому нибудь можетъ быть нужна такая прозаическая вещь, какъ кусокъ хлѣба.

Жаль ихъ потому, что почти всѣ они сломали себѣ шею, почти безъ всякой пользы для націй, о которыхъ хлопотали. Еще больше жаль того, что націи не всегда оставались холодны къ ихъ стремленіямъ, иногда обольщались краснорѣчіемъ и смѣлостью этихъ „передовыхъ людей," шли вслѣдъ за ними и вслѣдъ за ними падали въ пропасти.

Таково наше понятіе о либерализмѣ вообще, но въ каждой странѣ, въ каждую эпоху общая идея принимаетъ особенный характеръ. Французскій либерализмъ

въ эпоху Реставраціи, самое блистательное и шумное явленіе въ исторіи либерализма, отличался особенностями, которыя раскроются въ продолженіи нашего разсказа. На первый разъ мы предупредимъ читателя, что если борьба либераловъ съ роялистами составляетъ сущность французской политической исторіи въ то время, это еще вовсе не значитъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ либералы были тогда постоянно защитниками хотя той жалкой свободы, которая признается идеею либерализма. Нѣтъ, далеко не всегда это было. Критика фактовъ приводитъ даже къ заключенію, ни мало не согласному съ тѣми ожиданіями, какія можно составить, основываясь на названіяхъ боровшихся партій. Дѣла въ это время перепутались очень странно, и перепутались именно вслѣдствіе того, что имена партій плохо соотвѣтствовали ихъ стремленіямъ. Несоотвѣтственность между именемъ и сущностью привела за собою ненужныя союзы, неосновательныя симпатіи и антипатіи. Результатомъ этого было, что Бурбоны безъ всякой надобности подвергли себя изгнанію изъ-за покровительства людямъ, которые вовсе не были ихъ приверженцами, нація подвергла себя множеству бѣдствій изъ-за увлеченія людьми, которые вовсе не были защитниками ея правъ, и династія, надѣлавъ много вреда націи, окончательно оттолкнула ее отъ себя безъ всякой надобности. Если намъ удастся показать, что между такъ называемыми либералами было тогда столько же желанія поддержать королевскую власть, какъ между такъ называемыми роялистами; что такъ называемые роялисты такъ же усердно добивались такъ называемой свободы, какъ и либералы,—если намъ удастся показать, что во Франціи при Бурбонахъ борьба между партіями, шедшая на словахъ будто бы между свободою и королевскимъ полновластіемъ, въ сущности велась вовсе не за свободу одними, не за короля другими,—если мы покажемъ, что свобода оставалась тутъ во всякомъ случаѣ ровно не при чемъ, какая бы изъ двухъ партій ни побѣдила, а королевская династія возбуждала

противъ себя такъ называемыхъ либераловъ только потому, что не умѣла понять, какого полновластія могла бы достичь, если бы покровительствовала самымъ крайнимъ либераламъ, или даже пошла бы дальше ихъ,—если намъ удастся показать все это, мы думаемъ, что читатель найдетъ нѣкоторую назидательность въ смѣшномъ и грустномъ ходѣ событій, общій очеркъ котораго мы хотимъ изложить. А событія были дѣйствительно смѣшны и грустны.

Громомъ оружія началось, громомъ оружія кончилось правленіе Бурбоновъ. Шестнадцать лѣтъ, прошедшіе отъ громовыхъ дней Монмартра и Ватерлооской битвы до трескучихъ іюльскихъ дней, исполнены были отважнаго движенія, рѣчей, восторженныхъ криковъ, перерываемыхъ только рѣзкимъ стукомъ барабановъ и трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ; въ чемъ же смыслъ и сущность политической исторіи этихъ шестнадцати лѣтъ? Либералы совершенно ошибались, воображая себя защитниками свободы; роялисты совершенно ошибались, воображая себя защитниками престола; Бурбоны совершенно ошибались, думая, что должны опираться на роялистовъ; народъ совершенно ошибался, воображая, что долженъ ожидать себѣ спасенія отъ либераловъ, изъ этой четверной ошибки выходила невообразимо безтолковая путаница. Бурбоны отталкивали себя отъ либераловъ, которые одни могли поддержать ихъ, и дружились съ роялистами, которые губили ихъ; народъ, привязываясь къ звонкимъ, но пустымъ рѣчамъ либераловъ, забывалъ самъ заботиться о своихъ интересахъ и, не получая никакой выгоды для себя, терпѣлъ похмѣлье на пиру совершенно чужомъ; либералы при Бурбонахъ оставались безсильными, потому что не умѣли взяться за дѣло, а при Луи Филиппѣ, когда получили силу, осрамили себя, оказавшись худшими друзьями свободы, нежели сами роялисты; наконецъ роялисты, смѣшавъ народъ съ либералами, и думая, что подавить либераловъ, значитъ уже не имѣть враговъ, сами себѣ рыли могилу, потому что не соображали, какое дѣйствіе на

народъ производятъ ихъ эволюціи въ борьбѣ съ либералами. Здраваго смысла тутъ, какъ видимъ, очень мало; сущность всей этой путанницы, если разобрать дѣло хладнокровно, чуть ли не выражена заглавіемъ одной изъ пьесъ Шекспира: „Комедія ошибокъ.“

Такое неделикатное понятіе объ исторіи Франціи въ 1814—1830 годахъ вовсе несообразно съ тѣми высокими теоріями, подъ которыя обыкновенно подводится исторія. „Потребности народа, сила истины —вотъ основныя силы, которыми движется ходъ событій; прогрессъ не пустое слово. Называть путаницею какой нибудь значительный отдѣлъ исторіи можетъ только тотъ, кто не доучился и не додумался до глубокаго взгляда на исторію“, скажутъ намъ люди, успокоительности взгляда которыхъ мы завидуемъ, не будучи въ состояніи достичь высоты такихъ пріятныхъ міросозерцаній. Намъ представляется, что на ходъ историческихъ событій гораздо сильнѣйшее вліяніе имѣли отрицательныя качества человѣка, нежели положительныя; что въ исторіи гораздо сильнѣе были всегда рутина, апатія, невѣжество, недоразумѣніе, ошибка, ослѣпленіе, дурныя страсти, нежели здравыя понятія о вещахъ, знаніе и стремленіе къ истиннымъ благамъ; что всегда грошовый результатъ достигался не иначе, какъ растратою милльоновъ; что путь, по которому несется колесница исторіи, чрезвычайно извилистъ и испещренъ рытвинами, косогорами и болотами, такъ что тысячи напрасныхъ толчковъ перетерпитъ сѣдокъ этой колесницы, человѣкъ, и сотни верстъ исколеситъ всегда для того, чтобы подвинуться на одну сажень ближе къ прямой цѣли. Кто не согласенъ съ нами, великодушно извинитъ такое наше заблужденіе. Но мы —общая участь людей—воображаемъ, что фактами подтверждается именно нашъ, а не какой нибудь другой взглядъ.

Кто вѣритъ разнымъ либеральнымъ и прогрессивнымъ исторіямъ, въ которыхъ такъ превосходно излагается „неукоснительное развитіе“ рода человѣче-

скаго и осуществленіе великихъ идей, руководящихъ чуть ли не каждымъ движеніемъ каждаго изъ безчисленныхъ болѣе или менѣе великихъ людей, въ родѣ Гизо, Тьера, Талейрана, Метерника и пр.,—кто вѣритъ этимъ исторіямъ, тотъ, конечно, не согласится съ нами: онъ очень твердо знаетъ, что главный смислъ шумной борьбы французскихъ партій въ 1815—1830 годахъ былъ: восторжествуетъ ли во Франціи конституціонное устройство, или королевская власть возвратитъ себѣ безграничную силу, какую имѣла до конца XVIII вѣка. По мнѣнію либеральныхъ историковъ, борьба шла между свободою и престоломъ, и—все по мнѣнію тѣхъ же проницательныхъ людей,—либералы и во снѣ и на яву только то будто бы и видѣли, какъ бы имъ обезсилить королевскую власть до крайней степени, а роялисты будто бы всею душою и всѣмъ сердцемъ преданы были королямъ своимъ, сначала Людовику XVIII, а по смерти его Карлу X. Совершенно также понимаютъ дѣло и реакціонеры, отъ де-Местра до Монталамбера. Удивительная проницательность,—тѣмъ болѣе удивительная, что каждый фактъ противорѣчитъ ея выводамъ, основаннымъ на однихъ именахъ и праздныхъ словахъ, опровергавшихся самымъ дѣломъ. Дѣйствительно, изъ двухъ партій, шумно боровшихся во Франціи съ 1814 до 1830 года, одна называла себя либеральною, а другая роялистскою, одна написала на своихъ знаменахъ „свобода,“ другая „престолъ.“ Но нужна проницательность совершенно особеннаго рода, чтобы вѣрить этимъ именамъ и оффиціальнымъ прозвищамъ,—проницательность, которая должна предположить также, что Гвельфы были въ самомъ дѣлѣ не люди, а щенки, какъ доказывается ихъ именемъ, а Тори въ самомъ дѣлѣ занимаются тѣмъ, что жгутъ англійскія деревни, какъ доказывается опять таки ихъ именемъ. Надобно также по этому способу сужденія предполагать, что Наполеонъ, когда двинулся въ 1812 году въ Россію, началъ войну не наступательную, а обо-

ронительную, — онъ самъ такъ говорилъ; а когда Нена Саибъ рѣзалъ англичанъ въ Ханпурѣ, то дѣлалъ это, не смотря на свою мухаммеданскую вѣру, единственно по усердію къ Брамѣ, Вишну и Шивѣ, — онъ самъ это говорилъ.

Изумительна податливость людей обманываться оффиціальными словами. Еще изумительнѣе то, что словамъ, въ которыхъ нѣтъ ни капли искренности, вѣритъ вполнѣ не только тотъ, для обольщенія котораго онѣ придуманы, но часто и самъ тотъ человѣкъ, кто ихъ придумалъ съ цѣлью придать возвышенность и благовидность своимъ личнымъ расчетамъ. Такъ случилось, между прочимъ, и во Франціи при Бурбонахъ. Либералы отъ всей души воображали, что ратуютъ за свободу, роялисты не менѣе искренно были убѣждены, что ратуютъ за престолъ. Но этими словами „свобода“ и „престолъ“ нимало не выражались ихъ дѣйствительныя стремленія, и дѣйствія ихъ вовсе не соотвѣтствовали тостамъ, которые они пили.

Нужно только вникнуть, изъ какихъ людей состояла та или другая партія, чтобы отказаться отъ довѣрчивости къ ея оффиціальному имени.

Начнемъ съ роялистовъ. Основу этой партіи составляли эмигранты, возвратившіеся во Францію вмѣстѣ съ Бурбонами вслѣдъ за побѣдоносными союзными арміями. Нечего говорить о томъ, что если бы любовь къ королю была въ нихъ сильнѣе личныхъ разсчетовъ, не покинули бы они Людовика XVI при началѣ революціи; можно было бы извинить ихъ бѣгство трусостью, не прибѣгая къ сомнѣніямъ въ ихъ расположеніи къ монарху, еслибъ не знали мы, что дѣлали они за границей. Когда разгорѣлись въ Парижѣ народныя страсти, эмигранты прямо говорили, что для блага Франціи надо желать смерти Людовика XVI, который не умѣетъ управлять государствомъ сообразно съ пользами аристократіи; ихъ тайные агенты возбуждали парижскихъ санкюлотовъ требовать казни Людовика XVI. Когда было получено извѣстіе о его смерти, они съ торжествомъ гово-

рили, что смерть была ему справедливымъ наказаніемъ за то, что онъ согласился на уничтоженіе феодальныхъ правъ и на переобразованіе гражданскаго положенія католическаго духовенства. Малолѣтній сынъ Людовика XVI, наслѣдникъ престола, содержался въ плѣну въ Парижѣ, надобно было управлять дѣлами роялистовъ регенту; по неприкосновенному закону старинной монархіи, регентомъ слѣдовало быть старшему изъ дядей малолѣтняго короля; но графъ Прованскій (впослѣдствіи Людовикъ XVIII) не нравился эмигрантамъ, и они упорно требовали, чтобы онъ уступилъ власть младшему брату, графу д'Артуа (впослѣдствіи Карлу X). Нѣсколько мѣсяцевъ продолжалась борьба, и не смотря на сопротивленіе иностранныхъ дворовъ, признавшихъ права графа Провансаго, эмигранты вытребовали у него титулъ намѣстника королевства (lieutenant général du Royaume) для своего любимца. Потомъ, при каждомъ случаѣ недовольства представителемъ королевской власти, они дерзко ссорились съ нимъ, постоянно признавая своимъ истиннымъ главою не его, а графа д'Артуа. Въ такомъ положеніи оставались они къ Людовику XVIII и по возвращеніи Бурбоновъ во Францію: постоянно выражая ему свое неудовольствіе, они громко говорили, что повинуются не королю, а графу д'Артуа и постоянно интриговали противъ всѣхъ тѣхъ, кого Людовикъ XVIII удостоивалъ своимъ довѣріемъ. Хороши монархисты, которые желали насильственной смерти одного короля и не хотѣли повиноваться другому.

Либералы такъ же были преданы свободѣ, какъ роялисты преданы королю. Либеральная партія состояла около 1815 года изъ сліянія трехъ главныхъ оттѣнковъ: изъ людей, служившихъ Наполеону, но не желавшихъ его возвращенія, изъ настоящихъ бонапартистовъ и изъ приверженцевъ англійской конституціи (либераловъ въ точнѣйшемъ смыслѣ слова). Едва ли нужно говорить, до какой степени могли быть пылки конституціонныя желанія людей, служившихъ На-

полеону; еще менѣе могли умирать тоскою о свободѣ записные бонапартисты: система Наполеона, какъ извѣстно, мало походила на конституціонное правленіе. Остаются либералы въ тѣсномъ смыслѣ слова, —тѣ самые люди, которые позднѣе составили партію орлеанистовъ. Мы будемъ имѣть случай видѣть, какъ они защищали свободу, когда самовластіе казалось для нихъ выгодно. Но въ полномъ блескѣ ихъ уваженіе къ свободѣ выразилось послѣ 1830 года, когда они имѣли власть въ своихъ рукахъ. Самые горячіе роялисты 1820 годовъ не заходили такъ далеко, какъ Тьеръ, Гизо и вся ихъ партія въ 1832 и 1835 годахъ.

Было, правда, въ либеральной партіи нѣсколько человѣкъ дѣйствительно горячившихся изъ за свободы, какъ сами ее понимали, напримѣръ, Лафайетъ, Войе, д'Аржансонъ, Манюэль; но они по своей малочисленности не имѣли никакого вліянія на ходъ парламентскихъ преній во время Реставраціи. Были и между роялистами люди, дѣйствительно преданные королевской династіи, напримѣръ герцогъ Ришлье; но опять таки, во первыхъ, они не имѣли вліянія на свою партію; во вторыхъ, между либералами было такихъ людей гораздо больше,—перечислять ихъ всѣхъ, отъ Ройе-Коляра до Гизо, было бы слишкомъ долго.

Въ чемъ же заключались дѣйствительныя стремленія партій, изъ которыхъ одна выдавала себя защитницею монархической власти, другая—свободы? Онѣ заботились объ интересахъ, гораздо болѣе близкихъ имъ, нежели престолъ или свобода. Люди, называвшіеся роялистами, просто хотѣли возстановить привилегіи, которыми до революціи пользовалось дворянство и высшее духовенство; потому, что сами эти люди были изъ высшаго дворянства. Либеральную партію составляли люди средняго сословія: купцы, богатые промышленники, нотаріусы, покупщики большихъ участковъ конфискованныхъ имѣній,—словомъ, тотъ самый классъ, который позднѣе сдѣлался

извѣстенъ подъ именемъ буржуазіи; революція, низвергнувъ аристократическія привилегіи, оставила власть надъ обществомъ въ его рукахъ; онъ хотѣлъ сохранить власть.

Въ той и другой партіи этимъ задушевнымъ стремленіямъ были подчинены всѣ другія отношенія, между прочимъ и отношенія къ королевской власти. Стоило королю показать расположеніе къ среднему сословію, —роялисты начинали проклинать короля, кричать противъ деспотизма, а либералы рукоплескали самымъ насильственнымъ распоряженіямъ королевской власти и рвали въ клочки конституцію; разумѣется, когда, на оборотъ, король поддерживалъ феодальныя стремленія аристократовъ, роялисты начинали кричать о неприкосновенности и неограниченности королевской власти, а либералы говорили, что умрутъ, защищая конституцію.

Разборъ дѣйствій той и другой партіи въ 1815-30 гг., на каждомъ шагу приводитъ къ такому заключенію.

Мы не хотѣли писать полнаго обзора всѣхъ сторонъ историческаго движенія за эти годы; развитіе науки, литературы, экономическія отношенія, судебныя дѣла дипломатическія сношенія, военныя событія не входятъ въ нашъ разсказъ, потому что иначе слишкомъ расширился бы его объемъ: все вниманіе наше будетъ обращено исключительно на факты, объясняющіе характеръ политическихъ партій, существовавшихъ тогда во Франціи, и сущность внутренней политической исторіи государства. Съ тою же цѣлью, чтобы не увеличивать до чрезмѣрности объемъ этого очерка, мы начинаемъ его съ вторичнаго возвращенія Бурбновъ во Францію послѣ Ватерлоосксй битвы, или второй реставраціи, не говоря ни о кратковременномъ періодѣ первой реставраціи, окончившейся возвращеніемъ Наполеона съ Эльбы, ни о кратковременномъ господствѣ Наполеона во время Ста Дней. Обѣ эти эпохи были только прелюдіями къ длинной драмѣ собственно такъ называемаго періода Реставраціи, начинающагося послѣ Ватерлоо.

Послѣ Ватерлооскаго сраженія Веллингтонъ былъ владыкою Парижа; судьба Франціи зависѣла отъ милости союзныхъ монарховъ. Союзники требовали отъ Бурбоновъ благоразумія и снисходительности къ людямъ, замѣшаннымъ въ событія, слѣдовавшія за возвращеніемъ Наполеона съ Эльбы. Веллингтонъ громко объявилъ, что не допуститъ Людовика XVIII снова принять власть иначе, какъ если онъ будетъ управлять по совѣтамъ Фуше и сдѣлаетъ его министромъ; по мнѣнію Веллингтона только Фуше могъ предохранить Бурбоновъ отъ новаго изгнанія. Но событія доставили перевѣсъ во Франціи роялистамъ. Либералы, пораженные вмѣстѣ съ Наполеономъ, котораго поддерживали во время Ста Дней, почти безъ борьбы дали восторжествовать роялистамъ на выборахъ въ палату депутатовъ. Посмотримъ же, какъ доказали роялисты свою приверженность къ монархической власти.

Одинъ слухъ о ненависти избранныхъ въ палату роялистовъ къ Фуше заставилъ короля отказаться отъ помощи министра, пользовавшагося довѣріемъ Веллингтона и служившаго представителемъ примиренія Бурбоновъ съ новой Франціей. Роялисты ненавидѣли Фуше не за тѣ гнусныя жестокости, которыми онъ опозорилъ себя во время Терроризма,—они покровительствовали людямъ, не менѣе запятнавшимъ себя въ этомъ отношеніи, напримѣръ, генералу Канюэлю, который такъ свирѣпствовалъ противъ Вандейцевъ, что былъ удаленъ отъ должности коммисарами Конвента и не былъ потомъ употребляемъ ни на какія порученія Наполеономъ. Коварство Фуше также не было причиною вражды роялистовъ къ нему; они поддерживали многихъ людей, не превосходившихъ Фуше честностью. Но этотъ министръ доказывалъ Людовику XVIII, что Бурбоны не должны быть слѣпыми орудіями эмигрантовъ, что требованія крайнихъ реакціонеровъ противны интересамъ короля; роялисты хотѣли казнить или сослать болѣе трехъ тысячъ человѣкъ; Фуше доказалъ королю,

что такая масса жертвъ возбудитъ общее негодованіе и настоялъ на томъ, чтобы не болѣе пятидесяти семи лицъ были преданы суду, говоря, что и это число уже слишкомъ велико. Такого сопротивленія гибельному для самихъ Бурбоновъ мщенію не могли простить эмигранты, и Фуше принужденъ былъ противъ воли короля удалиться изъ министерства.

Тогда главою министерства сдѣлался герцогъ Ришлье, памятный у насъ заботами объ Одессѣ и лично пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ императора Александра. По своимъ мнѣніямъ, герцогъ былъ ревностный монархистъ; казалось бы, что роялисты должны довѣрять ему. По своимъ отношеніямъ къ императору Александру, отъ котораго зависѣли тогда рѣшенія европейскихъ державъ о судьбѣ Франціи, онъ былъ человѣкомъ незамѣнимымъ. Если бы роялисты желали избавить народъ отъ унизительныхъ непріятностей въ сношеніяхъ съ Европою, они должны были бы поддерживать Ришлье.

Еще до начала засѣданій палаты депутатовъ роялисты, составлявшіе въ ней огромное большинство, вынудили у короля отставку министра, услуги котораго были чрезвычайно полезны для Бурбоновъ. Но этотъ министръ служилъ республикѣ и Наполеону; быть можетъ, роялисты станутъ соблюдать болѣе умѣренности, выкажутъ себя хорошими подданными теперь, когда король вручилъ правленіе новому министру, который преданностью монархическому началу не уступитъ никому въ цѣлой Франціи.

На словахъ, палата депутатовъ пылала усердіемъ къ королю. Въ ней только и рѣчи было, что о королѣ и безграничной преданности ему; съ неистовымъ восторгомъ приняла она слова Воблана: „Огромное большинство палаты хочетъ вѣрно служить королю.“ Но палатѣ было извѣстно, что король не можетъ быть слишкомъ строгъ относительно людей, поддерживавшихъ Наполеона; что строгость повредитъ прочности его престола и можетъ поссорить его съ императоромъ Александромъ и Англіею. Ро-

ялисты не хотѣли обращать на то вниманія и, какъ только собралась палата, первымъ дѣломъ ея было представить королю адресъ, требовавшій мщенія. „Мы обязаны, государь, говорила палата, требовать у васъ правосудія противъ тѣхъ, которые подвергли опасности престолъ. Пусть они, до нынѣ гордящіеся своею измѣною и ободряемые безнаказанностью, будутъ преданы строгости судовъ. Палата ревностно будетъ содѣйствовать составленію законовъ, необходимыхъ для исполненія этого желанія.“ Правительство, повинуясь требованію, черезъ нѣсколько дней представило проэктъ закона о возмутительныхъ крикахъ, рѣчахъ и сочиненіяхъ; по проэкту эти нарушенія порядка объявлялись проступками и наказывались тюремнымъ заключеніемъ отъ трехъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ, лишеніемъ гражданскихъ и политическихъ правъ и отдачею подъ надзоръ тайной полиціи. Палата вознегодовала. „Какъ могло правительство предложить намъ такой проэктъ? говорили роялисты. Оно называетъ проступками то, что должно называть преступленіями; наказанія назначены слишкомъ легкія; представлять такой проэктъ палатѣ, составленной изъ роялистовъ —это чистая измѣна.“ Коммиссія палаты, разсматривавшая проэктъ, совершенно передѣлала его и усилила всѣ наказанія. „Наказанія должны быть соразмѣрны преступленіямъ, говорилъ въ своемъ рапортѣ палатѣ Пакье, докладчикъ коммиссіи; нужно, чтобы быстрота наказанія внушала спасительный ужасъ людямъ, которые хотѣли бы подражать преступникамъ. Всѣ друзья порядка и тишины желаютъ возстановленія превотальныхъ судовъ (*). До той поры пусть люди, подлежащіе этому закону, судятся уголовнымъ судомъ; но наказанія, назначенныя въ проэктѣ, слишкомъ легки для нихъ. Мы думаемъ, что

(Старинные суды, дѣйствовавшіе по особеннымъ инструкціямъ, не стѣсняясь ни законами, ни формами судопроизводства, казнившіе людей безъ дальнихъ околичностей полицейскимъ порядкомъ.

они должны наказываться или изгнаніемъ или ссылкой. Но простое изгнаніе—наказаніе ничтожное для нихъ. Ихъ должно осуждать на ссылку. Справедливость требуетъ, чтобы они были на вѣки удаляемы изъ той земли, на которой недостойны они жить, и посылались влачить подъ далекимъ небомъ жизнь, которую употребили на бѣдствія отечества и стыдъ соотечественникамъ. Сверхъ того они должны подвергаться строгому денежному штрафу, наказанію для этихъ людей болѣе чувствительному, нежели тюрьма, которая показалась бы для нихъ, не знающихъ стыда, только средствомъ жить въ праздности." Другой роялистъ, де-Семезонъ, требовалъ, чтобы мѣсто ссылки было назначено непремѣнно за предѣлами Европы, и чтобы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, за поднятіе трехцвѣтнаго знамени, назначалась вмѣсто ссылки смертная казнь.—„Согласенъ на законъ, шутливымъ тономъ сказалъ третій роялистъ Пье, только съ небольшой перемѣной, именно чтобы вмѣсто ссылки поставлена была смертная казнь,—перемѣна, какъ видите, пустая." Палата весело захохотала остротѣ. Одинъ изъ депутатовъ отважился было сказать: „Положимъ смертную казнь за поднятіе трехцвѣтнаго знамени вслѣдствіе обдуманнаго заговора, но неужели казнить человѣка, который сдѣлалъ бы это просто подъ пьяную руку?" Громкій ропотъ перервалъ его. Всѣ ораторы, говорившіе потомъ, обвиняли не только министерскій проэктъ, но и предложеніе коммиссіи въ излишней слабости. Правительство уступило требованіямъ палаты и согласилось на измѣненія, сдѣланныя коммиссіею.

Съ этой минуты палата рѣшительно беретъ въ свои руки верховную власть. Она не довѣряетъ министрамъ короля, передѣлываетъ всѣ ихъ законы. Министры ничтожны передъ ней; король долженъ покоряться ей безпрекословно. Со временъ Конвента не было законодательнаго собранія, которое недовѣрчивѣе смотрѣло бы на исполнительную власть и ще-

котливѣе выставляло бы при всякомъ случаѣ свои права. Роялисты вынудили у министерства отмѣненіе гарантій, ограждавшихъ личность гражданина отъ полицейскаго произвола, вынудили множество другихъ крутыхъ мѣръ и наконецъ одинъ изъ нихъ, Лабурдонне, подъ ироническимъ именемъ амнистіи предложилъ законъ, страшнымъ образомъ расширявшій разряды лицъ, подвергавшихся отвѣтственности за участіе въ событіяхъ Ста Дней. Это предложеніе было сдѣлано въ тайномъ комитетѣ палаты, поручено разсмотрѣнію тайной коммиссіи, которая не хотѣла открывать предмета совѣщаній самому правительству. Амнистія Лабурдонне подвергала смертной казни или ссылкѣ около тысячи двухъ-сотъ человѣкъ. Члены коммиссіи хотѣли еще увеличить это число. Ужасъ овладѣлъ Парижемъ, до котораго доносились слухи о намѣреніяхъ палаты. Правительство, испуганное путемъ, на который ведетъ его палата, рѣшилось предупредить ее, чтобы не навлечь на династію Бурбоновъ непримиримой ненависти націи. Весь кабинетъ торжественно явился въ палату съ проэктомъ закона, составленномъ въ духѣ гораздо болѣе кроткомъ. Палата передала проэктъ министерства на разсмотрѣніе прежней коммиссіи, негодуя на преступную снисходительность правительства. Коммиссія передѣлала проэктъ въ духѣ Лабурдонне. „Не слушайте софизмовъ гибельной филантропіи, служащей орудіемъ обмана въ устахъ вашихъ враговъ, говорилъ роялистъ Бодрю, когда начались пренія въ палатѣ послѣ прочтенія доклада коммиссіи: наказывайте, не колеблясь, иначе ошибетесь; предложеніе коммиссіи выше всякихъ возраженій.“—„Провидѣніе предаетъ наконецъ въ ваши руки злодѣевъ, вскричалъ Лабурдонне, вѣчное правосудіе сберегло ихъ среди опасностей именно для того, чтобы непреложно показать суетность ихъ коварства. Они говорятъ, что они прощены королемъ при его возвращеніи; нѣтъ, это прощеніе, подобно печати отверженія, положенной на челѣ перваго братоубійцы, хотѣло со-

хранить ихъ отъ человѣческаго суда для предоставленія вѣчному мщенію; но мученіе Каина не чувствительно для ихъ ожесточенныхъ сердецъ; вы малодушные, не предусмотрительные законодатели, вы видите ковы этихъ людей, ставшихъ позоромъ націи, и не накажете ихъ! Нѣтъ, эта палата, цвѣтъ націи, надежда всѣхъ истинныхъ французовъ, съумѣетъ предупредить новыя преступленія своей энергіей.“ По окончаніи преній, докладчикъ коммиссіи, Корбьеръ, объявилъ, что коммиссія не можетъ сдѣлать никакой уступки министрамъ. Министры рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему средству. Герцогъ Ришлье, бывшій тогда первымъ министромъ, всталъ, попросилъ президента палаты прекратить на время засѣданіе и вышелъ изъ залы въ сопровожденіи своихъ товарищей. Черезъ часъ, возвратившись на трибуну, онъ объявилъ палатѣ, что имѣлъ совѣщаніе съ королемъ, которому изложилъ ходъ преній, и теперь долженъ сообщить палатѣ желаніе короля. Онъ соглашается на нѣкоторыя измѣненія, предлагаемыя коммиссіею, но самымъ безусловнымъ образомъ отвергаетъ тѣ многочисленныя исключенія изъ амнистіи, которыхъ требуетъ коммиссія. „Да будетъ мнѣ позволено заклинать васъ не дѣлать закона милости причиною раздора, заключилъ Ришлье свою рѣчь:— послѣ потопа бѣдствій, наводнявшихъ нашу несчастную Францію, пусть законъ объ амнистіи явится на нашемъ политическомъ горизонтѣ, какъ символъ примиренія и спасенія для всѣхъ французовъ.“

Министры прибѣгали къ чрезвычайному способу укротить безразсудную мстительность роялистовъ. Во время преній указывать на прямую волю короля противно обычаямъ парламентской системы. Но министры извинялись отчаянностью своего положенія: роялисты принуждали правительство къ такимъ несвоевременнымъ мѣрамъ, которыя за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ были причиною изгнанія Бурбоновъ и неминуемо должны были вновь привести ихъ къ паденію. Роялисты могли бы негодовать на ми-

нистровъ, упросившихъ короля вмѣшаться въ пренія; но, если они дѣйствительно были вѣрными подданными короля, имъ оставалось теперь только покориться его волѣ. Они и не думали о томъ. „Конечно, господа, сказалъ Бетизи, намъ очень грустно становиться въ противорѣчіе съ желаніями короля: мы дали ему столько доказательствъ вѣрности, преданности и любви, двадцать пять лѣтъ нашимъ лозунгомъ было восклицаніе: жить для короля, умереть за короля! Но, господа, не забудемъ девиза нашихъ отцовъ: Богъ, честь и король; и если непреклонная честь обязываетъ насъ на время воспротивиться волѣ короля; если не довольный сопротивленіемъ своихъ вѣрныхъ слугъ своему королевскому милосердію, онъ отвращаетъ на время отъ насъ свой милостивый взглядъ, мы скажемъ: ура, король, и противъ его воли! Vive le roi quand même! Министры не нашлись, что возразить ему, и проэктъ закона, противный волѣ короля, былъ почти единодушно принятъ палатою среди громкихъ рукоплесканій. Изъ 366 членовъ только 32 депутата либеральной партіи подали голосъ за министерство и короля.

Точно таково же было отношеніе палаты къ министрамъ и королю по всѣмъ другимъ вопросамъ; въ каждомъ засѣданіи роялисты представляли своими рѣшеніями новыя подтвержденія тому, что не хотятъ обращать никакого вниманія на интересы царствующей династіи, на волю короля, на права королевской власти, и что подъ оффиціальными фразами ихъ о преданности престолу скрывается непреклонная рѣшимость управлять Франціею исключительно въ интересахъ эмигрировавшей аристократіи и постоянно вынуждать у короля безпрекословное повиновеніе ей. Не перечисляя всѣхъ законовъ и распоряженій, выражавшихъ коренное разногласіе между королемъ и роялистами, мы упомянемъ еще только объ избирательномъ законѣ отъ котораго долженъ былъ зависѣть характеръ власти, управлявшей Франціею. Министры представили проэктъ, по которому королю давалось

право причислять къ сословію избирателей нѣкоторое количество лицъ, не имѣвшихъ значительной недвижимой собственности, принимавшейся первымъ условіемъ при составленіи списковъ избирателей. По этому проэкту выборъ депутата производился прямо всѣми избирателями округа. Коммиссія палаты, отвергая проэктъ министерства, составила другой законъ, по которому совершенно устранялось вліяніе правительства при составленіи списковъ и избиратели, каждаго округа выбирали не прямо депутата, а только вторыхъ избирателей изъ числа значительныхъ землевладѣльцевъ департамента. Эти вторые избиратели, собираясь по департаментамъ, выбирали депутатовъ; такимъ образомъ, по проэкту коммиссіи, выборы въ палату депутатовъ отдавались совершенно въ руки аристократіи, становившейся вполнѣ независимою отъ короля. Проэктъ министерства былъ составленъ въ видахъ усиленія королевской власти; вся либеральная партія палаты единодушно поддерживала его. Проэктъ коммиссіи, назначенной роялистскимъ большинствомъ палаты, замѣнялъ монархическое устройство Франціи аристократическою республикою; королю оставалось при такомъ избирательномъ законѣ меньше власти, нежели имѣлъ венеціанскій дожъ; олигархія аристократическаго парламента становилась на мѣсто престола. Всѣ роялисты подали голосъ за проэктъ, уничтожавшій монархическую власть.

Очевидно было, что или долженъ отказаться отъ всякаго вліянія на государственныя дѣла король, стать слугою палаты депутатовъ, или должна быть распущена эта палата, столь громко вопіявшая о своемъ роялизмѣ и столь непреклонно возстававшая противъ короля. Людовикъ XVIII видѣлъ необходимость распустить палату, и 29 апрѣля 1816 года засѣданія палаты были отсрочены, а 5 сентября явилось королевское повелѣніе, объявлявшее, что палата распускается и предписывавшее произвести новые выборы.

Семь мѣсяцевъ продолжались засѣданія роялистской палаты. Пока она еще не начинала своихъ дѣйствій, трудно было не обмануться пышными рѣчами ея членовъ, изъявлявшихъ безграничную приверженность къ престолу, и Людовикъ XVIII, при началѣ ея засѣданій, въ порывѣ радости отъ роялистскаго состава палаты, назвалъ ее безпримѣрною палатою (chambre introuvable). Это имя оставила за ней исторія, но въ смыслѣ совершенно противномъ тому, съ какимъ въ началѣ было произнесено оно. Палата 1815 года была дѣйствительно безпримѣрна по враждѣ противъ всего того, на чемъ должно было утверждаться правительство Бурбоновъ. Роялисты съ перваго же раза ограничили монархическую власть такъ, какъ ограничилъ ее Долгій Парламентъ въ Англіи. Они такъ же мало довѣряли королю, такъ же упорно противились ему, какъ республиканцы революціонныхъ собраній.

За то либералы всѣми силами старались поддержать министерство, подвергавшееся постояннымъ оскорбленіямъ и пораженіямъ отъ роялистовъ. Обѣ партіи дѣйствовали въ духѣ, совершенно противномъ своимъ формальнымъ прозвищамъ. Либералы подавали голосъ за короля, роялисты противъ короля.

Но все, что мы видѣли до сихъ поръ, было блѣдно и слабо въ сравненіи съ бурными движеніями, возбужденными королевскимъ повелѣніемъ 5 сентября.

Если бы надобно было смотрѣть на это повелѣніе, какъ на фазисъ борьбы между властью короля и парламентскимъ правленіемъ, то, безъ сомнѣнія, защитники парламентскаго правленія огорчились бы такимъ проявленіемъ королевскаго произвола, какъ распущеніе палаты за несогласіе съ мнѣніями королевскихъ совѣтниковъ. Но они пришли въ восторгъ. Либералы привѣтствовали повелѣніе, распускавшее палату, какъ безсмертное благодѣяніе; они забывали всѣ преслѣдованія, которымъ подвергались отъ министра полиціи, Деказа, энергическаго любимца короля: Деказъ склонилъ короля и своихъ товарищей

распустить палату, и либералы провозглашали его спасителемъ Франціи. „Я не буду теперь жаловаться, писалъ Деказу одинъ изъ генераловъ либеральной партіи, шесть мѣсяцевъ уже содержавшійся въ тюрьмѣ по капризу министра:—я согласенъ платить годомъ свободы за каждое повелѣніе, подобное изданному вами.“

Если бы роялисты были приверженцы монархической власти, они радовались бы блистательному доказательству силы короля, выразившемуся распущеніемъ палаты. Напротивъ, они были раздражены до послѣдней степени. Ихъ представитель въ королевской фамиліи, графъ д'Артуа, называлъ Деказа измѣнникомъ. Не смотря на всѣ цензурныя строгости Вильмена, бывшаго потомъ при Гизо министромъ народнаго просвѣщенія, а теперь управлявшаго цензурою, журналистика роялистской партіи осыпала проклятіями ненавистное повелѣніе. Шатобріанъ, замѣчательнѣйшій представитель роялистовъ въ журналистикѣ, писалъ: „Какія побужденія склонили министровъ воспользоваться правомъ короля распускать палату? Партія, влекущая Францію къ погибели, боялась, что палата раскроетъ королю истинныя желанія Франціи. Но пусть не теряютъ мужества добрые французы, пусть они толпою идутъ на выборы; но пусть не довѣряютъ они обману: имъ будутъ говорить о королѣ, о волѣ короля. Не поддавайтесь этой уловкѣ: спасите короля противъ его воли — Sauvez le roi quand même.“

Всѣ люди, защищавшіе гражданское равенство французовъ передъ закономъ, противившіеся возстановленію старинныхъ привилегій и феодальныхъ несправедливостей, назывались въ то время у правительства революціонерами; всѣ, принимавшіе какое нибудь участіе въ событіяхъ революціи, были казнены, изгнаны, или заключены въ темницу. Однакоже, роялисты говорили, что король подпалъ вліянію революціонеровъ, заставившихъ его мстить роялистамъ за изгнаніе членовъ конвента, которыхъ тогда на-

зывали цареубійцами, и Шатобріанъ восклицалъ: „Бонапарте имѣлъ на службѣ революціонеровъ, презирая ихъ, нынѣ хотятъ имѣть ихъ на службѣ въ почетѣ. Могли ли ожидать роялисты, что такіе люди будутъ слугами законныхъ королей? Якобинцы, испуская крикъ радости во всеуслышаніе своимъ братьямъ въ остальной Европѣ, вышли изъ своихъ берлогъ, явились на выборы, сами изумляясь тому, что ихъ призываютъ на выборы, что ихъ ласкаютъ, какъ истинныхъ опоръ престола.“

Такимъ образомъ герцогъ Ришлье, эмигрантъ и другъ русскаго императора, становился якобинцемъ и революціонеромъ; якобинцемъ становился Деказъ, разстрѣлявшій и казнившій въ угодность роялистамъ сотни людей отъ Нэя и Лабедойера до самыхъ безвѣстныхъ простолюдиновъ. Самъ Людовикъ XVIII не избѣжалъ этого обвиненія: „Онъ смолоду имѣлъ наклонность къ якобинству; онъ либеральничалъ еще въ 1788 году, при собраніи нотаблей, предшествовавшихъ конституціонному собранію,“ говорили роялисты.

Ярость ихъ была очень натуральна: новый законъ о выборахъ, отдававшій власть въ ихъ руки, былъ отвергнутъ палатою перовъ, потому что вышелъ изъ палаты депутатовъ въ редакціи, никуда не годной въ чисто техническомъ отношеніи. Составить другаго закона палата депутатовъ еще не успѣла, когда была распущена, и выборы должны были производиться по правиламъ, существовавшимъ прежде. Правила эти были чрезвычайно односторонни, совершенно исключая отъ участія въ выборахъ не только простолюдиновъ, но и болшую часть средняго сословія. Тѣмъ не менѣе они не отдавали всей силы исключительно въ руки аристократовъ; общественное мнѣніе имѣло при нихъ нѣкоторое, хотя и слабое вліяніе на результатъ выборовъ. Роялисты раздражили своею мстительностью всю Францію, встревожили каждое семейство намеками на конфискацію всѣхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ во время республики и

имперіи, и не могли теперь ожидать того успѣха на выборахъ, какой имѣли въ 1815 году. Дѣйствительно, около половины роялистскихъ депутатовъ прежней палаты потерпѣли неудачу. Въ палатѣ 1815 года они имѣли огромное большинство; въ новой палатѣ, изъ 259 членовъ, роялистовъ было около 100. Теперь они на долго должны были отказаться отъ надеждъ возстановить феодальное устройство, о которомъ мечтали. Король отнялъ у нихъ эту возможность, чтобы самому не лишиться престола; за то король былъ для нихъ ненавистенъ, и они стали нападать на королевскую власть съ яростью, которой могли бы позавидовать санкюлоты 1792 года.

При повѣркѣ выборовъ, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій новой палаты, Вильель, одинъ изъ предводителей роялистовъ, явился уже горячимъ защитникомъ свободы противъ вмѣшательства административныхъ властей въ выборы. Издатель одного роялистскаго журнала, Роберъ, былъ арестованъ и журналъ его запрещенъ; въ предыдущіе мѣсяцы, когда господствовали роялисты, запрещеніе либеральныхъ журналовъ было дѣломъ ежедневнымъ, и чуть ли не въ каждой тюрьмѣ королевства сидѣли журналисты, арестованные безъ суда роялистами. Но когда власть обратилась противъ роялистовъ, они подняли крикъ о ненарушимыхъ правахъ свободы, и тотъ самый Пье, который съ милой шутливостью требовалъ смертной казни за словесные и печатные проступки, теперь явился истиннымъ Мильтономъ, провозвѣстникомъ свободы слова: „Въ дѣлѣ Робера, говорилъ онъ, я вижу нѣчто болѣе, чѣмъ незаконный арестъ и произвольное запрещеніе журнала; я вижу въ немъ возстановленіе пытки.“

За то либералы, еще недавно кричавшіе о свободѣ, теперь единодушно подавали голоса въ оправданіе всѣхъ произвольныхъ дѣйствій министерства: постояннымъ большинствомъ 160 голосовъ были отвергаемы всѣ жалобы новыхъ защитниковъ свободы, было оправдано вмѣшательство министровъ при выборахъ,

и арестъ Робера, и запрещеніе его журнала. Либералы поддерживали всю систему Деказа, систему цензуры и противныхъ конституціи законовъ. Вильменъ противозаконно стѣснялъ роялистскую журналистику и запрещалъ роялистскіе журналы. Знаменитый другъ свободы мышленія и, по тогдашнему мнѣнію либераловъ, великій философъ, Ройе-Коляръ, говорилъ въ отвѣтъ роялистамъ: „Нельзя отрицать того, что, гдѣ есть партіи, тамъ журналы перестаютъ быть органами личныхъ мнѣній и, предаваясь интересамъ партій, становятся орудіемъ ихъ политики, театромъ ихъ битвъ, и свобода журналовъ обращается только въ свободу необузданныхъ партій.“

Правительство не могло не отблагодарить либераловъ за такую безграничную приверженность, и представило палатѣ новый законъ о выборахъ, по которому избирателемъ былъ каждый гражданинъ, платящій 300 франковъ прямыхъ податей, т. е. каждый зажиточный человѣкъ безъ различія въ томъ, движимая или недвижимая собственность составляетъ его имущество. Число избирателей, вслѣдствіе этого закона, возрастало до 90,000 человѣкъ, изъ которыхъ огромное большинство принадлежало къ среднему сословію, враждебному феодальнымъ правамъ. Не нужно и говорить о томъ, что роялисты, рѣшительно убиваемые этимъ проэктомъ, возстали противъ него; но замѣчательно то, что, они, недовольные проэктомъ за уничтоженіе привилегій большихъ землевладѣльцевъ-аристократовъ надъ купцами и землевладѣльцами средняго сословія, вдругъ обратились въ защитниковъ демократіи и упрекали новый законъ за его аристократизмъ: „Вы хотите повергнуть всю націю передъ золотымъ тельцомъ, восклицалъ Лабурдонне, предводитель роялистовъ: — вы хотите поработить націю самой жестокой, самой наглой аристократіи. Неужели пролито столько крови, принесено столько жертвъ только для того, чтобы прійти къ такому результату, постепенно уничтожить всѣ провозглашенныя вами права и отдать подъ иго поли-

тическаго рабства націю, возставшую съ пѣснями свободы? А ты, французскій народъ, слишкомъ легковѣрно служившій орудіемъ для всѣхъ честолюбцевъ, узнай, по крайней мѣрѣ, теперь, кто твои враги, кто твои друзья!" Защита свободы должна быть всегдашнею обязанностью демократовъ, и другой роялистъ, Корне-д'Энкуръ прибавлялъ: „Произвольными законами замѣнены постановленія конституціи, потомъ и эти законы замѣнены простыми повелѣніями короля, потомъ и королевскія повелѣнія замѣнены инструкціями отъ министровъ, и эти инструкціи толкуются въ свою очередь по произволу префектами. Министръ полиціи сталъ великимъ избирателемъ королевства. У насъ нѣтъ ни закона объ отвѣтственности министровъ, ни личной свободы, ни свободы печати, ни свободы выборовъ. Проэктъ настоящаго закона не ограждаетъ ни свободы выборовъ, ни независимости палаты; я его отвергаю."

Но роялисты, сдѣлавшіеся страстными защитниками свободы, не убѣдили либераловъ позаботиться о ней и избавить націю отъ порабощенія аристократіею золотаго тельца. Проэктъ былъ принятъ, и 5 февраля 1817 года новый законъ о выборахъ былъ обнародованъ. Либералы въ своемъ ревностномъ усердіи къ правительству пошли еще далѣе. Они приняли два закона, дѣйствительно противорѣчащіе и конституціи и самымъ основнымъ понятіямъ о политической свободѣ.

Первый изъ этихъ законовъ отдавалъ на произволъ администраціи личную свободу, неприкосновенность которой провозглашалась конституціею. Правда, по прежнему закону, составленному въ 1815 году, администраціи предоставлялось еще больше произволу; новымъ закономъ смягчались постановленія прежняго; но все-таки онъ былъ противенъ свободѣ и конституціи. Однако же либералы поддерживали его; это тѣмъ любопытнѣе, что, присоединивъ свои голоса къ голосамъ роялистовъ, противившихся закону, они могли бы отвергнуть его, и тогда конституція вошла

бы въ силу, личная свобода была бы ограждена. Но въ такомъ случаѣ потерпѣли бы пораженіе министры, представившіе проэктъ, а для либераловъ сохраненіе министерства, враждебнаго роялистамъ, было важнѣе, нежели возстановленіе свободы. За то роялисты, годъ тому назадъ, постановившіе гораздо болѣе деспотическій законъ, теперь кричали о нестерпимомъ нарушеніи свободы новымъ закономъ.

Таже самая исторія была и съ закономъ, ограничивавшимъ свободу журналистики.

Либералы усердно поддерживали министерство, а между тѣмъ оно продолжало, какъ въ 1815 и 1816 годахъ, подвергать тюремному заключенію и смертной казни самымъ произвольнымъ и противузаконнымъ образомъ множество людей. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ и за что погибали тогда люди во Франціи, мы упомянемъ только объ одномъ случаѣ. Отставной капитанъ кавалеріи, Велю, былъ призванъ въ судъ за то, что назвалъ свою лошадь козакомъ. „Какъ могли вы дать своей лошади имя, драгоцѣнное для всѣхъ добрыхъ французовъ? спросилъ судья. — „Я купилъ ее у русскаго офицера и назвалъ козакомъ, какъ назвалъ бы нормандцемъ, если бы купилъ у нормандца,“ отвѣчалъ капитанъ. — „Но вы должны были знать, что вы оскорбляли народъ, мужеству котораго Франція отчасти обязана возстановленіемъ законной власти.“ Капитанъ Велю не нашелся, что отвѣчать на такое нелѣпое обвиненіе. Ему объявили, что онъ предается превотальному суду. Тюремное заключеніе такъ подѣйствовало на разстроенное военною службою здоровье капитана, что онъ умеръ. Послѣ этого не нужно говорить, какова была участь людей, обвинявшихся въ нерасположеніи къ правительству, а тѣмъ болѣе въ какихъ нибудь злоумышленіяхъ противъ него, обыкновенно изобрѣтенныхъ усердіемъ шпіоновъ.

По закону, изданному 5 февраля 1817 года, каждый годъ подвергалась новымъ выборамъ одна пятая часть палаты депутатовъ. Прошло два такихъ срока, въ

оба раза выборы сильно неблагопріятствовали роялистамъ; они видѣли, что скоро совершенно исчезнутъ изъ палаты и не имѣли надежды ни при какихъ обстоятельствахъ возвратить себѣ силу въ ней подъ вліяніемъ закона 5 февраля. Въ этомъ отчаянномъ положеніи они прибѣгли къ разнымъ интригамъ, чтобы запугать монарховъ Священнаго Союза; графъ д'Артуа послалъ къ этимъ государямъ тайную записку, доказывавшую, что если не будетъ отмѣненъ законъ 5 февраля, то Франція снова впадетъ во власть революціонеровъ, массами проникающихъ въ палату при каждыхъ новыхъ выборахъ. Французское министерство получило предостереженія отъ союзныхъ державъ. Герцогъ Ришлье, до той поры совершенно не занимавшійся внутренними дѣлами Франціи, ограничиваясь исключительно дипломатическими заботами и не знавшій ни положенія, ни духа внутреннихъ партій, пришелъ въ ужасъ и рѣшился послѣдовать предостереженію, которое считалъ личнымъ мнѣніемъ русскаго императора. Но Деказъ не обманулся уловками роялистовъ: онъ понялъ, что ихъ ложныя извѣстія вовлекли въ ошибку дипломатовъ священнаго союза; онъ очень хорошо зналъ, много-ли революціонныхъ опасностей въ либерализмѣ, и понималъ, что гибельны для престола Бурбоновъ могутъ быть только роялисты, но никакъ не либералы. Онъ воспротивился измѣненію прежней системы и вмѣстѣ съ нѣсколькими другими министрами подалъ въ отставку. Безъ Деказа, Ришлье не могъ управлять дѣлами и также подалъ въ отставку. Людовикъ XVIII поручилъ Деказу составить новое министерство.

И такъ герцогъ Ришлье, три года бывшій главою министерства, сдѣлался частнымъ человѣкомъ. Франція была обязана ему тѣмъ, что союзные монархи поступили съ нею въ 1815 году гораздо снисходительнѣе, нежели какъ предполагалось. При извѣстіи о возвращеніи Наполеона съ Эльбы, Талейранъ, бывшій французскимъ уполномоченнымъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, до того растерялся, что пожертвовалъ

всѣми выгодами отечества. По ходатайству герцога Ришлье, императоръ Александръ I убѣдилъ своихъ союзниковъ значительно смягчить условія мира съ Франціею послѣ Ватерлооской битвы. Ришлье, благодаря расположенію русскаго императора, избавилъ Францію отъ платежа многихъ сотенъ милліоновъ франковъ. Потомъ, также по его ходатайству, былъ двумя годами сокращенъ срокъ квартированія союзныхъ войскъ во Франціи. Этимъ Франція избавлялась отъ униженія видѣть себя подъ наблюденіемъ иностранныхъ армій, и снова выигрывала нѣсколько сотъ милліоновъ. Словомъ сказать, не было въ то время человѣка, которому Франція была бы такъ много обязана, какъ герцогу Ришлье. Теперь, переставая быть министромъ онъ дѣлался бѣднякомъ. Франція должна была обезпечить отъ нищеты старость человѣка, оказавшаго ей безмѣрныя услуги и для службы ей отказавшагося отъ блестящаго и прочнаго положенія въ Россіи. Въ палаты перовъ и депутатовъ было внесено предложеніе „назначить герцогу національное вознагражденіе, соразмѣрное огромности его услугъ и его безкорыстію.“ Министерство предложило палатамъ назначить ему, въ видѣ пенсіи, майоратъ въ 50,000 франковъ изъ недвижимыхъ государственныхъ имуществъ.

Если бы роялисты дѣйствительно были преданы престолу, они могли бы сказать противъ этого предложенія развѣ то, что пенсія должна быть назначена гораздо больше. Монархическія чувства герцога были внѣ всякихъ сомнѣній. Услуги его Бурбонамъ были безмѣрны. Не только приверженность къ престолу, но и простое чувство приличій запрещало роялистамъ возставать противъ пенсіи: герцогъ Ришлье вышелъ изъ министерства именно потому, что по желанію роялистовъ хотѣлъ измѣнить законъ о выборахъ. Наконецъ чрезвычайное благородство, съ которымъ онъ, узнавъ о намѣреніи назначить ему пенсію, отказывался отъ нея, должно бы зажать ротъ каждому сколько нибудь благородному человѣку, хо-

тя бы и недовольному герцогомъ. Но Ришлье распустилъ роялистскую палату 1815 года и тѣмъ разрушилъ перевѣсъ роялистовъ: этого не могли они простить ему, и предложеніе о пенсіи подняло съ ихъ стороны самый неприличный крикъ. Они выставляли подобную награду примѣромъ опаснымъ для будущаго времени; спрашивали, почему же не назначается такая же награда всѣмъ бывшимъ товарищамъ Ришлье по министерству: если дѣйствія министерства заслуживаютъ награды, то несправедливо давать награду одному министру, а не всѣмъ; наконецъ, говорили они, если Ришлье былъ хорошимъ министромъ, то почему же онъ не остался министромъ? онъ вышелъ въ отставку, значитъ, онъ самъ видитъ, что его управленіе не годится для Франціи, и послѣ того, какъ же можно награждать министра, который самъ осудилъ себя своею отставкою.

Рѣчи роялистовъ были такъ обидны, что, когда большинство палатъ назначило ему пенсію, онъ пожертвовалъ ее въ пользу Бордосскихъ госпиталей.

Въ то время, какъ роялисты своими оскорбленіями герцогу Ришлье доказывали, что прекрасно умѣютъ цѣнить преданность и услуги престолу, либералы продолжали столь же ясно показывать, какъ ненарушимы для нихъ права свободы. Изъ множества фактовъ мы приведемъ одинъ, въ которомъ самую лестную роль игралъ Вильменъ, до сихъ поръ съ блестящимъ краснорѣчіемъ разсуждающій о любви къ свободѣ и въ своихъ книгахъ, и въ засѣданіяхъ французской академіи. Мы уже упоминали, что онъ тогда управлялъ цензурною частью. При молчаніи, наложенномъ на газеты, довольно сильный интересъ въ публикѣ пробуждали статьи Bibliothèque historique, печатавшей разные документы и рукописи, относившіяся къ прошедшему времени. Издатель ея, Гоке, вздумалъ было помѣстить въ прибавленіи къ одной изъ своихъ книжекъ „Разговоръ между изгнанникомъ и членомъ палаты 1815 года.“ Статья эта самымъ мягкимъ образомъ намекала, что преслѣдованія 1815

года были слишкомъ суровы. Она была напечатана, но еще до выпуска книжки, Гоке рѣшился уничтожить этотъ разговоръ, чтобъ не подвергать себя опасности. „Гдѣ же прибавленіе къ этому нумеру?" сказалъ Вильменъ, когда Гоке принесъ ему на разсмотрѣніе книжку. Гоке отвѣчалъ, что прибавленіе уничтожено. Тогда Вильменъ сталъ просить у него двухъ экземпляровъ прибавленія лично для себя. „Дайте ихъ мнѣ, не какъ оффиціальному лицу, для моей частной библіотеки," говорилъ онъ. Гоке долго не соглашался, наконецъ уступилъ просьбамъ Вильмена и принесъ ему два экземпляра прибавленія; черезъ нѣсколько часовъ, въ типографію Гоке явилась полиція и захватила тѣ экземпляры прибавленія, которыхъ не успѣли еще уничтожить рабочіе, истреблявшіе эту макулатуру. Гоке былъ подвергнутъ суду за то, что далъ два экземпляра Вильмену. Онъ былъ на три мѣсяца заключенъ въ тюрьму; дѣла его въ это время разстроились и, обанкротившись, онъ скоро умеръ отъ печали.

Такіе либералы, разумѣется, не могли служить представителями страстей и интересовъ, двадцать лѣтъ тому назадъ вызвавшихъ французскую революцію. Образованные простолюдины чуждались ихъ почти столько же, сколько и роялистовъ. Не находя себѣ выраженія ни въ партіяхъ, раздѣлявшихъ палаты, ни въ журналистикѣ, революціонныя идеи тѣмъ сильнѣе волновали людей, остававшихся въ сторонѣ отъ публичнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Скоро явились фанатики молчаливые и скрытные, но тѣмъ болѣе рѣшительные. Одинъ изъ нихъ, Лувель, рѣшился убить герцога Беррійскаго, который одинъ изъ всѣхъ Бурбоновъ могъ имѣть потомство и продлить свою династію. 13 февраля 1820 года онъ желѣзною полосою, заостренною въ видѣ кинжала, смертельно поразилъ принца при выходѣ изъ оперы. Этотъ человѣкъ вовсе не былъ либераломъ; онъ не имѣлъ понятія о преніяхъ, которыя съ такимъ шумомъ велись въ палатахъ и возбуждали такія опа-

сенія въ правительствѣ. Лувель былъ простымъ рабочимъ у королевскаго сѣдельщика. „Что васъ побудило совершить преступленіе?“ сказалъ ему Деказъ на допросѣ.—„Я считаю Бурбоновъ злѣйшими врагами Франціи,“ отвѣчалъ этотъ человѣкъ.—„Зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ покусились на жизнь именно герцога Беррійскаго?“—Затѣмъ, что онъ моложе другихъ принцевъ королевскаго дома и, вѣроятно, онъ имѣлъ бы потомство.“—„Раскаяваетесь ли вы въ своемъ поступкѣ?“—„Нисколько.“—„Возбуждалъ ли васъ кто нибудь, былъ ли кто вашимъ сообщникомъ?“ —„Никто.“

Дѣйствительно, Лувель не имѣлъ сообщниковъ, но за его преступленіе расплатился Деказъ, конечно, столько же гнушавшійся имъ, какъ и самые пылкіе роялисты.

Роялисты обрадовались несчастью, постигшему королевскую фамилію. Оно дало имъ желанный случай низвергнуть ненавистнаго министра. Когда на другой день открылось засѣданіе палаты депутатовъ, Клозель де-Куссергъ, одинъ изъ отважнѣйшихъ между роялистами, вошелъ на трибуну. „Министры должны быть обвиняемы въ публичномъ засѣданіи предъ лицомъ Франціи, сказалъ онъ:—я предлагаю палатѣ составить актъ обвиненія противъ г. Деказа, министра внутреннихъ дѣлъ, какъ сообщника въ убійствѣ....“ Крики негодованія раздались со стороны министерскихъ членовъ и прервали его рѣчь. Но роялисты достигли своей цѣли черезъ нѣсколько дней. „Безразсудный, вы испортили дѣло, сказалъ Вильель Клозелю, когда онъ сошелъ съ трибуны: вмѣсто прямого участія въ убійствѣ надобно было обвинять Деказа просто въ измѣнѣ.“

Деказъ былъ обязанъ своею властью чрезвычайному личному расположенію Людовика XVIII. Онъ былъ любимымъ собесѣдникомъ стараго короля; онъ одинъ умѣлъ развлекать его скуку; старикъ толковалъ съ нимъ обо всемъ, чѣмъ интересовался самъ: о городскихъ новостяхъ, о латинскихъ классикахъ, о фран-

цузской литературѣ, о своихъ сочиненіяхъ. Онъ одного дня не могъ прожить безъ Деказа и называлъ его своимъ сыномъ. Оставшись съ нимъ наединѣ, король залился слезами: „Дитя мое, говорилъ онъ, роялисты начнутъ съ нами страшную войну; они воспользуются смертью моего племянника; они нападутъ не на твою, а на мою систему; не тебя одного ненавидятъ они, а также и меня.“ Деказъ отвѣчалъ, что, какъ ни прискорбна была бы ему отставка въ связи съ такимъ страшнымъ случаемъ, но онъ готовъ удалиться изъ министерства для спокойствія короля. „Нѣтъ, нѣтъ, горячо вскричалъ Людовикъ XVIII: — ты не покинешь меня, я требую, чтобы ты остался! Они не разлучатъ насъ.“ Вечеромъ былъ созванъ совѣтъ изъ министровъ и нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ для соображеній о мѣрахъ, требуемыхъ обстоятельствами. „Господа, сказалъ Людовикъ XVIII, обращаясь къ собранію: — роялисты наносятъ мнѣ послѣдній ударъ; они знаютъ, что система г. Деказа — моя система и обвиняютъ его, будто онъ убилъ моего племянника! Не первую клевету подобнаго рода взводятъ они на меня. Я хочу, господа, спасти отечество безъ нихъ.“

Но могъ ли дряхлый старикъ выдержать борьбу съ непримиримыми врагами своего любимца, восторженно схватившимися за счастье, доставленное имъ рукою Лувеля? На другой день, въ засѣданіи палаты депутатовъ, 15 февраля, Клозель де-Куссергъ снова вошелъ на трибуну и объявилъ, что не отступаетъ отъ своего обвиненія. „Я передалъ г. президенту слѣдующее предложеніе, сказалъ онъ: имѣю честь предложить палатѣ составить обвиненіе противъ г. Деказа, министра внутреннихъ дѣлъ, какъ виновнаго въ измѣнѣ по смыслу 56-й статьи конституціи.“ Роялисты не имѣли большинства въ палатѣ, обвиненіе было отвергнуто. Но у нихъ были другіе пути къ достиженію своей цѣли. Сила роялистовъ сосредоточивалась въ тайномъ обществѣ, извѣстномъ подъ именемъ конгрегаціи. Тайные Іезуиты, овладѣв-

шіе отцомъ убитаго принца и братомъ короля, графомъ д'Артуа, были руководителями этого общества. Оно повсюду имѣло агентовъ, располагало огромными суммами, но скрывало свои дѣйствія такъ искусно, что очень немногимъ людямъ во Франціи были извѣстны даже имена людей, управлявшихъ конгрегаціею; она дѣйствовала такъ хитро, что въ тѣ времена многіе историки и публицисты даже отвергали существованіе ея политическихъ интригъ. Только послѣ 1830 года, когда найдены были тайныя бумаги конгрегаціи, обнаружилась вся обширность ея вліянія на ходъ событій. „Преступленіе Лувеля не повлекло за собою немедленнаго паденія фаворита, писали предводители конгрегаціи своимъ сочленамъ въ департаментахъ:—но не смущайтесь. Мы стащимъ его съ мѣста силой, если самъ король не захочетъ прогнать его; а между тѣмъ организуйтесь; ни въ руководствѣ, ни въ деньгахъ у васъ не будетъ недостатка." Роялистскіе салоны волновались. „Деказъ, говорили тамъ, продалъ монархію революціонерамъ; кровь герцога Беррійскаго запечатлѣваетъ союзъ его съ либералами. Вы увидите, что слѣдствіе противъ убійцы, которому онъ далъ полную свободу совершить свое дѣло, будетъ заглушено и будутъ приняты всѣ предосторожности, чтобы скрыть отъ Франціи бездну заговора." Деказъ хотѣлъ бороться, опираясь на либераловъ, и роялисты приходили въ неистовство. „Повѣритъ ли Европа? восклицалъ Journal des Débats, бывшій тогда органомъ роялистовъ. Этотъ министръ, политика котораго ужасаетъ народы и царей, онъ, бывшій до сихъ поръ всемогущимъ противъ вѣрныхъ подданныхъ, безсильнымъ противъ измѣнниковъ и убійцъ, онъ, вмѣсто того, чтобы раскаяваться — грозитъ, вмѣсто того, чтобы скрыть мученія своей совѣсти въ темномъ уединеніи, онъ хочетъ, можно сказать, завладѣть престоломъ! Неужели принимаетъ насъ за націю идіотовъ этотъ Бонапарте лакейской? Четыре года наша несчастная страна оставлена была игрушкой въ рукахъ блуднаго

сына; онъ не умѣетъ держать бразды правленія въ своихъ слабыхъ рукахъ и потому французы соглашаются жить рабами.“

Руководимые конгрегаціею, графъ д'Артуа, герцогъ и герцогиня Ангулемскіе явились къ Людовику XVIII и потребовали удаленія Деказа. „Графъ Деказъ защищалъ мою власть противъ людей, не повиновавшихся закону и принуждавшихъ меня идти путемъ, который я осуждаю, сказалъ Людовикъ. Этимъ онъ исполнялъ обязанность вѣрнаго министра. Онъ не предлагалъ ничего такого, что не было бы сообразно съ моими повелѣніями. Въ палатѣ могутъ отдѣлять волю моихъ министровъ отъ моей воли—это понятно; но могутъ ли дѣлать это различіе, чистосердечно и не оскорбляя меня, члены моего семейства? Объявляю вамъ, заключилъ король, разгорячившись отъ противорѣчія, что я никогда не зналъ человѣка съ сердцемъ болѣе открытымъ и искреннимъ, чѣмъ графъ Деказъ. Я убѣжденъ, что онъ пожертвовалъ бы жизнью за моего племянника, какъ пожертвовалъ бы за меня. Я уважаю заблужденіе вашей скорби; моя скорбь не менѣе мучительна, но она не сдѣлаетъ меня несправедливымъ.“ Но принцы продолжали настаивать, и слабый старикъ не могъ выдержать борьбы. Утомленный противорѣчіемъ, онъ сказалъ наконецъ: „Вы такъ хотите, постараюсь исполнить ваше желаніе„. Но уступка была слѣдствіемъ безсилія, а не согласія. „День разлуки съ тобою печальнѣйшій день моей жизни, сказалъ онъ Деказу, передавая ему требованіе роялистовъ: ахъ, дитя мое, не тебя, а меня хотятъ они погубить!“ Роялистамъ мало было лишить короля услугъ преданнаго и любимаго министра,—они требовали непремѣнно, чтобы Деказъ удаленъ былъ изъ Парижа, изъ Франціи. Людовикъ принужденъ былъ уступить: Деказъ отправился посланникомъ въ Лондонъ, въ почетную ссылку. Скорбь короля отъ этой потери была безпредѣльна. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, одна мать, несчастіями разлученная съ дѣтьми, говорила ему о своей тоскѣ по

нихъ—глухіе стоны прервали ея разсказъ, она взглянула на короля—у него на глазахъ были слезы: „Ахъ, и у меня отняли сына, проговорилъ онъ, рыдая:—они были безжалостны, они отняли его у меня!“ Онъ говорилъ о Деказѣ.

На мѣсто Деказа, Людовикъ XVIII призвалъ Ришлье. Но политическія огорченія были слишкомъ свѣжи въ памяти герцога: два раза онъ отказывался отъ порученія составить новое министерство, не желая вновь подвергаться злобѣ роялистовъ. Наконецъ, Людовикъ XVIII призвалъ къ себѣ вмѣстѣ съ нимъ графа д'Артуа, и этотъ глава роялистовъ далъ „честное слово благороднаго человѣка (sa parole de gentilhomme), что его партія будетъ поддерживать Ришлье Только тогда Ришлье согласился. Мы говорили о безграничной преданности герцога Ришлье династіи Бурбоновъ. Его министерство было составлено изъ людей съ монархическими убѣжденіями, столь же несомнѣнными. Если бы роялисты дѣйствительно хлопотали о строго монархическихъ началахъ, они могли бы быть довольны новымъ кабинетомъ. Отъ ихъ имени, съ ихъ согласія, графъ д'Артуа, называвшійся ихъ главою, обѣщалъ поддерживать Ришлье. Посмотримъ, какъ они сдержали это слово.

Новое министерство съ самаго начала исполнило всѣ явныя желанія роялистовъ. Оно возстановило цензуру, которой требовали роялисты, потому что находили себя безсильными выдерживать борьбу съ либералами передъ публикою. Оно измѣнило законъ о выборахъ, такъ что большіе землевладѣльцы получили въ свои руки исключительную власть назначать депутатовъ, —это было постоянною цѣлью желанія роялистовъ, потому что значительныя помѣстья почти исключительно принадлежали эмигрантамъ, потомкамъ старинныхъ феодаловъ При Наполеонѣ три четвертыхъ части богатыхъ землевладѣльцевъ были изъ старинныхъ знатныхъ фамилій; по возвращеніи Бурбоновъ, эта пропорція стала еще гораздо больше. Дѣйствительно новый законъ сдѣлалъ роялистовъ

исключительно господствующимъ сословіемъ въ государствѣ. Либеральная партія, съ каждымъ годомъ усиливавшаяся въ палатѣ при дѣйствіи прежняго закона, дававшаго участіе въ выборахъ владѣльцамъ помѣстій средней величины и купцамъ, вдругъ почти совершенно исчезла изъ палаты послѣ новыхъ выборовъ. Весь составъ администраціи былъ измѣненъ въ угодность роялистамъ: подозрительныя имъ лица тысячами были отставлены отъ должностей и замѣнены ихъ кліентами. Наконецъ повидимому, въ составъ самаго министерства были приняты трое предводителей роялистской партіи, министерство всѣмъ этимъ довольно доказывало свое желаніе управлять государствомъ сообразно съ явными требованіями роялистовъ; нѣтъ нужды говорить, что всѣ второстепенныя дѣла велись въ томъ же духѣ, въ какомъ преобразована была администрація и изданы важнѣйшіе законы. Мало того; уступчивость министерства къ роялистамъ доходила до безпримѣрныхъ границъ: когда роялисты бывали недовольны тою или другою подробностью какого нибудь закона, составленнаго министерствомъ въ ихъ духѣ, министры, если не могли согласиться на перемѣны, предлагаемыя роялистами, то просто молчали и при баллотировкѣ не подавали голоса, чтобы не обидѣть взыскательныхъ союзниковъ даже самымъ мелочнымъ разнорѣчіемъ. Но роялисты, не смягчаясь никакою снисходительностью министерства, продолжали каждый день, на каждомъ шагу, язвить и поражать его. Ихъ горячность противъ министровъ пренебрегала даже основными правилами парламентской благопристойности. Вотъ одинъ случай, могущій дать о томъ понятіе. Однажды, жалуясь роялистамъ на ихъ безпрестанныя выходки противъ министерства, оказавшаго имъ такъ много услугъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, Пакье, отважился напомнить про обѣщаніе поддержки, данное роялистами новому кабинету при вступленіи его въ дѣла. „Ораторы, нынѣ нападающіе на насъ и выставляющіе насъ своимъ друзьямъ людьми, незаслуживающими до-

вѣрія, сказалъ онъ, должны были бы говорить это тогда, когда заключался союзъ между ними и нами, а не теперь, когда они получили всѣ выгоды отъ этого союза.“ Въ отвѣтъ на это, Лабурдонне напалъ на личность самого Пакье за то, что Пакье не былъ эмигрантомъ. Пакье оправдывалъ себя тѣмъ, что вся нація оставалась во Франціи въ эпоху Республики и Имперіи. Удалять отъ дѣлъ людей, служившихъ при Наполеонѣ, значило бы отталкивать отъ правительства девяносто девять сотыхъ частей націи, сказалъ онъ. „Тогда, по крайней мѣрѣ, мы не видѣли бы въ министерствѣ ни васъ, ни другихъ вамъ подобныхъ,“ закричалъ въ отвѣтъ Лабурдонне. — „Достопочтенные члены, конечно, не захотятъ формально обвинять насъ,“ сказалъ Пакье.—„Нѣтъ, обвиняемъ,“ отвѣчалъ Кастельбажакъ, другой роялистъ. Эти отвѣты казались еще недостаточны для Лабурдонне. Черезъ нѣсколько дней, возвращаясь къ прежнему предмету, онъ прибавилъ: „Я спрошу у г. Пакье, думаетъ ли онъ, что хотя одинъ честный человѣкъ можетъ находиться въ политическихъ сношеніяхъ съ нимъ?“ Слушая такія непримиримыя выходки, Казимиръ Перье имѣлъ полное право замѣтить: „Странное дѣло, министры не хотятъ видѣть, что партія, владычествующая надъ ними, уже не хочетъ ихъ терпѣть; пусть они сколько хотятъ умоляютъ, унижаются: ихъ послѣдній часъ пробилъ.“

Въ самомъ дѣлѣ, роялисты Вильель и Корбьеръ, бывшіе членами министерства, объявили намѣреніе удалиться отъ должностей, не дожидаясь конца даже первой сессіи, бывшей послѣ новаго закона о выборахъ, доставившаго перевѣсъ роялистамъ. Напрасно Ришлье и Пакье думали купить ихъ содѣйствіе новою уступкою, предлагали имъ портфели: Вильель и Корбьеръ удалились изъ Парижа, чтобы не участвовать въ совѣщаніяхъ кабинета, и скоро подали въ отставку.

Чего же хотѣли роялисты? чѣмъ были недовольны они, когда Ришлье и его товарищи съ полной готов-

ностью исполняли всѣ ихъ требованія? подумаетъ читатель. Нѣтъ, послѣднее выраженіе не точно; пусть читатель припомнитъ, что мы постоянно употребляли фразу: всѣ явныя требованія роялистовъ, а не говорили просто: всѣ требованія. Дѣло въ томъ, что у этой партіи задушевными желаніями были стремленія, о которыхъ не находила она полезнымъ говорить публично. Каково было отношеніе этихъ задушевныхъ мыслей къ королевской власти, покажетъ пока одинъ примѣръ. Министры внесли законъ о муниципальномъ устройствѣ, т. е. объ организаціи городской и сельской администраціи. Почти всѣ мѣстныя начальства избирались по этому проэкту богатѣйшими землевладѣльцами; администрація почти вся переходила во власть потомства древнихъ феодаловъ; кажется, роялисты могли быть довольны. Но назначеніе префекта предоставлялось королю. Роялисты вскипѣли негодованіемъ на такой деспотизмъ. Они хотѣли до поры до времени кричать, что они роялисты, т. е. люди исключительно преданные царствующей династіи; но уже и теперь находили нужнымъ вести дѣла такъ, чтобы королю не оставлялось ни малѣйшаго участія въ управленіи государствомъ. Въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ королю власть, если могутъ отнять ее у него люди, столь преданные ему, какъ роялисты?

Тогда-то Людовикъ XVIII изъ глубины оскорбленной души воскликнулъ: „я отдавалъ имъ права моей короны; они отвергаютъ меня. Это хорошій урокъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, къ чему принимать въ подарокъ то, что можно взять по праву собственной силы, или интриги? Уступка стѣснительна, она обязываетъ быть снисходительнымъ; насильственная побѣда лучше: завоеватель не обязанъ быть благодаренъ.

Роялисты, благодаря закону о выборахъ, составленному министерствомъ Ришлье, видѣли себя властелинами Франціи, къ чему же было имъ церемониться съ королемъ? И потому, когда снова собралась палата депутатовъ въ концѣ 1821 года, роялисты,

при своемъ огромномъ большинствѣ въ ней могшіе дѣйствовать уже откровеннѣе прежняго, первымъ своимъ долгомъ почли нанести личную дерзкую обиду королю: нужно же было доказать ему, что они сильнѣе его. Каждая сессія палатъ, по общему обычаю всѣхъ парламентскихъ правительствъ, начинается составленіемъ адреса, въ отвѣтъ на рѣчь произносимую королемъ при открытіи парламента. Правительство, зная враждебный духъ палаты депутатовъ, постаралось до того сгладить тронную рѣчь, чтобы въ ней не осталось ничего, кромѣ общихъ фразъ, и не было ни малѣйшаго предлога къ какой нибудь придиркѣ въ отвѣтномъ адресѣ. Напрасно. Обычной фразы всѣхъ безъ исключенія тронныхъ рѣчей о мирныхъ отношеніяхъ правительства съ иностранными державами было достаточно роялистамъ, чтобы найти случай къ личной обидѣ короля. „Наши отношенія съ иностранными державами не переставали быть дружескими, и я имѣю твердую увѣренность, что они останутся такими же впредь," сказалъ король въ тронной рѣчи. Коммиссія роялистовъ, составлявшая адресъ, предложила палатѣ отвѣчать на это слѣдующими словами: „Мы радуемся, государь, постоянно дружескимъ отношеніямъ вашимъ съ иноземными державами, въ справедливой увѣренности, что миръ, столь драгоцѣнный, не купленъ пожертвованіями, несовмѣстными съ честью націи и достоинствомъ короны."

Министры ужаснулись, когда докладчикъ коммиссіи, горячій роялистъ Делало, прочелъ палатѣ проэктъ адреса. Пакье тотчасъ же вошелъ на трибуну и потребовалъ уничтоженія параграфа, обиднаго для короля. „Король не можетъ унижать достоинства своей короны, сказалъ онъ:—всякій намекъ объ этомъ непочтителенъ и палата не захочетъ подать такой примѣръ." — „Какъ! вскричалъ де-Серръ, министръ внутреннихъ дѣлъ:—вашъ президентъ пойдетъ сказать королю въ лицо, что палата имѣетъ справедливую увѣренность, что король не надѣлалъ низостей!

Это смертельная обида.“ Но министры ошибались, полагая обязанностью роялистской палаты не наносить оскорбленія королю: она иначе понимала свой долгъ. „Если допустить теорію министровъ, отвѣчалъ Делало отъ имени коммиссіи:—то отвѣты палаты на тронныя рѣчи должны бы ограничиваться простымъ парафразомъ тронныхъ рѣчей, предназначеннымъ скрывать отъ короля всякую истину. Обязанность палаты не такова. Говоря отъ имени страны, палата обязана говорить съ монархомъ такимъ языкомъ, который высказывалъ бы королю о правительственныхъ дѣйствіяхъ не мнѣніе министровъ, а мнѣніе Франціи.“ Адресъ, составленный коммиссіею, былъ принятъ безъ всякихъ измѣненій палатою по огромному большинству голосовъ.

Людовикъ XVIII былъ глубоко оскорбленъ. По обычному порядку, аудіэнція для представленія адреса королю назначалась президенту, вице-президентамъ и особенной депутаціи, избираемой палатою на этотъ случай, въ тотъ же самый день, какъ онъ былъ принимаемъ палатою. Теперь король цѣлыхъ три дня не назначалъ этой аудіэнціи; наконецъ было объявлено палатѣ, что король допускаетъ къ представленію адреса только президента палаты съ вице-президентами, не желая принимать депутацію. Президентъ, явившись на аудіэнцію, хотѣлъ по обычаю прочесть адресъ. Людовикъ, сидѣвшій съ гнѣвнымъ лицомъ, остановилъ его, взялъ у него бумагу и, не взглянувъ на нее, сказалъ:

„Я знаю адресъ, представляемый вами.

„Въ изгнаніи, среди преслѣдованій, я поддерживалъ мои права, честь моего дома и французскаго имени. Занимая престолъ и окруженный моимъ народомъ, я негодую при одной мысли, чтобы я могъ когда нибудь пожертвовать честью моей націи и достоинствомъ моей короны.

„Я хочу думать, что большая часть тѣхъ, которые вотировали этотъ адресъ, не взвѣсили всѣхъ его выраженій. Если бы они имѣли время обсудить ихъ,

они не допустили бы предположенія, о которомъ я, какъ король, не долженъ говорить, о которомъ я, какъ отецъ, желалъ бы забыть."

Король могъ оскорбляться сколько его душѣ было угодно, но онъ долженъ былъ покоряться. Министерство прибѣгло къ новымъ уступкамъ, чтобы смягчить роялистовъ. Негодованіе короля мало подѣйствовало на нихъ; нужно было гнѣвъ замѣнить смиреніемъ. Министерство представило проэкты двухъ законовъ, которыми думало угодить роялистамъ, кричавшимъ противъ вольнодумства газетъ. Оно предложило усилить и продлить еще на пять лѣтъ временно существовавшую тогда цензуру. Но роялисты вдругъ обратились въ яростныхъ защитниковъ свободы, и проклинали деспотическія желанія министровъ.

Съ каждымъ днемъ нападенія роялистовъ на кабинетъ становились ожесточеннѣе. Ни одно дѣйствіе, ни одно слово правительства не избѣгало самыхъ бурныхъ порицаній. Король долженъ былъ уступить. Ришлье и его товарищи подали въ отставку. Графъ д'Артуа ввелъ къ королю Вильеля для составленія новаго, чисто-роялистскаго министерства. 15 декабря 1821 года было обнародовано королевское повелѣніе, назначавшее Вильеля министромъ финансовъ, Корбьера министромъ внутреннихъ дѣлъ и другихъ предводителей роялистской партіи министрами другихъ департаментовъ. Изнуренный шестилѣтнею борьбою, король отступился отъ всякаго участія въ управленіи государствомъ. „Наконецъ, г. Вильель торжествуетъ, писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей. Я мало знаю людей, входящихъ съ нимъ въ мой кабинетъ; надѣюсь, они будутъ такъ разсудительны, что не послѣдуютъ слѣпо всѣмъ страстямъ роялистовъ. Впрочемъ, я удаляюсь въ ничтожность съ настоящей минуты. Au reste je m'annule dès ce moment."

Дѣйствительно, король былъ принужденъ роялистами отказаться отъ всякой мысли объ участіи въ

правленіи. Даже списокъ новаго министерства былъ составленъ безъ малѣйшаго вмѣшательства его воли. Конгрегація выбрала своихъ членовъ въ министры, кого и какъ хотѣла, даже не совѣщаясь съ королемъ.

Такъ держали себя роялисты относительно королевской власти. Не только тогдашніе либералы, умѣренные представители скромныхъ желаній средняго сословія, но самые заклятые республиканцы не могли бы топтать и власть, и личность короля съ такой непреклонной дерзостью. Вступленіе роялистовъ въ кабинетъ короля было, по собственному выраженію короля, аннулированіемъ короля.

Путемъ безпощадной борьбы противъ короля достигли роялисты власти. Посмотримъ теперь, на достиженіе какихъ цѣлей будутъ они употреблять свою власть. Быть можетъ, цѣль не совсѣмъ похожа на средства; быть можетъ, дѣйствія роялистскаго правительства окажутся болѣе согласны съ интересами престола и царствовавшей династіи, нежели способы, которыми роялисты захватили власть.

II

Министерство Вильеля. — Испанская экспедиція. — Полное владычество роялистовъ. — Они издаютъ законы, противные интересамъ монархической власти. — Ультрамонтанцы и бѣлое духовенство. — Карлъ X. — Выдача вознагражденія эмигрантамъ. — Возстановленіе майоратствъ. — Распаденіе между роялистами; оппозиція Шатобріана и оппозиція Лабурдоние. — Законъ о книгопечатаніи. — Новые выборы. — Паденіе Вильеля. — Умѣренное министерство Мартиньяка. — Оно безпокоитъ іезуитовъ. — Роялисты обращаются противъ Карла X. — Путешествіе Карла X по восточной Франціи. — Роялисты убѣждаютъ его прекратить снисходительность къ либераламъ. — Министерство Полиньяка. — Отношенія партій передъ іюльскими днями. — Политика наиболѣе выгодная для династіи. — Союзъ династіи съ роялистами совершенно противенъ ея интересамъ. — Отношенія либераловъ къ народу. — Характеръ министерства Полиньяка. — Безпокойство овладѣваетъ Франціею. — Адресъ палаты депутатовъ. — Она распущена. — Новые выборы. — Слухи о насильственныхъ мѣрахъ. — Русскій императоръ и Меттернихъ хотятъ спасти Карла X. — Іюльскія повелѣнія. — Катастрофа. — Поведеніе роялистовъ. — Крайняя трусость либераловъ. — Безвредность ихъ торжества для королевской власти и безполезность его для народа.

(1821—1830)

Первый важный вопросъ, представившійся министерству Вильеля, былъ возбужденъ испанскими дѣлами. Намъ нѣтъ нужды излагать событія, вслѣдствіе которыхъ Фердинандъ VII, король испанскій, принужденъ былъ въ 1820 году возстановить конституцію, которую принялъ при своемъ возвращеніи въ Испанію въ 1814 году. Довольно будетъ сказать, что часть аристократіи, а еще болѣе іезуиты, игравшіе до того времени при дворѣ важнѣйшую роль, были страшно недовольны принятіемъ конституціи и во многихъ мѣстахъ пытались поднимать возстаніе, чтобы низвергнуть ее вооруженною рукой. Испанское духовенство, находившееся подъ вліяніемъ іезуитовъ, принимало главнѣйшее участіе въ этихъ возстаніяхъ;

архіепископы и епископы были чаще всего предводителями инсургентовъ. Но ихъ усилія были напрасны: инсургенты были побѣждены повсюду и принуждены искать убѣжища въ пиренейскихъ горахъ на французскихъ границахъ.

Во Франціи испанскія событія пробуждали самый живой интересъ: либералы и роялисты видѣли своихъ братьевъ въ испанскихъ приверженцахъ и противникахъ конституціи. Роялистскіе журналы громко требовали, чтобы Франція послала въ Испанію войско на помощь инсургентамъ.

Но Людовикъ XVIII былъ чрезвычайно мало расположенъ тратить деньги и кровь своихъ подданныхъ на возстановленіе безпорядочнаго и чрезвычайно жестокаго управленія, которымъ Фердинандъ VII возстановилъ противъ себя всѣхъ, защищавшихъ его корону противъ Наполеона. Французскій король говорилъ о характерѣ Фердинанда VII въ выраженіяхъ столь рѣзкихъ, что мы не хотимъ здѣсь повторять ихъ, считалъ его человѣкомъ, не заслуживающимъ ни малѣйшаго сочувствія, или уваженія.

Мнѣніе Людовика XVIII, конечно, не имѣло тогда большой важности во Франціи: роялисты, какъ мы видѣли, отняли у короля вліяніе на дѣла. Гораздо важнѣе было то, что Вильель, душа министерства, также не хотѣлъ помогать инсургентамъ. Французскіе финансы только еще начинали приходить въ нормальное положеніе послѣ страшныхъ пожертвованій, какихъ стоили наполеоновскія войны, а потомъ примиреніе съ Европой. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, Вильель имѣлъ одно достоинство: онъ старался соблюдать экономію въ государственныхъ расходахъ и хотѣлъ возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ. Войною въ Испаніи разстроились бы французскіе финансы, потому Вильель никакъ не соглашался на нее. Отрывки изъ его дружескихъ писемъ къ Шатобріану, бывшему посланникомъ на веронскомъ конгрессѣ, могутъ доказать искренность и твердость его отвращенія противъ испанской экспедиціи. „Въ нынѣшнемъ году за

всѣми расходами останется 25,000,000 франковъ, писалъ онъ. Зачѣмъ эти несчастныя иностранныя дѣла мѣшаютъ такому благосостоянію? Война будетъ имѣть гибельное вліяніе на наши фонды, нашу морскую торговлю, нашу промышленность. Не смотря на продажныя декламаціи нѣсколькихъ газетъ (Вильель говоритъ о роялистскихъ газетахъ, требовавшихъ войны), здравое и общее мнѣніе отвергаетъ войну; постарайтесь, мой другъ, всѣми силами отвратить это несчастіе. Да пощадитъ Богъ наше отечество и Европу отъ этой войны, которая, предсказываю съ полнымъ убѣжденіемъ, будетъ гибельна для Франціи."

Дѣйствительно, при одномъ слухѣ о войнѣ, государственные фонды понизились на девять франковъ; финансовыя операціи для правительства стали затруднительны, торговля упала.

Газеты, поддерживавшія правительство, доказывали неумѣстность войны; но онѣ были малочисленны; огромное большинство роялистскихъ газетъ настойчиво требовало войны, повинуясь внушеніямъ конгрегаціи. Инструкціи этого тайнаго общества произвели въ дѣйствіяхъ французскаго правительства явленія почти безпримѣрныя въ исторіи. На веронскомъ конгрессѣ долженъ былъ обсуждаться испанскій вопросъ. Уполномоченнымъ отъ Франціи былъ посланъ на конгрессъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Монморанси. Министерство, руководимое Вильелемъ, дало ему инструкцію, по которой онъ долженъ былъ всячески стараться избавить Францію отъ обязательства вмѣшиваться въ испанскія дѣла. Конгрегація приказала ему дѣйствовать иначе, и Монморанси придалъ переговорамъ объ Испаніи оборотъ совершенно противный своимъ инструкціямъ. Министерство не могло терпѣть такого нарушенія обязанностей и Монморанси былъ удаленъ. Мѣсто его занялъ Шатобріанъ. Знаменитый поэтъ былъ другъ Вильеля, но поступилъ еще лучше, нежели Монморанси. Первый французскій уполномоченный, дѣйствуя противъ своихъ обязанностей, по крайней мѣрѣ, сообщалъ о томъ главѣ

министерства; Шатобріанъ почелъ выгоднѣйшимъ для своихъ цѣлей обманывать кабинетъ. Въ депешахъ къ Вильелю онъ представлялъ въ фальшивомъ свѣтѣ совѣщанія конгресса; запутывая переговоры такимъ образомъ, чтобы Франція получила отъ Европы порученіе послать войско въ Испанію, онъ представлялъ себя кабинету вѣрнымъ исполнителемъ инструкцій министерства и обманулъ Вильеля до такой степени, что, по возвращеніи въ Парижъ, сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Мы не говоримъ уже о сопротивленіи роялистовъ желаніямъ короля, — они давно не щадили его, давно лишили его власти; ихъ поступки въ испанскомъ дѣлѣ представляютъ особенность болѣе замѣчательную: правительство было составлено по ихъ желанію изъ вѣрнѣйшихъ предводителей ихъ собственной партіи; они идутъ на перекоръ даже этому министерству, они заставляютъ агентовъ министерства измѣнять ему. Въ исторіи дипломатики интрига и обманъ вовсе не рѣдкость; но до такой степени дипломатической измѣны, какъ Шатобріанъ, не доходили ни пошлые агенты Помпадуръ и Дюбарри, ни самъ Талейранъ. Посланники Людовика XV обманывали свое министерство, но они могли извиняться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что дѣйствуютъ сообразно тайнымъ инструкціямъ короля. У Шатобріана не было и этого извиненія. Онъ обманывалъ и короля, и министровъ вмѣстѣ. Всѣ законныя власти Франціи были преданы имъ за одинъ разъ въ угодность людямъ, не имѣвшимъ никакого права руководить хотя бы самымъ ничтожнымъ дѣломъ, преданы въ угодность людямъ, которые не смѣли даже публично произносить своего имени, скрываясь отъ взоровъ націи. Министры Людовика XV, обманывавшіе другъ друга, были, по крайней мѣрѣ, во враждѣ между собою; притомъ же они и не имѣли притязанія выдавать себя за честныхъ людей; Шатобріанъ обманывалъ своего друга, обманывалъ въ то самое время, когда возвышался въ министры его довѣріемъ и не переставалъ считать себя чело-

вѣкомъ благороднимъ. Таковы-то были интриги тайныхъ руководителей роялистской партіи, что даже люди, по природѣ своей честные, не колеблясь, совершали низости по ихъ внушенію. Еслибъ мы не знали, кто управлялъ конгрегаціею, руководившею роялистами, мы уже по этимъ однимъ признакамъ безошибочно отгадали бы іезуитовъ.

Знаменитое іезуитское правило говоритъ, что цѣль оправдываетъ средства: быть можетъ, Шатобріанъ и ему подобные, не пренебрегая никакими средствами для возвращенія произвольной власти надъ Испаніей Фердинанду VII, могли по крайней мѣрѣ оправдываться сами передъ собою возвышенностію своей цѣли. Нѣтъ, Шатобріанъ думалъ о Фердинандѣ точно также какъ и Людовикъ XVIII, и очень хорошо зналъ, что его жестокіе капризы были и будутъ стыдомъ для имени Бурбоновъ. Конечно, большая часть роялистовъ думала точно также о человѣкѣ, которому хотѣла помогать.

Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ они такъ ревностно хлопотали объ испанской экспедиціи?—Предводителями испанскихъ инсургентовъ были іезуиты, управлявшіе Фердинандомъ; руководителями роялистовъ были іезуиты, управлявшіе конгрегаціей. Потому и король, и роялистское министерство должны были отказаться отъ убѣжденія, что испанская экспедиція будетъ вредна для Франціи.

Приближалось время, когда должна была собраться Палата Депутатовъ. Министры совѣщались о томъ, какая политика по испанскому вопросу будетъ выражена въ тронной рѣчи. Не дальше, какъ за семь мѣсяцевъ передъ тѣмъ, при открытіи предъидущей сессіи, король говорилъ: „только зложелательность можетъ приписывать нашимъ дѣйствіямъ намѣреніе вмѣшаться въ испанскія дѣла.“ Теперь Вильель снова утверждалъ, что тронная рѣчь должна отвергать испанскую экспедицію, требуемую большинствомъ роялистскихъ газетъ. Но Корбьеръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, показалъ ему письмо отъ одного

изъ роялистскихъ депутатовъ, который писалъ: „министры компрометируютъ свое положеніе, замедляя вступленіе нашихъ войскъ въ Испанію. Ихъ колебаніе до того раздражаетъ роялистовъ, что всѣ вновь избранные депутаты показываютъ твердую рѣшимость низвергнуть министерство, если тронная рѣчь не будетъ содержать формальнаго, положительнаго объявленія о немедленномъ вторженіи въ Испанію.“ Нѣкоторые другіе министры подтвердили предостереженіе своего товарища. Вильель долженъ былъ уступить. Тронная рѣчь положительно объявила, что сто тысячъ войска готово вступить въ Испанію. Вся Франція волновалась отъ негодованія; государственные фонды упали еще на четырнадцать франковъ, съ 89 на 75.

Вильелю приходилось теперь играть такую же роль, до какой прежде унижалъ онъ герцога Ришльё. Онъ долженъ былъ трепетать роялистскаго большинства палати депутатовъ, т. е. трепетать своей собственной партіи.

Испанская экспедиція была удачна въ военномъ отношеніи; крайніе роялисты торжествовали. Вильель долженъ былъ исполнять всѣ ихъ требованія. На первый разъ эти требованія относились къ двумъ предметамъ. Роялисты желали воспользоваться своимъ торжествомъ, чтобы какъ можно долѣе удержать за собою власть. Они хотѣли, чтобы прежній пятилѣтній срокъ существованія палаты былъ замѣненъ семилѣтнимъ и произведены были новые выборы. Съ тѣмъ вмѣстѣ они требовали, чтобы власть духовенства надъ гражданскими дѣлами была увеличена. Вильель уступилъ въ томъ и другомъ.

Продолжительный срокъ безсмѣннаго существованія одной и той же палаты депутатовъ давалъ ей больше независимости отъ правительства. Это не нуждается въ объясненіяхъ. Но для тѣхъ читателей, которые незнакомы съ положеніемъ французскаго духовенства, нужно сказать нѣсколько словъ о характерѣ той части духовенства, пользамъ которой служили роялисты.

Не смотря на безбрачіе приходскаго духовенства въ католическихъ земляхъ, между приходскимъ или бѣлымъ духовенствомъ и монахами существуетъ въ нихъ коренная разница, которая во Франціи обнаруживается сильнѣе, нежели гдѣ нибудь. Нѣтъ надобности быть католикомъ, чтобы сочувствовать потребностямъ приходскаго духовенства во Франціи: Большая часть его отличается христіанскими добродѣтелями. Исполняя свои религіозныя обязанности, приходскій священникъ во Франціи вообще чуждается политическихъ интригъ; онъ вѣренъ своей національности и не питаетъ вражды къ свѣтской власти, въ которой, напротивъ, ищетъ себѣ опоры противъ самовластія ультрамонтанцевъ. Совершенно иное дѣло французскіе монахи. Какъ бы ни назывался на бумагѣ ихъ орденъ, почти всѣ они іезуиты; разныя названія, придумываемыя ими для себя, служатъ только къ тому, чтобы скрыть принадлежность ихъ къ іезуитскому ордену. Между тѣмъ какъ приходское духовенство вообще поддерживаетъ національные интересы, іезуиты всѣ поголовно ультрамонтанцы, и интересы Франціи для нихъ ничтожны въ сравненіи съ выгодами ордена и папской власти, которая обыкновенно находится подъ ихъ вліяніемъ. Всѣ проницательныя французскія правительства со временъ Генриха IV, какія бы чувства ни питали относительно католической религіи, находились въ необходимости бороться противъ ультрамонтанцевъ. Отъ этихъ явныхъ, или тайныхъ іезуитовъ происходятъ всѣ скандалы, которыми компрометируется католицизмъ во Франціи. Они заводятъ въ семействахъ интриги, чтобы доставлять своимъ конгрегаціямъ тѣ богатыя пожертвованія, изъ которыхъ почти каждая соединена съ отнятіемъ имущества у законныхъ наслѣдниковъ. Ихъ конгрегаціи ведутъ обширныя торговыя спекуляціи всякаго рода, пріобрѣтаютъ огромныя помѣстья и дома, вообще владѣютъ громадными богатствами, между тѣмъ какъ приходское духовенство вообще терпитъ сильную нужду. Почти всѣ французскіе епископы и пре-

наты выходятъ изъ конгрегацій и остаются подъ ихъ вліяніемъ. Изъ двадцати французскихъ епископовъ едва ли найдется одинъ, который не былъ бы ультрамонтанцемъ, т. е. іезуитомъ, врагомъ французской національности и гражданскаго французскаго правительства, каково бы оно ни было.

Когда говорится о политической силѣ духовенства во Франціи, тутъ всегда разумѣется исключительно ультрамонтанская партія, состоящая изъ различныхъ конгрегацій и владѣющая почти всѣми епископствами. Она враждебна національному приходскому духовенству, но черезъ епископовъ имѣетъ надъ нимъ полную власть, которой пользуется чрезвычайно притѣснительно.

Такимъ образомъ, когда мы слышемъ о враждѣ или дружбѣ французскаго правительства съ духовенствомъ, вовсе не надобно полагать, чтобы этимъ означалось покровительство или гоненіе со стороны правительства относительно огромнаго большинства французскаго духовенства. Напротивъ, дѣло идетъ только объ отношеніяхъ правительства къ іезуитамъ, располагающимъ конгрегаціями и властью епископовъ, посредствомъ которой они угнетаютъ бѣлое духовенство, т. е., огромное большинство духовнаго сословія во Франціи. Вообще приходское духовенство, достойное всякаго уваженія, отдыхало во Франціи только тогда, когда правительство вооружалось противъ ультрамонтанской партіи, называющей себя исключительно представительницею католическихъ интересовъ, но въ сущности заботящейся вовсе не о пользахъ религіи, а единственно о пріобрѣтеніи богатствъ и о подчиненіи свѣтской власти іезуитскому вліянію.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ дѣло шло вовсе не о томъ, чтобы улучшить положеніе французскаго духовенства вообще, а исключительно о доставленіи богатствъ и власти членамъ конгрегацій. Почти всѣ приходскіе священники во Франціи, какъ мы сказали, живи скудно, получая очень небольшое жалованье.

Конгрегація, заставляя министерство Виллеля исполнять свои требованія, и не подумала объ улучшеніи состоянія этихъ бѣдняковъ. Она требовала только, чтобы епископамъ, находившимся подъ властью іезуитовъ, было отдано управленіе свѣтскими училищами, какъ было въ старину, и чтобы епископамъ возвращена была гражданская власть, которой пользовались они въ XVIII вѣкѣ. То и другое было исполнено. Іезуиты овладѣли министерствомъ народнаго просвѣщенія. Всѣ профессора, нерасположенные къ іезуитамъ, въ томъ числѣ Гизо, были удалены отъ чтенія лекцій. Префекты и вся провинціальная администрація должны были повиноваться епископамъ.

Кто хотя нѣсколько знакомъ съ французскою исторіею, тотъ знаетъ, что монархическая власть во Франціи возвысилась борьбою противъ притязаній ультрамонтанизма. Теперь правительство было принуждено подчиниться ему. Свѣтское могущество духовенства, т. е., епископовъ и монастырей, составляло одну основу феодальнаго порядка, враждебнаго монархической власти. Другою основою феодализма было могущество свѣтскихъ аристократовъ, пользовавшихся почти самодержавною властью въ своихъ огромныхъ помѣстьяхъ. Одной цѣли роялисты достигли, надобно было позаботиться о достиженіи другой. Первымъ шагомъ къ тому представлялось вознагражденіе эмигрантовъ за помѣстья, конфискованныя во время революціи.

Пока былъ живъ Людовикъ XVIII, феодалы никакъ не могли исполнить этого своего желанія. Но теперь счастье было рѣшительно на ихъ сторонѣ. 16-го сентября 1824 года Людовикъ XVIII скончался и на французскій престолъ вступилъ графъ д'Артуа, бывшій до сихъ поръ предводителемъ роялистовъ, по крайней мѣрѣ, по имени, если не на самомъ дѣлѣ, и слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ конгрегаціи.

Далеко уступая умственными способностями Людовику XVIII, Карлъ X не замѣчалъ противоположности между желаніями роялистовъ, стремившихся воз-

становить феодальное устройство, и потребностями королевской власти, которая усилилась во Франціи безпощаднымъ сокрушеніемъ силы феодаловъ и могла поддерживаться только въ такомъ случаѣ, если продолжала защищать отъ нихъ націю. Роялисты могли теперь дѣйствовать отважнѣе прежняго, благодаря іезуитамъ, совершенно ослѣпившимъ новаго короля. Въ минуту смерти Людовикъ XVIII призвалъ ребенка, на которомъ покоились надежды продолженія старшей линіи Бурбоновъ и, благословляя его, печально сказалъ: „пусть бережетъ мой братъ корону этого ребенка.“ Онъ предчувствовалъ, что довѣріе Карла X къ роялистамъ будетъ гибельно для его династіи.

Дѣйствительно быстро послѣдовали одинъ за другимъ законы, возстановлявшіе противъ королевской власти національное чувство, возвышавшіе феодализмъ на счетъ королевской власти. Изъ нихъ мы упомянемъ только о немногихъ важнѣйшихъ.

Первымъ дѣломъ роялистовъ при новомъ королѣ было витребовать вознагражденіе за помѣстья, конфискованныя у эмигрантовъ. Напрасно самыми точными разсчетами доказывалось, что милости, какими пользовались эмигранты втеченіе десяти лѣтъ, прошедшихъ со времени реставраціи, съ избыткомъ вознаграждали всю потерю, понесенную ими прежде. Доходы проданныхъ помѣстій не простирались и до 50 милліоновъ франковъ; эмигранты подъ формою жалованья и пенсій уже получали ежегодно отъ государства болѣе 70 милліоновъ. Но дохода имъ было мало; они желали возстановленія владѣній, которыя ставили бы ихъ въ независимость отъ королевской власти. Вильель долженъ былъ предложить законъ о выдачѣ роялистамъ тысячи милліоновъ франковъ за имѣнія, проданныя во время революціи. По видимому, роялисты могли быть довольны: оцѣнка, составленная ими самими, показывала, что цѣнность проданныхъ имуществъ не превышала этой суммы. Но ревностнѣйшіе роялисты напали на проэктъ Вильеля, за его преступную снисходительность къ революціонерамъ.

„Указываютъ на статью конституціи, гарантирующую покупщикамъ конфискованныхъ имѣній неприкосновенность ихъ собственности, говорилъ Лабурдонне: —но эта статья была и могла быть только простою политическою мѣрою; она могла обезпечивать покупщикамъ владѣніе купленными имуществами, но не могла дать имъ права собственности на эти имущества. Право собственности дается только исполненіемъ условій, которымъ подлежитъ всякая продажа имущества по распоряженію государственной власти; именно, тутъ необходима была бы выдача вознагражденія прежнему владѣльцу до вступленія покупщика во владѣніе продающимся имуществомъ. Одно изъ двухъ: или такъ называемыя національныя собранія временъ революціи были собраніями незаконными, и въ такомъ случаѣ всѣ ихъ декреты — только насильственныя мѣры, лишенныя законной силы; этими мѣрами у эмигрантовъ могло быть отнято фактическое пользованіе имуществами, но не могло быть отнято законное право собственности; или же революціонныя собранія были законнею властію,—тогда эмигранты, по закону лишившись своихъ имуществъ, не имѣютъ никакого права ни на малѣйшее вознагражденіе. Проэктъ, представленный министрами, обманываетъ всѣ надежды. Онъ не даетъ эмигрантамъ столько, чтобы удовлетворить ихъ и тѣмъ обезпечить покупщиковъ конфискованныхъ имуществъ отъ дальнѣйшихъ требованій со стороны эмигрантовъ. Этотъ проэктъ—чистый обманъ." Такимъ образомъ Лабурдонне довольно ясно намекалъ, что эмигранты могутъ быть довольны лишь однимъ тѣмъ, когда продажа помѣстій будетъ объявлена неимѣющею законной силы, и помѣстья будутъ отняты у настоящихъ владѣльцевъ и возвращены прежнимъ. Другой роялистъ, де-Бомонъ, высказался еще прямѣе: „король не имѣетъ власти утверждать незаконную конфискацію имуществъ цѣлаго класса своихъ подданныхъ, какъ не имѣетъ власти отнимать имущество у отдѣльнаго человѣка. Конституція, гарантируя продажу конфискованныхъ

имуществъ, имѣла въ виду только одно то, чтобы оградить покупщиковъ отъ судебнаго преслѣдованія со стороны законныхъ владѣльцевъ за несправедливое пользованіе доходами помѣстій въ прежніе годы. Что же нужно сдѣлать теперь? — возвратить каждому то, что ему принадлежитъ: помѣстья возвратить эмигрантамъ, а покупщикамъ выдать вознагражденіе." Либералы справедливо утверждали съ своей стороны, что проэктъ, представленный министерствомъ, составляетъ только первый шагъ на пути вознагражденій эмигрантамъ. „Мы теперь только вступаемъ на дорогу вознагражденій, сказалъ генералъ Фуа, одинъ изъ немногихъ либеральныхъ членовъ палаты. Законъ этотъ объявляетъ эмигрантовъ имѣющими право на полученіе всей цѣнности ихъ проданныхъ имѣній. Они скажутъ, что имъ заплатили не всю цѣнность этихъ имѣній и останутся кредиторами общества, кредиторами тѣмъ болѣе грозными, что овладѣли всѣми правительственными мѣстами. Естественнымъ залогомъ, обезпечивающимъ кредитору долгъ, служитъ помѣстье, за которое взыскивается долгъ. Какой же покупщикъ заснетъ спокойно подъ страхомъ такого долга?" Дѣйствительно, покупщики конфискованныхъ имѣній должны были опасаться всего. Даже де-Бомонъ не высказалъ еще послѣдней задушевной мысли роялистовъ. Онъ говорилъ о возвращеніи помѣстій эмигрантамъ, но упоминалъ о вознагражденіи покупщиковъ. Когда пренія разгорячили членовъ палаты, явился ораторъ, высказавшійся откровеннѣе. Дюплесси де-Гренеданъ потребовалъ возвращенія помѣстьевъ эмигрантамъ безъ всякаго вознагражденія покупщикамъ. Давать имъ вознагражденіе, по его словамъ, значило бы признавать ихъ права и дѣлать имъ уступку; а покупка, ими сдѣланная, была незаконна; слѣдовательно они не имѣютъ никакихъ правъ, завладѣли помѣстьями, какъ грабители, и подобно грабителямъ, не могутъ быть вознаграждаемы. „9-ая статья конституціи, прибавлялъ онъ, говоритъ: собственность объявляется неприкосновенною; но тутъ

дѣло идетъ только о настоящемъ, а не о будущемъ времени; конституція не говоритъ, что собственность навсегда остается неприкосновенною. Если вникнуть въ истинный смыслъ статьи, мы увидимъ, что она можетъ относиться только къ собственности, пріобрѣтенной законнымъ образомъ. Было слишкомъ нелѣпо перетолковывать законъ такъ, чтобы придавать ему смыслъ о неприкосновенности собственности, даже пріобрѣтенной воровствомъ. Въ 9-ой статьѣ конституціи подразумѣвается слово „законный,“ истинный смыслъ ея таковъ: собственность неприкосновенна, когда пріобрѣтена по актамъ, имѣющимъ законную силу.“

Намѣреніе роялистовъ выразилось ясно; трудно описать волненіе, произведенное въ массѣ средняго сословія и даже простолюдиновъ этими преніями. Помѣстья, конфискованныя у эмигрантовъ, были распроданы по большей части мелкими участками; число покупщиковъ было огромно. Со времени конфискаціи прошло около 30 лѣтъ; большая часть купленныхъ тогда земель перешла уже въ другія руки по наслѣдству, или черезъ продажу законнымъ путемъ. Теперь всѣмъ этимъ владѣльцамъ угрожала опасность потерять имущество. Династія подвергалась опасности, для того, чтобы потомки прежнихъ феодаловъ могли возстановить свою независимость отъ короны.

Но для возстановленія феодальнаго права недостаточно было стремиться къ возвращенію феодаламъ ихъ прежнихъ владѣній; надобно было также позаботиться о томъ, чтобы могущество знатныхъ фамилій не уменьшалось отъ раздробленія помѣстій по праву наслѣдства, принятаго французскимъ законодательствомъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ принятія закона о выдачѣ эмигрантамъ милліарда франковъ, министерство представило палатѣ перовъ, законъ возстановлявшій право первородства, которымъ въ средніе вѣка поддерживалось феодальное устройство. По гражданскому кодексу, часть отцовскаго имѣнія переходитъ непремѣнно въ наслѣдство дѣтямъ, которыя

всѣ получаютъ по-равну; другая часть предоставлена свободному распоряженію отца и можетъ быть завѣщана имъ кому угодно; если же онъ не сдѣлаетъ распоряженія, она также дѣлится по-равну между дѣтьми. Роялисты еще не отваживались требовать измѣненія всѣхъ этихъ постановленій. Они требовали, чтобы та часть имущества, которою можетъ располагать отецъ по завѣщанію, не дѣлилась по-равну между дѣтьми, при отсутствіи завѣщанія, а вся переходила къ старшему сыну въ тѣхъ случаяхъ, когда имущество состоитъ изъ поземельнаго владѣнія, платящаго не менѣе 300 франковъ прямыхъ податей. Сверхъ того предоставлялось владѣльцу такого помѣстья обращать его въ субституцію, т. е., дѣлать его майоратомъ, который бы уже не подлежалъ при слѣдующихъ поколѣніяхъ раздѣлу и вѣчно оставался бы въ рукахъ одного только старшаго потомка по нисходящей линіи, который при томъ не могъ при своей жизни продать ни всего имѣнія, ни какой либо части его.

Вліяніе права первородства и субституцій на политическое устройство общества извѣстно каждому. Неминуемымъ слѣдствіемъ этихъ учрежденій бываетъ образованіе поземельной аристократіи, быстро пріобрѣтающей больше силы, нежели сколько силы остается у короны. При субституціяхъ и правѣ первородства титулъ короля можетъ сохраняться, но власть его изчезаетъ, и государство, нося имя монархіи, въ сущности становится олигархическою республикою.

Проэктъ закона, предлагавшійся теперь, конечно, долженъ былъ служить только первымъ шагомъ къ совершенному отмѣненію раздѣла недвижимой собственности между старшимъ сыномъ и другими дѣтьми, съ предоставленіемъ всего наслѣдства одному старшему сыну. Къ счастію палата перовъ отвергла этотъ проэктъ.

Вильель въ глубинѣ души былъ очень радъ несогласію палаты на проэктъ, представленный отъ его имени. Онъ самъ не одобрялъ этой мѣры, какъ и мно-

гихъ другихъ, которыя долженъ былъ принимать, подчиняясь требованіямъ конгрегаціи.

„Послѣ смерти Людовика XVIII конгрегація пріобрѣла такое могущество, что уже далеко не каждый роялистъ могъ получить ея покровительство; число прозелитовъ было громадно; іезуиты, руководившіе конгрегаціею, стали очень разборчивы въ раздачѣ своихъ милостей. Многіе изъ роялистскихъ членовъ палаты были обойдены мѣстами, не получили просимыхъ наградъ для своихъ родственниковъ, оттого въ роялистской партіи начались раздоры. Предводителемъ недовольныхъ былъ Шатобріанъ. Вильель не могъ простить ему обмана въ испанскомъ вопросѣ. Тщеславный поэтъ не былъ способенъ заниматься дѣлами въ кабинетѣ министерства, но въ аристократическихъ салонахъ провозглашалъ себя истиннымъ главою министерства, съ высока третируя Вильеля; этимъ усиливался раздоръ между двумя министрами. Наконецъ Шатобріанъ, сердясь на Вильеля за собственную свою ничтожность въ дѣловомъ отношеніи, началъ и въ палатѣ говорить двусмысленныя рѣчи. Доведенный до крайности, Вильель отнялъ у него портфель иностранныхъ дѣлъ. Лишившись мѣста, Шатобріанъ вдругъ обратился въ противника стѣснительныхъ мѣръ, которыхъ прежде требовалъ съ большею горячностью, нежели кто нибудь. Онъ сдѣлался журналистомъ и органомъ своимъ избралъ Journal des Débats. Министерство не имѣло болѣе опаснаго врага.

Кромѣ недовольныхъ по личнымъ разсчетамъ, были роялисты, недовольные Вильелемъ по различію въ политическихъ мнѣніяхъ. Съ одной стороны многіе видѣли, что конгрегація заходитъ слишкомъ далеко, что, напримѣръ, угрозы покупщикамъ конфискованныхъ имуществъ и усилія возстановить право первородства приведутъ ихъ партію къ паденію; они требовали политики болѣе осторожной, какой хотѣлъ бы слѣдовать и самъ Вильель, если бы могъ. Съ другой стороны находились роялисты, замѣтившіе, что съ Вильелемъ, отъ природы расположеннымъ къ осмотрительности,

никогда не пойдутъ феодальныя преобразованія такъ быстро, какъ хотѣлось бы этимъ фанатикамъ, чуждымъ всякаго благоразумія. Роялисты, бывшіе умѣреннѣе Вильеля, сгруппировались около Шатобріана, который теперь очень любовно толковалъ о конституціи, прежде казавшейся ему источникомъ всякихъ бѣдствій. Роялисты, осуждавшіе медленность Вильеля, имѣли своимъ предводителемъ Лабурдонне, котораго не любила конгрегація и потому не допускала въ министерство. Обѣ эти партіи постоянно усиливались въ палатѣ и начали думать уже о низверженіи Вильеля.

Конгрегація вынудила министерство составить проэктъ новаго закона о книгопечатаніи. Обѣ партіи роялистовъ, недовольныя Вильелемъ, соединились съ либералами противъ новаго закона, и Лабурдонне, глава самыхъ горячихъ роялистовъ, заговорилъ языкомъ совершенно либеральнымъ; онъ обвинялъ министровъ въ нарушеніи конституціи. „Утомленная политическими волненіями, говорилъ онъ, Франція хочетъ покоя. Надежду достичь и сохранить его она поставила въ союзѣ династіи съ конституціей. Напрасно горсть людей, увлекаемыхъ страстями, или руководимыхъ воспоминаніями, надѣется разорвать связь между этими двумя гарантіями общественнаго порядка. Вся Франція равно отвергаетъ и тѣхъ, которые желали бы конституціи безъ династіи, и тѣхъ, которые желали бы династіи безъ конституціи; Франція желаетъ, Франція поддерживаетъ тѣхъ, которые съумѣютъ неразрывными узами связать эти два блага. Успѣхъ ожидаетъ ихъ, если они открыто пойдутъ подъ знаменемъ конституціоннаго легитимизма. Франціи обѣщаны были конституціонныя учрежденія; Франція поддерживаетъ конституцію во всей ея цѣлости. Я подаю голосъ противъ министерскаго проэкта.“ Два или три года тому назадъ, Лабурдонне призывалъ небесное мщеніе и уголовныя наказанія на людей, защищавшихъ конституцію; теперь онъ самъ объявлялъ, что не хочетъ поддерживать Бурбоновъ иначе, какъ подъ условіемъ соблюденія конституціи. Это было дурнымъ предзнаменованіемъ

для министерства. Правда, законъ былъ принятъ, не смотря на оппозицію Лабурдонне; но изъ 367 депутатовъ уже 134 положили черный шаръ, еще недавно въ урнѣ бывало не болѣе 12 или 15 черныхъ шаровъ.

Принятый палатою депутатовъ проэктъ закона былъ перенесенъ въ палату перовъ; она отвергла его большинствомъ 113 голосовъ противъ 43-хъ. Уже давно оппозиція взяла верхъ въ палатѣ перовъ. Министерство должно было прибѣгнуть къ назначенію 70 или 80 новыхъ перовъ, чтобы возвратить себѣ большинство въ верхней палатѣ; но почти всѣ эти назначенія надобно было сдѣлать изъ палаты депутатовъ. Взявъ изъ нея 60 или 70 министерскихъ членовъ, Вильель слишкомъ ослабилъ бы въ ней свое большинство, и безъ того быстро уменьшавшееся. Съ другой стороны Вильель предвидѣлъ, что отсрочивать новые выборы въ палату депутатовъ до истеченія семилѣтняго срока ея существованія, было бы очень опасно. Роялисты съ каждымъ днемъ возстановляли противъ себя общественное мнѣніе. Хотя сословіе тогдашнихъ избирателей исключительно ограничивалось большими землевладѣльцами, жаркими роялистами, но и они начинали понимать, что реакція противъ либерализма переходитъ границы благоразумія. Вильель зналъ, что черезъ два года роялисты потерпятъ пораженіе на выборахъ. Онъ надѣялся, что въ настоящую минуту еще успѣетъ привести выборы къ выгодному для роялистовъ результату. Онъ рѣшился распустить палату, въ которой не надѣялся удержать за собою большинство, ожидая, что новые депутаты будутъ благопріятнѣе ему. Дѣйствительно распущеніе палаты оставалось для него единственнымъ средствомъ избѣжать судьбы, которая постигла герцога Ришльё. Давно уже онъ былъ принужденъ слѣпо исполнять даже и тѣ требованія палаты депутатовъ, которыхъ совершенно не одобрялъ. Скоро палата низвергла бы его, еслибъ онъ не предупредилъ удара, распустивъ ее.

Разсчетъ Вильеля былъ справедливъ; министръ

ошибся только въ одномъ: надобно было распустить палату гораздо раньше; роялисты господствовали въ ней слишкомъ долго. Они успѣли слишкомъ ясно высказать свои намѣренія. Самъ Вильель такъ долго подчинялся ихъ неосторожнымъ желаніямъ, что успѣлъ уже безвозвратно компрометировать свое министерство. Выборы, назначенные въ ноябрѣ 1827 года, произведены были подъ вліяніемъ совершеннаго недовѣрія націи къ людямъ, которымъ покровительствовала конгрегація.

Хотя немногочисленные избиратели составляли среди націи совершенно исключительный кружокъ, но все-таки не могли они не подчиняться до нѣкоторой степени голосу общественнаго мнѣнія. Въ прежней палатѣ изъ десяти членовъ, девять были роялисты; въ новой голоса раздѣлялись такъ: около 170 роялистовъ, составлявшихъ правую сторону, около 170 либераловъ, составлявшихъ лѣвую сторону, и въ центрѣ около 50 членовъ, бывшихъ прежде горячими роялистами, но теперь увидѣвшихъ опасность пути, по которому шли роялисты, и начавшихъ дѣйствовать самостоятельно.

На другой же день послѣ того, какъ сталъ извѣстенъ результатъ выборовъ, Вильель увидѣлъ необходимость выйти въ отставку. Центръ и лѣвая сторона, составлявшіе теперь большинство, не хотѣли и слышать о переговорахъ съ нимъ; но публика долго ждала перемѣны министерства, потому что Карлъ X, соглашаясь съ Вильелемъ въ необходимости перемѣнить министерство, отвергалъ не только либераловъ, не только депутатовъ центра, но и всѣхъ роялистскихъ предводителей, которые въ прошлой сессіи дѣйствовали противъ Вельеля.

Наконецъ необходимо было рѣшиться, потому что засѣданія новой палаты приближались. Душою новаго кабинета былъ Мартиньякъ, роялистъ, близкій по своимъ мнѣніямъ къ Вильелю, но чуждый связямъ съ конгрегаціею, и потому могшій дѣйствовать умѣреннѣе. Остальные члены министерства также всѣ

были роялисты, понимавшіе необходимость разорвать связи съ конгрегаціею, погубившею Виллеля. Въ какомъ духѣ начнетъ дѣйствовать палата — это зависѣло отъ небольшаго числа членовъ, составлявшихъ центръ. Ихъ голоса давали большинство лѣвой или правой сторонѣ; во всякомъ случаѣ министерство должно было управлять въ ихъ духѣ.

Первымъ испытаніемъ силы и взаимныхъ отношеній партій служитъ выборъ президента палаты. По тогдашнему правилу, палата выбирала пять кандидатовъ, одного изъ которыхъ король утверждалъ президентомъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали, чьихъ кандидатовъ будетъ поддерживать центръ. Большинство получили два депутата изъ центра и трое изъ лѣвой стороны: центръ вошелъ въ союзъ съ лѣвою стороною. Въ досадѣ на депутатовъ центра, король утвердилъ президентомъ одного изъ кандидатовъ лѣвой стороны, Ройе-Коляра. Министерство увидѣло теперь необходимость дѣлать многочисленныя уступки центру и лѣвой сторонѣ, плотно соединившимся для составленія большинства.

Итакъ либералы пользовались теперь довольно значительнымъ вліяніемъ на рѣшеніе палаты. Въ какомъ духѣ измѣнятся законы и администрація по требованію этой партіи, которую провозглашали враждебной Бурбонамъ? Семь лѣтъ она подвергалась непримиримому преслѣдованію отъ роялистскаго министерства, пользовавшагося большинствомъ въ палатѣ и властью вовсе не по собственной силѣ, а только благодаря покровительству Бурбоновъ: быть можетъ она теперь покажетъ нерасположеніе къ Бурбонамъ? Королемъ былъ теперь тотъ самый графъ д'Артуа, который втеченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ былъ изъ всѣхъ Бурбоновъ самымъ жесточайшимъ врагомъ либерализма: быть можетъ либералы подумаютъ о стѣсненіи власти, которой располагаетъ ихъ непримиримый гонитель? Читатель едва ли будетъ ожидать этого послѣ тѣхъ фактовъ, какіе представлены въ нашемъ очеркѣ. Либералы теперь видѣли, что министерство не враждебно имъ. Каковы бы ни были чувства Карла X, онъ прежде

всего помнилъ обязанности свѣтскаго человѣка, талантами котораго обладалъ въ совершенствѣ; либералы часто являлись теперь во дворецъ по своимъ близкимъ отношеніямъ къ министерству; король принималъ ихъ любезно. Этого было довольно, чтобы они прониклись самыми наивными надеждами. Они воображали, что король понялъ вредъ, какой принесла ему ненужная преданность его крайнимъ роялистамъ; они уже думали, что король раздѣляетъ чувства французскаго общества и готовъ поддерживать новые интересы противъ феодальныхъ стремленій. Заблужденіе было чрезвычайно нелѣпо: люди не мѣняются, имѣя 65 лѣтъ отъ роду. Но забавныя надежды либераловъ показывали, до какой чрезвычайной степени было сильно въ нихъ желаніе дѣйстовать за одно съ королевской властью. Они только о томъ и мечтали, какимъ бы образомъ примирить Бурбоновъ съ французскою націею и упрочить ихъ престолъ.

Втеченіе полутора года, пока либералы господствовали въ палатѣ, напрасно стали бы мы искать между рѣшеніями палаты хотя одного, сколько нибудь ограничивающаго преимущества королевской власти. Перемѣнъ было произведено много, но ни одна изъ нихъ не касалась правъ престола. Читатель знаетъ, что иначе и не должно было быть. Дѣло шло о томъ, каковы будутъ взаимныя отношенія разныхъ государственныхъ сословій между собою, каковы будутъ законы о наслѣдствѣ, каково будетъ отношеніе свѣтскаго національнаго образованія къ іезуитскому и т. д. Во всѣхъ этихъ спорахъ королевская власть могла бы оставаться совершенно хладнокровною зрительницею; ея собственное положеніе могло ни мало не измѣняться отъ торжества той или другой партіи. Если король участвовалъ въ борьбѣ, то единственно какъ союзникъ той или другой партіи, изъ которыхъ и та, и другая равно нуждалась въ его покровительствѣ и готова была бы самымъ усерднымъ образомъ служить его интересамъ, лишь бы только онъ поддерживалъ ея интересы. Мы возвратимся къ этому предмету,

а теперь повторимъ только, что чрезвычайно сильно должны были желать либералы союза съ королевской властью, если надѣялись на возможность союза даже съ Карломъ X, который болѣе сорока лѣтъ былъ слѣпымъ орудіемъ феодальной партіи, и если при первомъ ослабленіи его гоненій, отказывались отъ всякаго воспоминанія о его враждѣ къ нимъ.

Правда, роялисты кричали, что либералы заставляютъ короля разрушать свою собственную власть, а Карлъ X довѣрчиво слушалъ обвиненія противъ министровъ, будто бы измѣняющихъ интересамъ династіи. Но какими дѣйствіями либераловъ и министерства возбуждались такіе возгласы, лучше всего покажетъ намъ ходъ преній о дѣлѣ, возбудившемъ наибольшее неудовольствіе въ роялистахъ. Эти же самыя пренія представятъ намъ новое доказательство того усердія къ королевской власти, которымъ такъ хвалились роялисты.

Если мы скажемъ, что пренія шли о распоряженіи, поразившемъ роялистовъ въ самое сердце, то читателю останется очень небольшой выборъ между разными предположеніями о предметѣ такого распоряженія. Читатель безъ ошибки можетъ сказать, что либералы и министерство коснулись или феодальныхъ правъ свѣтской аристократіи, или господства іезуитовъ надъ французскимъ духовенствомъ: ничто другое не могло бы довести роялистовъ до крайняго ожесточенія. Дѣйствительно, дѣло шло о іезуитахъ. Коммиссія, назначенная палатою, открыла, что іезуиты, господствуя подъ разными именами надъ университетскимъ правленіемъ, отважились уже безъ всякаго прикрытія взять въ свои руки восемь семинарій, назначенныхъ для образованія приходскихъ священниковъ. Между тѣмъ, по закону, орденъ іезуитовъ былъ изгнанъ изъ Франціи съ конца XVIII вѣка и законы, его уничтожавшіе, не были отмѣнены: сама конгрегація, руководившая Вильелемъ, не отваживалась формально возстановить орденъ и упорно отрицала его существованіе во Франціи. Теперь палата потребовала дѣйствитель-

наго исполненія законовъ, уничтожавшихъ іезуитскій орденъ. Министры видѣли необходимость исполнить это всеобщее желаніе французскаго общества, потому что никто не могъ отрицать противузаконности допущенія іезуитовъ во Францію. Министры убѣдили короля издать два повелѣнія, которыми отнималось у іезуитовъ управленіе школами, открыто имъ отданными. Іезуиты не изгонялись изъ королевства, какъ слѣдовало бы по закону: либералы, какъ видимъ, были очень уступчивы; они настояли только на томъ, чтобы преподаваніе не дозволялось такимъ лицамъ, которыя принадлежатъ къ какому нибудь изъ орденовъ, недопускаемыхъ французскими законами. Мягкость либераловъ простиралась до того, что даже имя іезуитовъ не было упомянуто въ королевскихъ повелѣніяхъ: министры ограничились деликатнымъ обозначеніемъ ихъ подъ формою общей фразы объ орденахъ, недопускаемыхъ закономъ.

Мало того, королевскія повелѣнія, отнимавшія управленіе надъ школами у іезуитовъ, назначили въ пособіе духовнымъ семинаріямъ 1,200,000 франковъ; казалось бы, такой подарокъ достаточно свидѣтельствовалъ объ отсутствіи нерасположенія къ духовенству въ либералахъ. Прибавимъ, что министромъ духовныхъ дѣлъ былъ назначенъ человѣкъ изъ духовнаго сословія. Но этотъ человѣкъ, аббатъ Фётрье, епископъ Бовесскій, не былъ іезуитъ, а король, хотя и со всевозможной мягкостью, рѣшился отстранить іезуитовъ отъ преподаванія. Этого было довольно для того, чтобы всѣ роялисты подняли ожесточенный крикъ противъ личности короля и королевской власти. Роялистскія газеты объявили аббата Фётрье Іуліаномъ-отступникомъ, а Карла X Нерономъ и Діоклитіаномъ. Епископы собрались и обнародовали декларацію, отвергавшую права королевской власти и говорившую слѣдующимъ образомъ: „нижеподписавшіеся епископы въ тайнѣ святилища, предъ лицомъ всемогущаго Судіи, съ мудростью и незлобіемъ, по словамъ Божественнаго Учителя, разсматривали вопросъ о томъ,

что они обязаны воздавать Кесарю и что обязаны воздавать Богу. Совѣсть отвѣчала имъ, что лучше повиноваться Богу, нежели людямъ, когда повиновеніе, которымъ они прежде всего обязаны Богу, несовмѣстимо съ повиновеніемъ, требуемымъ у нихъ людьми, и по примѣру Апостоловъ они говорятъ: Non possumus, не можемъ повиноваться." Подъ этою декларацiею подписались почти всѣ французскіе епископы.

По видимому король былъ совершенно въ своемъ правѣ, предписывая исполнить законъ. Роялисты громко объявили, что не могутъ повиноваться королю и рѣшили напечатать декларацію епископовъ въ числѣ ста тысячъ экземпляровъ для раздачи во всѣхъ церквахъ королевства. Правительство принуждено было обратиться къ папѣ; онъ объявилъ королевскія повелѣнія совершенно справедливыми. Тогда епископы должны были покориться, по крайней мѣрѣ формальнымъ образомъ; но сопротивленіе роялистовъ волѣ короля не окончилось: съ той поры однимъ изъ лозунговъ роялистской партіи становится непреклонная защита совершенной независимости преподаванія отъ правительства. Наблюденіе правительства за преподаваніемъ, заговорили роялисты, нарушаетъ свободу совѣсти; оно нарушаетъ конституцію; оно составляетъ ужасное варварство. Въ теченіе тридцати лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, роялисты ни на минуту не прекращали ожесточенныхъ нападеній на всякую власть, мѣшавшую іезуитамъ снова овладѣть свѣтскимъ и духовнымъ образованіемъ.

Феодально-іезуитская партія скоро успѣла снова овладѣть Карломъ X, и король съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на министерство, не угождавшее всѣмъ ея требованіямъ. Обстоятельство, собственно истолкованное ошибочнымъ образомъ, доставило роялистамъ случай убѣдить его въ томъ, что онъ вовсе не нуждается въ поддержкѣ либераловъ.

Осенью 1828 года Карлъ X вздумалъ присутствовать при маневрахъ кавалерійскаго корпуса, собраннаго близь Люневилля. Восточные департаменты наи-

болѣе проникнуты либеральнымъ духомъ. Масса французскаго населенія была тогда убѣждена, что Карлъ оставилъ свое прежнее нерасположеніе къ либераламъ. Въ самомъ дѣлѣ, домашнія сношенія его съ предводителями роялистовъ оставались придворной тайной; напротивъ, при всѣхъ оффиціальныхъ случаяхъ, король былъ очень любезенъ съ либералами; пожаловалъ даже орденъ почетнаго легіона одному изъ главныхъ между ними, Казиміру Перье; министерство открыто опиралось на либеральную партію въ палатѣ. Обманутые этими наружными признаками, жители восточныхъ департаментовъ съ энтузіазмомъ встрѣчали Карла во время его поѣздки, привѣтствуя въ королѣ мнимаго покровителя либеральной партіи. Непроницательный Карлъ X совершенно обманулся въ смыслѣ пріема, какой находилъ повсюду: онъ вообразилъ, что радостныя привѣтствія свидѣтельствуютъ не объ удовольствіи народа отъ либеральныхъ мѣръ министерства, а просто о безотчетной привязанности націи къ Бурбонамъ. Онъ возвратился изъ путешествія съ преувеличенными понятіями о своемъ могуществѣ надъ умами французовъ и чрезъ нѣсколько времени, повинуясь внушеніямъ роялистовъ, рѣшился замѣнить прежнихъ министровъ другими, вполнѣ выражавшими тенденціи самыхъ опрометчивыхъ роялистовъ. 8 августа 1829 года Мартиньякъ и его товарищи были уволены и власть вручена министерству, предсѣдателемъ котораго явился князь Полиньякъ, представитель партіи неумолимо-враждебной всѣмъ новымъ интересамъ и самымъ жаркимъ образомъ кричавшей о необходимости возстановить старинныя феодальныя учрежденія. Роялистскія газеты во всеуслышаніе растолковали намѣренія новаго кабинета; Франція увидѣла, что Карлъ X безвозвратно и безусловно сдѣлалъ себя исполнителемъ реакціонныхъ желаній роялистской партіи. Съ этой минуты политика партій отказывается отъ прежнихъ колебаній между свободою и поддержкою правительства. Либералы становятся рѣшительными противниками, роялисты дѣйствительно привержен-

цами короля, согласившагося быть слѣпымъ орудіемъ феодальной партіи. Скоро борьба изъ палаты депутатовъ переходитъ на улицу и кончается паденіемъ Бурбоновъ вмѣстѣ съ роялистами, увлекавшими ихъ къ погибели ради достиженія цѣлей, не имѣвшихъ никакого интереса для самой династіи и полезныхъ только для феодаловъ.

Здѣсь, передъ послѣдней катастрофой, мы остановимся, чтобы, бросивъ общій взглядъ на прошедшее время, точнѣе объяснить себѣ, какими отношеніями была вызвана и рѣшена эта катастрофа.

Три силы участвовали въ подготовленіи насильственной развязки: королевская власть, либералы и роялисты; исходъ борьбы, ими начатой, былъ рѣшенъ внезапнымъ вмѣшательствомъ четвертой силы, на которую до той поры никто не обращалъ вниманія, никто не разсчитывалъ, — вмѣшательствомъ народа.

Мы ставимъ совершенно различными силами короля и роялистовъ; точно также мы совершенно различаемъ народъ отъ либераловъ. Многіе сливаютъ обѣ побѣжденныя силы въ одно неразрывное цѣлое; обѣ побѣдившія силы также смѣшиваютъ въ одномъ понятіи. Послѣ предъидущаго очерка читатель вѣроятно согласится, что династія и роялисты, дѣйствуя за одно въ послѣднемъ актѣ реставраціи, вступали между собою только въ союзъ, зависѣвшій отъ временныхъ обстоятельствъ, не имѣвшій ничего неизбѣжнаго по существеннымъ интересамъ той и другой силы, совершенно различныхъ. Факты, которые представятся намъ ниже, укажутъ, что и союзъ народа съ либералами былъ явленіемъ только временнымъ. Будемъ же строго различать одинъ отъ другаго эти четыре элемента и, выставивъ сущность каждаго изъ нихъ въ тогдашней Франціи, покажемъ ихъ взаимныя отношенія, подъ вліяніемъ которыхъ совершились іюльскіе дни.

Начнемъ съ королевской власти, направленіе которой рѣшило ходъ событій. Монархическая власть можетъ существовать въ двухъ формахъ: самодер-

жавной и конституціонной. Всѣ факты прошедшаго говорятъ, что неограниченная форма монархіи возникала изъ борьбы между аристократіею и демократіею, опираясь на демократію. Въ Греціи тираны были предводителями демократовъ и получили свою власть низверженіемъ аристократическаго устройства обществъ. Императоры въ Римѣ также вышли изъ предводителей демократической партіи. Тоже было во всѣхъ новыхъ государствахъ западной Европы. Особенно рѣзко выражается это въ исторіи Франціи. Вся сила королей была пріобрѣтена борьбою противъ феодаловъ, въ которой короли опирались на массу народа. Людовикъ XI и Ришльё, наиболѣе содѣйствовавшіе утвержденію самодержавія во Франціи, оба ненавидѣли аристократовъ не меньше, чѣмъ Робеспьеръ и казнили ихъ съ такою же безпощадностью. Самъ Людовикъ XIV, пока еще сохранялъ умственныя силы, держалъ аристократовъ подъ очень суровымъ ярмомъ. Подобное явленіе продолжается до сихъ поръ въ тѣхъ государствахъ западной Европы, гдѣ сохраняется монархія свободною отъ конституціи. Австрія побѣдила конституціонныя стремленія только тѣмъ, что въ 1848—49 годахъ была поддержана демократическими славянами своихъ восточныхъ областей противъ аристократическихъ венгровъ, составлявшихъ главную силу конституціонной партіи. Этотъ фактъ очень знаменателенъ. Сербы, кроаты, словаки были демократами вдвойнѣ: и по внутреннему своему устройству; и по своему отношенію къ венграмъ. У нихъ нѣтъ въ самыхъ ихъ племенахъ аристократическаго элемента; съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ ихъ племена въ общей массѣ были подчинены венгерскому племени, какъ будто низшее сословіе высшему. Точно также и венгры были вдвойнѣ аристократами: внутри ихъ племени владычествовали аристократическія учрежденія и преданія, а все племя въ цѣломъ составляло аристократію венгерскаго королевства среди подчиненныхъ славянскихъ племенъ. Такихъ фактовъ, когда абсолютизмъ австрійскій тор-

жествовалъ надъ своими внутренними врагами только силою низшихъ сословій; безчисленное множество въ его исторіи. Припомнимъ еще только два случая. Когда галиційскіе аристократы стали страшны, Вѣна дала нѣкоторый просторъ русинскому простонародію, и радикальное движеніе 1846 года возвратило ей абсолютную власть надъ Галиціею. Черезъ два года Кудличъ на вѣнскомъ сеймѣ отвергалъ всякое примиреніе своего сословія съ тѣмъ классомъ, который всего сильнѣе поддерживалъ конституціонное стремленіе. Съ другой стороны, исторія конституціонныхъ правительствъ показываетъ, что они держались преимущественно силою аристократіи. Классическій примѣръ тому представляетъ Англія. Въ самомъ дѣлѣ, логическая необходимость приводитъ къ возстанію противъ неограниченной формы сословіе богатыхъ и могущественныхъ фамилій. Онѣ находятъ обезпеченіе своей громадной собственности и своему личному достоинству только тогда, когда достигаютъ независимаго управленія государственными дѣлами. Неограниченная власть монарха представляется для нихъ силою, которая можетъ лишить каждую фамилію ея богатствъ, можетъ измѣнить и общественное положеніе всего ихъ сословія. Притомъ же неограниченная монархія всегда управляла государствомъ посредствомъ бюрократіи, подрывающей всѣ основы аристократическаго устройства.

Такимъ образомъ, если бы Бурбоны во время реставраціи заботились о выгодахъ своей власти, они нашли бы самымъ выгоднымъ для себя дѣломъ поддерживать народъ противъ аристократіи. Это стремленіе возвысило бы ихъ надъ обѣими боровшимися партіями, которыя обѣ были ограничены узкимъ кругомъ аристократическихъ понятій. Доказывать аристократизмъ роялистовъ нѣтъ нужды. Но должно привести хотя два-три факта, которые показали бы ту же тенденцію и въ либерализмѣ временъ реставраціи. Первымъ и самымъ яснымъ признакомъ аристократическихъ тенденцій можетъ служить симпатія

либераловъ къ англійскому устройству, въ которомъ и до сихъ поръ преобладаетъ, а тогда исключительно владычествовала аристократія. Знаменитѣйшими учителями либераловъ были Монтескьё и Бенжаменъ-Констанъ. „Духъ законовъ“ Монтескьё, служившій настольною книгою для либераловъ, съ первой строки до послѣдней внушенъ безграничнымъ удивленіемъ къ англійскому государственному устройству. Бенжаменъ Констанъ, преемникъ Монтескьё въ дѣлѣ теоретическаго образованія либеральной партіи, также почти всѣ свои мысли заимствовалъ у англичанъ. Даже второстепенные наставники либераловъ, какъ напримѣръ, Ройе-Коляръ, были всѣ проникнуты тѣмъ же духомъ, котораго и до сихъ поръ держатся представители французской либеральной партіи въ строгомъ смыслѣ слова, отъ Ремюза и Дювержье де-Горанна до Гизо. Иначе быть не могло уже по одному общественному положенію либераловъ. Масса этой партіи состояла изъ людей богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, очень зажиточныхъ. Они были совершенно довольны прежнимъ (1817—1820 г.) избирательнымъ цensомъ въ 300 франковъ прямыхъ податей; при такомъ цензѣ большинство людей ихъ партіи уже дѣлалось избирателями, а этотъ цензъ предполагаетъ капиталъ не менѣе 60,000 фр. Либеральныя газеты очень часто прямымъ образомъ высказывали свое отвращеніе отъ мысли опираться на низшіе классы. Приведемъ одинъ примѣръ изъ того времени, когда уже предвидѣлась близость рѣшительной битвы, когда либералы старались собрать всѣ свои силы и дорожили каждымъ союзникомъ: даже и въ то время они рѣзко отвергали призывъ народа къ участію въ политическихъ дѣлахъ. За два или за три дня до объявленія войны знаменитыми іюльскими повелѣніями, одинъ изъ роялистскихъ журналовъ, смѣясь надъ стремленіемъ либераловъ доставить власть торговому сословію, говорилъ: „либералы не хотятъ ни владычества солдатъ, ни владычества мужиковъ; они хотятъ владычества купцовъ. Но чѣмъ же мужики хуже купцовъ? Пусть либералы подумаютъ,

что противъ купцовъ можно поставить мужиковъ.“ Угроза была, конечно, далека отъ исполненія; роялисты, увѣренные въ своихъ силахъ, не имѣли еще серьёзной мысли обратиться за помощью къ поселянамъ; но въ ихъ журналахъ уже довольно часто являлись тогда намеки о возможности подобной политики. Они уже говорили, что если либералы не довольны тогдашнимъ (1820—1830) избирательнымъ ценсомъ въ 1000 франковъ, то можно вмѣсто пониженія ценса совершенно отмѣнить его и предоставить право голоса каждому французу безъ различія состоянія. Такимъ образомъ уже намекалось на политику, слѣдовать которой начали роялисты послѣ 1880 года, когда ихъ лозунгомъ сдѣлался suffrage universel. Теперь пока угроза не была еще серьёзна и либералы могли бы оставить ее безъ отвѣта, еслибы сколько нибудь колебались обнаружить свои чувства къ низшимъ сословіямъ. Но они никогда не хотѣли пользоваться содѣйствіемъ простонародья и потому не колеблясь приняли вызовъ роялистовъ высказаться объ этомъ предметѣ. Вотъ что отвѣчалъ роялистамъ „National“, бывшій тогда представителемъ крайняго либерализма между большими газетами: „Газета, совершенно сочувствующая министерству, говоритъ намъ: „не хотятъ ни штыковъ, ни деревянныхъ башмаковъ, хотятъ торговыхъ свидѣтельствъ. Чѣмъ же торговыя свидѣтельства лучше деревянныхъ башмаковъ? Совѣтуемъ подумать объ этомъ.“ Эта черта еще лучше исторіи оратора угольщика (объ этой исторіи мы должны будемъ упомянуть послѣ) характеризуетъ отчаянное положеніе нашихъ реакціонеровъ. Они стали въ противорѣчіе съ общественнымъ мнѣніемъ страны, не могутъ жить въ согласіи ни съ палатами, законными представительницами страны, ни съ газетами, столь же законными представительницами, ни съ независимыми судебными властями, подчиненными одному закону; разумѣется, послѣ этого нужно имъ искать націю внѣ той націи, которая читаетъ газеты, которая интересуется преніями палатъ, которая располагаетъ капиталами, управляетъ промыш-

ленностью и владѣетъ землею; имъ надобно спуститься до низшихъ слоевъ населенія, гдѣ уже не встрѣчается общественнаго мнѣнія, гдѣ едва ли находится хотя какой нибудь политическій смыслъ, гдѣ копошатся тысячи существъ, добрыхъ, прямыхъ, простодушныхъ, но легко обманываемыхъ и ожесточаемыхъ, живущихъ со дня на день, проводящихъ каждый часъ своей жизни въ борьбѣ съ нуждою, не имѣющихъ ни времени, ни физическаго и умственнаго отдыха, необходимаго, чтобы хотя иногда подумать о политическихъ дѣлахъ. Вотъ нація, которою окружить престолъ хотѣли бы нѣкоторые изъ нашихъ реакціонеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто отвергаетъ законы, тотъ долженъ броситься въ объятія черни." Такой языкъ былъ обычнымъ у либераловъ, когда заходила рѣчь о простомъ народѣ. Онъ достаточно свидѣтельствуетъ, похожи ли были сколько нибудь либералы на демагоговъ. Отношеніе между ними и роялистами было таково же, какъ между вигами и тори въ Англіи. Обѣ враждовавшія партіи отвращались не только демагогіи, но и всякаго демократизма; разница между ними была лишь въ томъ, что одна партія была болѣе исключительна въ своемъ аристократизмѣ, чѣмъ другая; одна хотѣла исключительной аристократіи богатыхъ землевладѣльцевъ изъ старинныхъ фамилій, какъ тори въ Англіи; другая, подобно вигамъ, опиралась на промышленные интересы и, понимая невозможность аристократіи въ смыслѣ XVII вѣка, расширяла кругъ этого понятія на все сословіе, пользующееся фактическимъ перевѣсомъ въ народной жизни. Одна партія хотѣла возвратить власть надъ народомъ сословію, нѣкогда господствовавшему, но утратившему свою силу всѣдствіе революціи; другая хотѣла сохранить преобладаніе настоящихъ властелиновъ общественной жизни но та и другая одинаково хотѣла подчиненія народа немногочисленному сословію.

При такихъ обстоятельствахъ, какой путь былъ самымъ выгоднымъ для королевской власти? На какую изъ трехъ существовашихъ во Франціи силъ должна

она была опираться: на массу народа, на либераловъ или роялистовъ? Здравый смыслъ указывалъ на союзъ съ народомъ, какъ на самую выгодную политику. Народъ въ то время еще не думалъ о политическихъ правахъ; забота о его матеріальномъ благосостояніи была бы совершенно достаточной приманкой для пріобрѣтенія его преданности Бурбонамъ. Если Бурбонамъ была противна конституція и свобода книгопечатанія, они только въ народѣ нашли бы союзника, не требовавшаго этихъ вещей. Не имѣя ни въ роялистахъ, ни въ либералахъ покровителей себѣ, оставаясь совершенно безпомощнымъ, народъ очень дешево продалъ бы свой союзъ. Чтобы купить его любовь, довольно было одной той политики, которой слѣдуетъ каждое дѣльное правительство, и въ самодержавныхъ, и въ конституціонныхъ, и въ республиканскихъ государствахъ, довольно было заботы о возвышеніи благосостоянія въ низшихъ классахъ, отъ котораго, какъ извѣстно, зависятъ и увеличеніе государственныхъ доходовъ и внѣшнее могущество государства. Требуя наименѣе пожертвованій, союзъ династіи съ народомъ приносилъ и наиболѣе выгодъ. Въ ежедневныхъ мелкихъ дѣлахъ правительственной жизни вліяніе народа чувствуется мало. Не только въ самодержавныхъ государствахъ, но и въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ правительство можетъ издавать множество законовъ и распоряженій, независимо отъ народнаго желанія или участія, встрѣчая одобреніе или охужденіе только въ партіяхъ высшаго и средняго сословій. Но какова бы ни была государственная политика, она всегда, удовлетворяя одной части этихъ сословій, возбуждаетъ неудовольствіе въ другой, по неизбѣжной противуположности различныхъ общественныхъ интересовъ и теорій. Такимъ образомъ политическая жизнь всегда является тяжбою нѣкоторой части образованныхъ сословій противъ другой части тѣхъ же сословій и противъ правительства, проводящаго интересы этой части. Извѣстно, что тяжба оканчивается въ первой инстанціи только тогда, когда предметъ ея ничто-

женъ; когда же проигрышъ одной стороны и выигрышъ другой значителенъ, за рѣшеніемъ первой инстанціи неизбѣжно слѣдуетъ апелляція, какъ въ частномъ, такъ и въ государственномъ процессѣ. Пока недовольная политикою правительства часть образованныхъ сословій не видитъ никакихъ важныхъ мѣръ, или не убѣдилась въ непреклонности направленія со стороны другой части, пользующейся силою правительства, процессъ остается, такъ сказать, въ первой инстанціи, ограничиваясь словами и бумагою. Но неизбѣжно идетъ это дѣло къ дальнѣйшему развитію, при которомъ первоначальныя средства веденія тяжбы представляются для проигрывающихъ уже неудовлетворительными и должна быть призвана въ помощь высшая сила. Въ государственномъ процессѣ, послѣ первой инстанціи, послѣ слова и бумаги, этою высшею инстанціею представляется фактическое, физическое могущество, лежащее во всей цѣлости населенія. Такимъ образомъ коренное основаніе всѣхъ государственныхъ отношеній заключается въ расположеніи населенія, какъ при частныхъ отношеніяхъ оно заключается въ законѣ. Я, частный человѣкъ, удерживаю свои права только тѣмъ, что при всякомъ важномъ столкновеніи указываю на законъ. Въ государственномъ процессѣ ту же роль играетъ населеніе, и въ сущности все основано на предполагаемой вѣроятности образа его дѣйствій въ пользу той или другой стороны.

Такимъ образомъ и Бурбоны могли оставаться совершенно спокойными за свою власть, если бы надѣялись, что сила, на апелляцію къ которой переносится дѣло, объявитъ себя въ ихъ пользу при случаѣ апелляціи. Еслибы населеніе было за нихъ, они могли съ равнодушною улыбкою смотрѣть на борьбу парламентскихъ партій, пока имъ хотѣлось смотрѣть на нее, и могли бы легко сокрушить ту или другую партію, или и обѣ партіи разомъ, когда бы имъ то вздумалось; но, къ своему несчастію, они вовсе не думали сдѣлаться покровителями народныхъ интере-

совъ. Чѣмъ объяснить эту гибельную ошибку? Какъ могли они лишить себя союза, возможнаго за столь дешевую силу и ограждавшаго ихъ отъ всякихъ опасностей? На этотъ вопросъ само собою найдется отвѣтъ послѣ, когда разсмотримъ отношенія и интересы двухъ другихъ общественныхъ силъ, либерализма и роялизма; а теперь, занимаясь соображеніемъ о томъ, какіе союзы наиболѣе выгодны были для королевской власти, мы должны поочередно разсмотрѣть отношенія интересовъ ея къ двумъ другимъ силамъ тогдашней Франціи, къ роялизму и либерализму.

Отвергнувъ наивыгоднѣйшій для себя союзъ, оставивъ народъ въ пренебреженіи, династія могла еще избирать между двумя партіями, на которыя раздѣлялись средній и высшій классы. Содѣйствіе той и другой партіи одинаково не могло быть пріобрѣтено иначе, какъ подчиненіемъ правительства конституціонному порядку. Относительно либераловъ, вообще извѣстныхъ за приверженцевъ конституціи, неизбѣжность этой уступки не нуждается въ доказательствахъ; намъ кажется, что читатель видѣлъ ту же самую необходимость относительно роялистской партіи, которая обманывала многихъ своимъ именемъ, говорящимъ о какой-то особенной преданности престолу.

Мы говорили о враждѣ роялистовъ къ тѣмъ королямъ, которые не поддавались безусловно ихъ требованіямъ, — говорили, что они интриговали для отнятія жизни у Людовика XVI, преслѣдовали Людовика XVIII, — что задушевною ихъ мыслью было заставить его отказаться отъ престола. Во всѣ тѣ періоды, когда роялисты не располагали безусловно правительственною властью (при министерствахъ Ришльё, Деказа и Мартиньяка), они энергически требовали уменьшенія правительственныхъ правъ. Когда же они располагали правительственною властью (при министерствѣ Вильеля), они пользовались ею исключительно для доставленія денежнаго и политическаго могущества прежнимъ феодальнымъ классамъ, но не издали ни одного закона, которымъ увеличивались бы права

короля. Избирательный ценсъ въ 1000 франковъ, возстановленіе майоратствъ, выдача милліарда франковъ эмигрантамъ,—всѣ эти мѣры были выгодны исключительно только старинимъ аристократическимъ фамиліямъ, не имѣя ровно никакой связи съ интересами королевской власти. Наконецъ, когда роялисты склонили Карла X на изданіе знаменитыхъ іюльскихъ повелѣній, они опять имѣли въ виду только выгоды феодальной партіи, и перемѣны, вводимыя этою экстренною мѣрою въ устройствѣ Франціи, не приносили никакой выгоды королевской власти. Одно изъ этихъ повелѣній измѣняло способъ выборовъ въ палату депутатовъ такъ, чтобы богатые землевладѣльцы безъ всякихъ соперниковъ посылали въ палату своихъ партизановъ. Палата состояла бы исключительно изъ роялистовъ — для нихъ, разумѣется, это было очень пріятно. Но что выигрывала королевская власть? Измѣнялись ли отношенія палаты къ ней? Сущность конституціоннаго правленія состоитъ въ томъ, что король ничего не можетъ дѣлать безъ согласія министровъ, а министрами назначаются тѣ люди, которыхъ желаетъ большинство палаты, низвергающее ихъ, какъ скоро становится недовольно ими,— измѣнялся ли сколько нибудь этотъ порядокъ? Ограничивалось ли вліяніе палаты депутатовъ на министерство, отъ имени короля управляющее государствомъ сообразно волѣ не короля, а палаты? Ни мало. Палата продолжала быть источникомъ и властителемъ правительства, король по прежнему оставался въ зависимости отъ ея желаній. Другое повелѣніе возстановляло цензуру для газетъ, и ставило ихъ въ совершенную зависимость отъ министерства. Тутъ опять очевидно выигрывали роялисты: первое повелѣніе отдавало въ ихъ руки палату депутатовъ и министерство, потому они черезъ министерство владычествовали бы надъ газетами. Не пріобрѣтая власти надъ министерствомъ, король не пріобрѣталъ ничего чрезъ расширеніе министерскаго господства надъ газетами. Не служа къ увеличенію его власти, цензура съ тѣмъ вмѣстѣ вовсе и не

нужна была для огражденія его правъ или его личнаго достоинства: газеты и безъ цензуры не могли и не имѣли охоты возставать противъ его личности и его правъ. Не могли, потому что онъ былъ огражденъ отъ ихъ нападеній особенными законами, существовавшими прежде. Не имѣли охоты, потому что полемика въ газетахъ, подобно преніямъ въ палатахъ, относилась вовсе не къ лицу или правамъ короля—онъ былъ выше преній и полемики—а только къ министерству, налагаемому на короля не его волею, а волею палаты депутатовъ, и къ мнѣніямъ партій, которыя, повторяемъ, спорили между собою вовсе не объ интересахъ короля, а о своихъ собственныхъ интересахъ, не имѣвшихъ никакой связи съ интересами династіи. Королю цензура была не нужна, и ея возстановленіе не увеличивало его правъ. Прочитавъ іюльскія повелѣнія, погубившія Бурбоновъ, каждый убѣдится, что король не могъ для себя извлечь изъ нихъ ровно никакой выгоды и что роялисты, заставляя его дѣлать опасную для престола попытку, имѣли въ виду единственно свою пользу. Вообще, какъ мы сказали, если залогомъ союза короля съ либералами могло быть только конституціонное устройство, то роялисты никогда не думали уступать большей ему власти: они были въ этомъ отношеніи требовательны никакъ не менѣе либераловъ.

Напротивъ, они были болѣе требовательны. Союзникъ вообще показываетъ себя тѣмъ уступчивѣе, чѣмъ болѣе убѣжденъ, что наше доброе расположеніе къ нему зависѣло совершенно отъ нашей воли; онъ тѣмъ менѣе цѣнитъ нашу дружбу, чѣмъ сильнѣе убѣжденъ, что мы не можемъ сблизиться съ его врагами, какъ бы ни держалъ онъ себя относительно насъ. Роялисты были увѣрены, что Бурбоны никакъ не вздумаютъ серьезно отказаться отъ покровительства, то есть въ сущности отъ служенія, ихъ партіи; они считали себя имѣющими какъ бы прирожденное право на королевское благорасположеніе, потому очень равнодушно принимали все, что дѣлали для нихъ

Бурбоны, и чрезвычайно обидчиво сердились на династію за малѣйшее невниманіе къ ихъ желаніямъ. Они воображали себя какъ будто благодѣтелями Бурбоновъ, смотрѣли на нихъ будто на своихъ неоплатныхъ должниковъ, обязанныхъ быть предупредительными, любезными до подобострастія къ ихъ партіи вообще и къ каждому изъ нихъ въ особенности. Совсѣмъ иное было положеніе либераловъ. Они видѣли, что Бурбоны имѣютъ гораздо больше наклонности къ роялистамъ, нежели къ нимъ, потому принимали за чрезвычайную уступку, за достойное самой выспренней благодарности самоотреченіе каждую малѣйшую — хотя бы даже только видимую снисходительность Бурбоновъ къ либеральной партіи. Роялисты держали себя въ Тюльери домашними людьми, очень безцеремонными товарищами хозяина, съ которымъ щепетливо считались каждымъ сколько нибудь непріятнымъ для нихъ словомъ. Но стоило королю сказать при какомъ нибудь оффиціальномъ пріемѣ хотя одно мягкое слово либералу, и вся либеральная партія приходила въ восторгъ. Давая королю мѣдныя гроши, роялисты требовали взамѣнъ золотыхъ монетъ; либералы готовы были безвозмездно принести въ жертву и себя и всѣ свои богатства, лишь бы только онъ согласился принять ихъ (*). Конечно,

(*) Нѣтъ надобности напоминать читателю, что мы говоримъ о массѣ либеральной партіи, о собственно такъ называемыхъ либералахъ. Изъ 221 либераловъ, вотировавшихъ знаменитый адресъ 1829 года (о которомъ будемъ говорить ниже), было пять или шесть человѣкъ, имѣвшихъ другія чувства, — но эти люди исчезали въ массѣ, на которую вовсе не имѣли вліянія. Орлеанская партія до 1830 года не смѣла и думать о близкомъ исполненіи своихъ желаній, и была чрезвычайно малочисленна, — къ Лафиту примкнуло нѣсколько депутатовъ только уже вслѣдствіе іюльскихъ событій, да и то по невозможности найти иное спасеніе своимъ монархическимъ убѣжденіямъ, кромѣ возведенія на престолъ принца Орлеанскаго. Республиканцевъ до 1830 г. было во всей Франціи всего нѣсколько человѣкъ, да и тѣ, даже среди іюльскаго торжества инсургентовъ, не считали возможнымъ учрежденіе республики во Франціи, — республика представлялась для нихъ отвлеченнымъ и дальнимъ идеаломъ, въ родѣ того, какъ какому нибудь китайцу

либералы жаловались на Бурбоновъ, но ихъ жалобы имѣли тонъ отвергаемой дружбы. Либералы желали не паденія Бурбоновъ, а только обращенія ихъ къ либерализму, для ихъ собственной выгоды. До такой степени чуждалась либеральная партія мыслей враждебныхъ интересамъ династіи, что не хотѣла вѣрить паденію Бурбоновъ даже тогда, когда оно было уже рѣшено битвою на парижскихъ улицахъ, и если въ комъ еще остается сомнѣніе объ искренней преданности либераловъ Бурбонамъ, послѣдніе остатки недовѣрія будутъ разсѣяны разсказомъ о томъ, какъ держали себя либералы въ продоленіе переворота, противъ желанія либеральной партіи произведеннаго парижскимъ населеніемъ.

Союзъ съ либералами долженъ былъ бы казаться Бурбонамъ пріятнѣе дружбы съ роялистами, потому что либералы были меньше требовательны, нежели роялисты. Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ былъ бы и гораздо важнѣе для прочности династіи. Конечно, ни роялисты, ни либералы не составляли массу населенія во Франціи; мы уже говорили много разъ, что если бы династія опиралась на народъ, она могла бы господствовать надъ обѣими партіями, изъ которыхъ каждая оставалась бы въ такомъ случаѣ гораздо слабѣе династіи. Но мы также говорили, что династія не озаботилась привлечь къ себѣ массу населенія заботами о ея выгодахъ, и народъ, никѣмъ не призываемый къ участію въ дѣлахъ, не налагалъ еще свою тяжелую руку ни на одну изъ двухъ чашекъ вѣсовъ

нынѣ можетъ представляться обращеніе Китая въ Европейское государство, чего конечно ни одинъ разсудительный человѣкъ въ Китаѣ не можетъ ожидать видѣть при своей жизни. Надобно строго различать теоретическія убѣжденія отъ стремленій, питаемыхъ человѣкомъ относительно практической жизни настоящаго времени, опредѣляемыхъ надеждою на возможность. Теоретически, каждый изъ насъ скажетъ, что лучше было каждому безъ исключенія русскому молодаго поколѣнія учиться въ университетѣ, — на практикѣ, мы восхищались бы уже и тѣмъ, если бы найдена была возможность хотя одному изъ десяти нашихъ молодыхъ соотечественниковъ кончать курсъ въ уѣздномъ училищѣ.

политическаго могущества. На политической аренѣ были только либералы и роялисты. Которая же изъ двухъ партій сильнѣе? Въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Въ рукахъ либераловъ была вся торговля, вся промышленность Франціи, они владычествовали на биржѣ, они располагали кредитомъ. Отъ Лафита, богатѣйшаго банкира тогдашней Франціи, до послѣдняго лавочника или хозяина какой нибудь маленькой мастерской, всѣ буржуа были проникнуты либерализмомъ. На сторонѣ роялистовъ была только большая поземельная собственность; но если каждый роялистскій землевладѣлецъ въ отдѣльности былъ богаче либерала-землевладѣльца, владѣвшаго имѣніемъ средней величины, то массѣ либераловъ, даже и изъ поземельной собственности, принадлежала часть болѣе значительная, нежели массѣ роялистовъ, потому что при раздробленности имѣній, вслѣдствіе революціонныхъ продажъ, участки средней величины занимали болѣе значительное пространство территоріи, нежели огромныя помѣстья, уцѣлѣвшія отъ феодальныхъ временъ.

Сами по себѣ, либералы были сильнѣе роялистовъ; но еще гораздо выгоднѣе былъ для династіи союзъ съ ними потому, что онъ обезпечивалъ бы ихъ отъ всякой опасности со стороны массы населенія. Это соображеніе было такъ просто, что не могло бы ускользнуть ни отъ одного изъ друзей династіи, если бы они хотя сколько нибудь знали чувства народа. Къ сожалѣнію, изъ людей, близкихъ къ Бурбонамъ, не было ни одного, знающаго народъ, а были очень многіе, безъ всякаго понятія о чувствахъ народа, питавшіе къ нему недовѣріе и передавшіе это недовѣріе Бурбонамъ. По странному сочетанію противорѣчащихъ идей въ одной и той же головѣ, сочетанію, которое такъ часто встрѣчается въ жизни, эти люди и сами Бурбоны, не заботясь объ удовлетвореніи народныхъ желаній и нуждъ, не заботясь даже о томъ, чтобы хотя сколько нибудь ознакомиться съ ними, питая ужасъ къ каждому движенію народа,

лелѣяли себя увѣренностью, что и безъ всякихъ посредничествъ масса населенія проникнута непоколебимою преданностью къ Бурбонамъ.

Мы видѣли, какой политики требовали со стороны Бурбоновъ ихъ собственныя выгоды, и какъ не нуженъ, какъ противенъ истинному положенію ихъ интересовъ былъ ихъ союзъ съ роялистами; чтобы еще яснѣе убѣдиться въ этомъ, намъ должно теперь посмотрѣть на взаимныя отношенія общественныхъ силъ, спустившись на нисшую ступень общественной лѣстницы, которую мы обозрѣвали съ вершины ея. Изложивъ интересы королевской династіи, мы теперь попробуемъ изложить чувства и интересы массы населенія.

Она, какъ мы говорили, не принадлежала собственно ни къ роялистамъ, ни къ либераламъ. Необходимость слишкомъ тяжелаго и продолжительнаго физическаго труда для скуднаго поддержанія жизни не оставляла ей въ періодъ реставраціи во Франціи, какъ до сихъ поръ не оставляла нигдѣ и никогда въ новой Европѣ, времени для постояннаго занятія государственными дѣлами. Не имѣя ни навыка къ тому, ни образованія, нужнаго для того, чтобы составить себѣ систему политическихъ убѣжденій, народъ обыкновенно даже не хотѣлъ присматриваться къ вещамъ, которыя дѣлаются и говорятся высоко надъ нимъ въ парламентѣ, въ журналистикѣ и въ административныхъ сферахъ. Но эта масса, обыкновенно остающаяся неподвижною въ политическомъ волненіи, играющемъ на поверхности національной жизни, не лишена совсѣмъ преданій и чувствъ, которыя приводятъ ее въ движеніе, когда затрогиваются.

Во фанцузскомъ народѣ самымъ живымъ преданіемъ было воспоминаніе о національной славѣ, какою блистала Франція при Наполеонѣ. Подъ этимъ воспоминаніемъ таилось еще болѣе сильное чувство привязанности къ новому гражданскому устройству и ненависти къ стариннымъ феодальнымъ правамъ, разрушеннымъ революціею. Народъ дорожилъ новыми учрежденіями потому, что они улучшили его мате-

ріальное положеніе сравнительно съ тою гульбою, какую имѣлъ онъ въ прежнія времена. Но съ другой стороны, улучшеніе, хотя и очень чувствительное, не было такъ велико, чтобы масса была очень довольна своимъ настоящимъ.

По сущности своихъ понятій, народъ не имѣлъ сознательнаго предпочтенія къ той или другой политической системѣ. Конституцію, или какъ тогда называли, „Хартію“ (la Charte) онъ едва зналъ по имени, не связывая никакого смысла съ этимъ словомъ. Да и самое слово далеко не каждому городскому работнику было извѣстно, — о поселянахъ нечего и говорить; о томъ, что онъ ни мало не дорожилъ этимъ словомъ, излишне и упоминать.

Королевская власть, говорили мы, очень легко могла привлечь народъ на свою сторону покровительствомъ его матеріальному благосостоянію; но она не позаботилась объ этомъ. Однакоже, когда король являлся въ провинціяхъ или присутствовалъ на торжественныхъ церемоніяхъ въ Парижѣ, толпы народа тѣснились на дорогѣ и привѣтствовали его радостными криками. Это происходило не болѣе, какъ отъ наивнаго уваженія простыхъ людей къ внѣшнему блеску, но перетолковывалось придворными, какъ свидѣтельство глубокой привязанности народа къ династіи. Такое ошибочное пониманіе дѣла погубило Бурбоновъ, ободривъ Карла X рискнуть на рѣшительную битву изданіемъ іюльскихъ повелѣній. Но во всякомъ случаѣ, хорошія встрѣчи, какими обыкновенно привѣтствовалъ народъ короля, доказывали, что масса народа даже въ началѣ 1830 года еще не была рѣшительно враждебна къ Бурбонамъ.

Напротивъ, она была всегда враждебна къ роялистамъ, не потому, чтобы считала ихъ врагами конституціи, о которой сама она не заботилась, а потому, что они были эмигранты, потомки прежнихъ феодаловъ; народъ предполагалъ въ нихъ желаніе возстановить старинное феодальное устройство, вспоминалъ, что они сражались противъ Франціи.

Тѣмъ самымъ, что боролись противъ роялистовъ, либералы пріобрѣли въ народѣ нѣкоторую популярность, хотя очень мало заслуживали ея. Надобно перечитать пренія палатъ, надобно перечитать сочиненія либераловъ временъ Реставраціи, чтобы постичь всю невѣроятную беззаботность ихъ о выгодахъ массы населенія. Они забывали о народѣ, подобно Бурбонамъ и роялистамъ; а когда и случалось имъ говорить отъ имени нисшихъ классовъ, они почти постоянно употребляли его имя понапрасну, не умѣя выразить желаній, понять нуждъ простонародья. Въ программѣ либераловъ не было ни одной фразы, которая касалась бы средствъ или по крайней мѣрѣ выражала бы желаніе улучшить положеніе нисшихъ классовъ. Доказательствомъ тому можетъ служить каждое изъ ихъ знаменитыхъ преній въ палатѣ депутатовъ, каждая изъ ихъ знаменитыхъ битвъ на поприщѣ журналистики, каждый ихъ политическій манифестъ. Повсюду провозглашаются отвлеченныя политическія теоріи, имѣющія занимательность только для зажиточныхъ и образованныхъ людей, нигдѣ ни одной фразы о реформахъ, которыми непосредственно улучшался бы простонародный бытъ. Въ примѣръ сошлемся на одинъ изъ этихъ актовъ, могущій быть самымъ поразительнымъ подтвержденіемъ нашего сужденія. Когда войска были принуждены выступить изъ Парижа, когда либералы спѣшили возстановить королевскую власть перенесеніемъ ея на герцога Орлеанскаго, чтобы не дать времени возникнуть въ вооруженной массѣ простонародья требованію республиканской формы, либеральные члены палаты депутатовъ издали прокламацію, въ которой совмѣстили всѣ надежды и желанія, способныя, по ихъ мнѣнію, увлечь побѣдоносныхъ парижанъ на сторону вновь учреждаемаго правительства. Парижское простонародье безусловно владычествовало тогда надъ судьбою Парижа и Франціи, — либеральные депутаты конечно въ эту минуту старались по необходимости самымъ яркимъ образомъ высказать все, что въ ихъ намѣреніяхъ

могло быть пріятно простонародью. Каковъ же планъ ихъ правительственной системы? Какія улучшенія они обѣщаютъ народу? Обѣщаній очень много, и они вотъ какого рода: вѣрность конституціоннымъ началамъ; возстановленіе національной гвардіи, избирающей своихъ офицеровъ, она будетъ охранять конституцію; назначеніе городскихъ и областныхъ чиновниковъ по выбору; судъ присяжныхъ по обвиненіямъ противъ газетъ со стороны правительства; точное опредѣленіе отвѣтственности министровъ передъ палатою депутатовъ; отмѣненіе произвола правительства надъ судьбою офицеровъ; ограниченіе средствъ для миниcтерства къ подкупу депутатовъ повышеніемъ въ должностяхъ.

Какъ? только-то? Да, только. Для невѣрящихъ мы сообщимъ самый текстъ прокламаціи,—пусть они увидятъ, что мы не пропустили ни одного обѣщанія. (*)

(*) Вотъ текстъ прокламаціи къ народу, изданной палатою депутатовъ 31 іюля:

„Французы, Франція свободна. Деспотизмъ поднималъ свое знамя. Героическое населеніе Парижа низвергло его. Вызванный нападеніемъ на битву, Парижъ доставилъ своимъ оружіемъ торжество священному дѣлу, которое тщетно торжествовало на выборахъ. Власть, отнимавшая наши права, возмущавшая наше спокойствіе, угрожала и свободѣ и порядку. Мы снова пріобрѣтаемъ и порядокъ и спокойствіе. Нѣтъ уже опасности для правъ, пріобрѣтенныхъ прежде; нѣтъ уже преграды между нами и правами, которыя еще остается намъ пріобрѣсти.

„Правительство, которое немедленно обезпечило бы намъ эти блага, ссставляетъ первую потребность отечества. Французы, тѣ изъ вашихъ депутатовъ, которые находятся въ Парижѣ, собрались и въ ожиданіи правильнаго дѣйствія Палатъ, пригласили француза, который сражался только за Францію, а не противъ нея, герцога Орлеанскаго, къ принятію на себя обязанностей намѣстника королевства. Они видятъ въ этомъ средство водвореніемъ мира довершить торжество справедливѣйшаго самоотверженія.

„Герцогъ Орлеанскій преданъ національному и конституціонному интересу. Онъ всегда защищалъ его дѣло и исповѣдывалъ его принципы. Онъ будетъ уважать наши права, потому что получитъ отъ насъ свои права. Мы дадимъ себѣ законами прочныя гарантіи, необходимыя для утвержденія непоколебимой свободы:

„Возстановленіе національной гвардіи съ участіемъ гражданъ ее составляющихъ въ избраніи ея офицеровъ;

Какую же выгоду получилъ бы народъ, если бы даже всѣ эти обѣщанія были исполнены? Разберемъ ихъ пунктъ за пунктомъ. „При герцогѣ Орлеанскомъ будетъ строго соблюдаться конституція" — очень

„Участіе гражданъ въ составленіи муниципальнаго и департаментскаго управленія;

„Судъ присяжныхъ для процессовъ газетъ и книгъ;

„Законное опредѣленіе отвѣтственности министровъ и второстепенныхъ агентовъ управленія;

„Законное упроченіе положенія военныхъ;

„Новые выборы для депутатовъ, получившихъ должность отъ правительства.

„По согласію съ главою государства, мы дадимъ нашимъ учрежденіямъ развитіе, въ которомъ они нуждаются.

„Французы, герцогъ Орлеанскій самъ уже высказался языкомъ, приличнымъ свободной странѣ. Онъ говоритъ, что палаты соберутся немедленно. Онѣ примутъ мѣры для упроченія царства законовъ и огражденія правъ націи.

„Конституція отнынѣ будетъ истиною."

Мы привели этотъ документъ между прочимъ и потому, что онъ написанъ Гизо и былъ первымъ актомъ новаго періода его политической жизни, когда онъ является уже однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ людей Франціи.

Въ коммиссіи, назначенной для составленія прокламаціи, кромѣ Гизо и Вильмена, представителей умѣреннаго оттѣнка либеральной партіи, находились Бенжаменъ-Констанъ и Бераръ, принадлежавшіе къ самымъ требовательнымъ либераламъ. Такимъ образомъ, прокламація, вышедшая изъ совѣщаній коммиссіи, можетъ считаться самымъ вѣрнымъ выраженіемъ политической программы цѣлой либеральной партіи.

Прокламацію герцога Орлеанскаго, на которую ссылается прокламація депутатовъ, по настоящему, не стоило бы и приводить, потому что въ ней не заключается ничего, кромѣ общихъ фразъ, съ неосновательною похвалою герцога самому себѣ за мужество, котораго онъ не оказывалъ. Однако, приведемъ и ее, чтобы читатель видѣлъ совершенную пустоту этого документа, также рѣшавшаго судьбу Франціи.

„Жители Парижа,

„Депутаты Франціи, нынѣ собравшіеся въ Парижѣ, выразили желаніе, чтобы я прибылъ въ столицу для исполненія обязанностей намѣстника королевства.

„Не колеблясь, явился я раздѣлять ваши опасности, сталъ среди героическаго населенія, чтобы употребить всѣ мои силы для предотвращенія междоусобной войны и анархіи. Вступая въ Парижъ, я съ гордостью надѣлъ славную трехцвѣтную кокарду, которую возстановили вы и которую долго носилъ самъ я.

пріятно будетъ это образованнымъ классамъ, обезпеченнымъ въ своемъ существованіи; но мы уже много разъ говорили, что всѣ конституціонныя пріятности имѣютъ очень мало цѣны для человѣка, не

„Палаты скоро соберутся; онѣ примутъ мѣры для упроченія царства законовъ и огражденія правъ націи.

„Конституція отнынѣ будетъ истиною.

„Людовикъ Филиппъ Орлеанскій.“

Мы приведемъ также программу самой крайней изъ партій, игравшихъ замѣтную роль въ іюльскіе дни. Составители этой программы, которая осталась недѣйствительною, потому что показалась всѣмъ благоразумнымъ людямъ слишкомъ уже отважною, были не просто либералы, а республиканцы — то есть горсть людей, ушедшихъ неизмѣримо далеко впередъ отъ либераловъ. Но что же и эта программа обѣщала собственно для народа? ровно ничего дѣльнаго не обѣщала она — вотъ ея текстъ, слишкомъ оправдывающій наше грустное сужденіе:

„Франція свободна.

„Она хочетъ конституціи.

„Она даетъ временному правительству только право призвать ее къ установленію формы правленія.

„Въ ожиданіи того, пока она выразитъ свою волю новыми выборами, уваженіе къ слѣдующимъ принципамъ:

„Отмѣненіе монархической власти;

„Управленіе государства исключительно людьми, получающими власть отъ избранія націи;

„Врученіе исполнительной власти президенту, избираемому на время;

„Прямое или косвенное участіе всѣхъ гражданъ въ избраніи депутатовъ;

„Свобода исповѣданій; отмѣна привилегій, даваемыхъ государствомъ одному исповѣданію передъ всѣми другими:

„Огражденіе армейскихъ и флотскихъ офицеровъ отъ произвольнаго удаленія министрами въ отставку;

„Учрежденіе національной гвардіи по всему пространству Франціи; этой гвардіи ввѣряется охраненіе конституціи;

„За эти принципы мы жертвовали жизнью; въ случаѣ нужды мы будемъ поддерживать ихъ законнымъ сопротивленіемъ съ оружіемъ въ рукахъ.“

Какъ видимъ, эта программа отличается отъ прокламаціи депутатовъ тремя существенными пунктами: требованіемъ республиканской формы, требованіемъ уничтоженія палаты наслѣдственныхъ перовъ (оно заключается въ выраженіи: управленіе государства исключительно людьми, получающими власть отъ избранія націи), наконецъ, требованіемъ предоставленія избирательныхъ

имѣющаго ни физическихъ средствъ, ни умственнаго развитія для этихъ десертовъ политическаго рода. „Будетъ возстановлена національная гвардія“ — въ скобкахъ надобно читать: съ довольно дорогимъ мундиромъ, который удалитъ отъ участія въ ней простолюдина,—это будетъ удовольствіе, предоставленное людямъ, могущимъ тратить деньги на маскарадные костюмы. Но хотя бы и безъ дорогаго мундира—что за радость ходить въ караулъ и на смотры человѣку, у котораго не достаетъ времени для отдыха послѣ 14 часовъ работы въ сутки? Это право напоминаетъ разсказъ старика у г. Печерскаго о томъ, какъ Васькѣ дали „особенныя права“. „Выборная администрація“ — извѣстно, какъ дорожитъ простонародье правомъ выборовъ. „Изъятіе газетъ отъ произвола министровъ“ — но простонародье не читаетъ газетъ по своему безденежью и безграмотности, какое ему дѣло до независимости журналистики и свободы преній? „Огражденіе офицеровъ отъ такого же

правъ всему населенію Франціи (suffrage universel), а не однимъ болѣе или менѣе зажиточнымъ людямъ.

Спрашиваемъ теперь: какое изъ этихъ требованій имѣетъ цѣлью существенное улучшеніе простонароднаго быта? чѣмъ легче простому народу становится платежъ податей, отправленіе военной повинности, чѣмъ улучшаются его отношенія къ землевладѣльцамъ и хозяевамъ фабрикъ отъ замѣненія слова „король“ словомъ „президентъ“ и тому подобныхъ, чисто отвлеченныхъ, реформъ государственнаго устройства?

Позднѣе, программа республиканцевъ была не такова. Они трубили не объ однихъ пустыхъ словахъ, имѣющихъ смыслъ для праздныхъ политическихъ споровъ—они требовали также: уничтоженія обременительныхъ для простонародья налоговъ на соль, вино и другія жизненныя потребности, вообще измѣненія системы податей для облегченія простонародья; уменьшенія арміи и измѣненія системы конскрипціи (сокращеніе срока службы, отмѣна увольненій отъ личной службы поставкою наемщика и проч.); они требовали реформы гражданскихъ законовъ, невыгодныхъ для простолюдина; требовали, чтобы образованіе сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ состояній. Надобно впрочемъ прибавить, что всѣ эти требованія въ 1848 году оказались пустыми словами,— республиканцы не умѣли совершить ни одной изъ реформъ, обѣщавшихъ улучшеніе народнаго быта по ихъ программѣ.

произвола" — объ этомъ нечего и говорить. Затѣмъ слѣдуетъ огражденіе непреклонныхъ убѣжденій либеральныхъ депутатовъ отъ искушенія быть подкупленными, и перечисленіе всѣхъ этихъ благъ кончается комплиментами принцу Орлеанскому — о народѣ и его судьбѣ, какъ видимъ, дѣйствительно нѣтъ ни слова. Какъ нѣтъ? Мы позабыли: вѣдь прокламація начинается комплиментами мужеству парижанъ, — либераламъ, какъ видимъ, не была извѣстна русская поговорка: „соловья баснями не кормятъ"; это бы еще ничего, но жаль, что и народъ не зналъ этой поговорки — иначе съ какой стати было бы ему умирать на баррикадахъ, когда вся награда ему за битву должна была ограничиться комплиментами его мужеству?

Либералы совершенно ничего ие дѣлали и не хотѣли дѣлать для народа; но тѣмъ не менѣе, независимо отъ ихъ собственной воли, образовались отношенія, которыя въ случаѣ надобности обезпечивали имъ содѣйствіе народа, — мы старались показать, что эта готовность массы стать за либераловъ была ими не заслужена, далѣе мы увидимъ, что они даже не умѣли предчувствовать ее, — но она существовала.

Самымъ сильнымъ и самымъ общимъ основаніемъ ея было то, что либералы боролись противъ партіи, подозрѣваемой народомъ въ стремленіи возстановить прежній порядокъ дѣлъ и зато ненавистной народу. „Врагъ нашихъ враговъ другъ намъ" — это заключеніе слишкомъ часто ведетъ къ самымъ горькимъ разочарованіямъ; очень часто случается людямъ, руководясь имъ, попадать изъ Сциллы въ Харибду, или, по русской поговоркѣ, изъ огня въ полымя; но тѣмъ не менѣе рѣдко успѣваютъ оберечь себя отъ него даже такіе опытные въ политическихъ дѣлахъ, такіе осторожные и недовѣрчивые люди, какъ дипломаты. Что же удивительнаго, если простой народъ мало по малу поддался этой мысли? Феодалы нападали на новыя учрежденія, дорогія народу — либералы защищали эти учрежденія, — чего же больше? Масса стала довѣрчива къ нимъ. Правда, защищались эти учреж-

денія либералами вовсе не въ томъ духѣ, не съ тѣми цѣлями, съ какими вводились; смыслъ однихъ и тѣхъ же словъ не былъ въ 1820-хъ годахъ таковъ, каковъ былъ тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Но гдѣ же было народу разбирать такія тонкости? Не у него одного, и у большинства людей образованныхъ, сильнѣйшій элементъ въ умственной жизни — рутина; народъ привыкъ любить извѣстныя слова, и не могъ не имѣть симпатіи къ защищавшимъ эти слова.

Кромѣ этого общаго основанія было другое, болѣе частное, но во многомъ съ нимъ сходное и почти столь же сильное. Нападая на новыя учрежденія, реакціонеры позорили и всѣ правительства, существовавшія на этихъ началахъ — въ томъ числѣ, они безпощадно бранили Наполеона. Либералы сами были не очень расположены къ Наполеону — и въ 1814—1815 годахъ, оба раза ихъ нерасположеніе сильно содѣйствовало паденію его. Но роялисты заходили въ своей ненависти уже слишкомъ далеко, — либералы, разгорячаемые постояннымъ споромъ съ ними о всемъ на свѣтѣ, принялись пылко защищать и Наполеона. А для народа Наполеонъ и трехцвѣтное знамя Имперіи были символами славы Франціи, побѣдъ ея. Либералы явились народу защитниками національной славы. Это было тѣмъ неизбѣжнѣе, что роялисты съ принцемъ Конде сражались въ рядахъ коалиціонныхъ армій противъ Франціи—какъ же было либераламъ не нападать на измѣну родинѣ, когда измѣнниками были ихъ враги?

Наконецъ, очень важную роль во всемъ дѣлѣ, кончившемся іюльскими днями, игралъ Беранже. Едва ли кто имѣлъ такое сильное вліяніе на исходъ тогдашнихъ событій, какъ онъ. Его пѣсни дѣйствительно были любимы народомъ. Онъ ненавидѣлъ Бурбоновъ, —и народъ постепенно привыкалъ къ чувству, которое внушалъ ему пѣвецъ его лишеній, его надеждъ. А Беранже ненавидѣлъ Бурбоновъ зато, что они были орудіемъ реакціонеровъ.

Наши разсужденія вышли очень длинны, и намъ

пора было бы ихъ кончить. Но прежде, чѣмъ возвратимся къ разсказу о ходѣ событій, мы хотимъ оправдаться передъ читателемъ въ упрекѣ, котораго не только ожидаемъ, но даже желали бы. Вѣроятно, не за одну длинноту упрекнутъ наше длинное изложеніе возможнаго и разумнаго, — читатель скажетъ также, что оно лишено всякаго реальнаго основанія. Мы говоримъ, что легче и выгоднѣе всего былъ бы для Бурбоновъ союзъ прямо съ народомъ, мимо всякихъ союзовъ съ либералами или роялистами, но что когда уже не захотѣли Бурбоны этого союза, натуральнѣе всего было бы имъ, если бы только они понимали свои выгоды, соединиться съ либералами; — что всѣ разумныя соображенія о собственныхъ интересахъ, о собственномъ спокойствіи, не говоря уже о славѣ, должны были сдѣлать Бурбоновъ покровителями либераловъ. Все это такъ, скажетъ читатель, но разсуждать о подобныхъ вещахъ значитъ тоже самое, что доказывать выгодность теченія Волги съ юго-востока на сѣверо-западъ, отъ Камышина къ городу Либавѣ: вещь оно была бы прекрасная, слова нѣтъ, но совершенно несообразная съ законами природы. Бурбоны по своей исторіи, по своей натурѣ, по всей своей обстановкѣ не могли дѣйствовать иначе, нежели какъ дѣйствовали. Такъ, къ сожалѣнію, совершенно такъ. Напрасно очевиднѣйшая выгода, настоятельнѣйшая необходимость указывала имъ иной путь — въ нихъ не было силъ идти по этому счастливому пути, въ нихъ не было даже способности видѣть этотъ путь. Такъ, разсудокъ чуть ли не совершенно безсиленъ въ исторіи. Напрасно говорить о немъ, это пустая идеологія. Но если такъ, почему же не понимаютъ люди хотя этого? Если ослѣпленіе рутиною и обстановкою сильнѣе собственныхъ выгодъ въ человѣкѣ, почему же мы не принимаемъ этого факта, не соображаемъ съ нимъ нашихъ отношеній къ человѣку?

Есть въ исторіи такія положенія, изъ которыхъ нѣтъ хорошаго выхода, — не оттого, чтобы нельзя было представить его себѣ, а оттого, что воля, отъ

которой зависитъ этотъ выходъ, никакъ не можетъ принять его. Правда, но что же въ такихъ случаяхъ остается дѣлать честному зрителю? ужели обманывать себя обольщеніями о возможности, даже о правдоподобности такого принятія? Мы не знаемъ, что ему дѣлать, но знаемъ, чего онъ по крайней мѣрѣ не долженъ дѣлать: не стараться ослѣплять другихъ, остерегаться заражать другихъ идеологическою язвою, если самъ по несчастію подвергся ей,—оставимъ надежды ребятамъ, взрослому человѣку неприлично ожидать виноградныхъ гроздовъ на терновникѣ.

Но возвратимся же наконецъ къ разсказу о событіяхъ.

Назначеніе Полиньяка министромъ было принято всею Франціею, какъ слѣдствіе рѣшимости Карла X выйти изъ границъ законности для упроченія колебавшагося господства роялистовъ. Либералы ужасались, ожидая насильственныхъ мѣръ. Даже многіе роялисты, сохранявшіе нѣкоторое благоразуміе, видѣли необходимость предупредить короля, что совѣты слишкомъ опрометчивыхъ товарищей ихъ могутъ быть для него гибельны.

Въ самомъ дѣлѣ, глава министерства, Полиньякъ, былъ величайшій фанатикъ феодальной партіи. Давно онъ мечталъ о сильныхъ средствахъ къ возстановленію стариннаго порядка. Вильель, опасаясь неосторожныхъ совѣтовъ его Карлу X, отправилъ молодаго придворнаго посланникомъ въ Лондонъ; недовольный умѣренностью Мартиньяка, король сталъ думать о врученіи управленія своему любимцу, который совершенно сходился съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Полиньякъ былъ вызываемъ въ Парижъ для совѣщаній съ королемъ,—результатомъ совѣщаній была рѣшимость идти до послѣднихъ крайностей для поддержанія господства роялистовъ. Средство къ тому найдено было въ 14-мъ параграфѣ конституціи, который давалъ королю право „издавать распоряженія и повелѣнія, нужныя для безопасности государства.“ До сихъ поръ, всѣ партіи соглашались, что тутъ разумѣются единственно

административныя распоряженія, которыми опредѣлялись бы только мѣры и способы исполненія изданныхъ правильнымъ образомъ законовъ, а никакъ не распоряженія, которыми бы отмѣнялись или нарушались законы. Но конгрегація, управлявшая Карломъ X и Полиньякомъ, убѣдила ихъ въ возможности и необходимости другаго толкованія. Король и его любимецъ приготовились, если не найдутъ покорности въ палатахъ, избираемыхъ законнымъ образомъ, безъ ихъ согласія измѣнить основные законы королевства.

Слухи о такой рѣшимости распространились въ публикѣ. Министерскія газеты подкрѣпляли ихъ, доказывая необходимость крайнихъ средствъ со стороны министерства. „Уступокъ больше не будетъ, восклицали онѣ, битва между правительствомъ и революціею возобновлена.“ Надобно замѣтить, что подъ именемъ революціи на языкѣ роялистовъ разумѣлись всѣ новыя учрежденія въ гражданскомъ быту; каждый, находившій невозможнымъ полное возвращеніе къ старинѣ, назывался у нихъ революціонеромъ, въ томъ числѣ даже Ройе-Коляръ, при Наполеонѣ постоянно рисковавшій жизнію для Бурбоновъ, и Гизо, бывшій посредникомъ между Бурбонами и остававшимися во Франціи роялистами во время Ста Дней. „Игра началась, восклицали роялистскія газеты, и надобно знать, что поставлено на карту съ той и другой стороны. Мы ставимъ на карту престолъ. Это наша послѣдняя ставка: идетъ ва-банкъ противъ революціи.“ Но трудно будетъ управлять государствомъ въ противность желанію большинства или съ нарушеніемъ парламенскихъ формъ, возражали осторожнѣйшіе изъ роялистовъ, предвидѣвшіе опасность игры, начинаемой фанатиками. Министерскія газеты отвѣчали на ихъ предостереженія презрительнымъ гнѣвомъ. „Есть люди, говорящіе о большинствѣ палатъ,— они удивляютъ насъ. Скажите, важно или не важно покончить съ революціей? Вы говорите: да. Прекрасно. Но если большинству палатъ придетъ въ голову думать не такъ, неужели слѣдуетъ отказаться отъ спасенія? Это

было бы забавно. Когда планъ составленъ, когда онъ необходимъ, слѣдуетъ исполнять его до конца; иначе нельзя спасти общество." Изъ такихъ словъ были очевидны намѣренія министерства. Оно рѣшилось не обращать вниманія на волю парламентскаго большинства.

Доведенные до крайности, либералы ожидали спасенія себѣ и престолу отъ приближавшагося собранія палатъ. Парламентскія каникулы кончались. 2 марта 1830 года начались обычнымъ церемоніаломъ засѣданія палатъ. Тронная рѣчь открыто выразила намѣреніе правительства прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ въ случаѣ несогласія большинства съ системою министерства. „Перы Франціи, депутаты департаментовъ, сказалъ Карлъ X, я не сомнѣваюсь въ вашемъ содѣйствіи къ совершенію добра, мною желаемаго. Вы съ презрѣніемъ отвергнете коварныя внушенія, распространяемыя зложелательствомъ. Но если бы преступныя интриги противупоставили моей власти препятствія, которыхъ я не долженъ, которыхъ я не хочу предвидѣть, я нашелъ бы силу побѣдить ихъ въ моей рѣшимости охранять общественное спокойствіе."

Вызовъ былъ сдѣланъ. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что министерство хочетъ считать преступленіемъ сопротивленіе палатъ его системѣ и намѣрено прибѣгнуть къ вооруженной силѣ для подавленія безпорядковъ, которыхъ ожидало само отъ своихъ распоряженій. Указаніе на вооруженную силу было тѣмъ оскорбительнѣе, что не оправдывалось никакимъ предлогомъ. Во всей Франціи господствовалъ ненарушимый порядокъ. Никто изъ противниковъ министерства не думалъ переступать границъ закона. Всѣ осуждали опрометчивость рѣчи. Но министерскія газеты почли нужнымъ комментировать тронную рѣчь слѣдующими словами: „Мы напомнимъ, что Георгъ III англійскій публично благодарилъ солдатъ, стрѣлявшихъ по черни, которая собралась освободить изъ тюрьмы Уилькса, мятежнаго члена палаты общинъ." Мало было общей угрозы вмѣшательствомъ вооруженной силы; надобно было еще пояснить, что она бу-

детъ призвана именно противъ палаты депутатовъ. Большинство палаты хотѣло исполнить свою обязанность, выразивъ королю опасеніе о гибельности политики, принятой его министрами. Коммиссія палаты составила проэктъ адреса ,проникнутый тономъ почтительнымъ, но печальнымъ. Она считала обязанностью палаты открыть Карлу X глаза на несогласіе политики его министровъ съ чувствами націи.

„Среди единодушныхъ чувствъ уваженія и привязанности, которыми окружаетъ васъ вашъ народъ (говорилъ адресъ), обнаруживается въ умахъ живая тревога, возмущающая спокойствіе, которымъ Франція начала наслаждаться, изсушающая источники ея благоденствія и, въ случаѣ продленія, могущая сдѣлаться гибельной для ея тишины. Совѣсть, честь, та вѣрность, которой мы поклялись вамъ и которую навсегда соблюдемъ, возлагаютъ на насъ обязанность открыть вамъ причину этой тревоги.

„Государь! конституція, которою мы обязаны вашему августѣйшему предшественнику и упрочить которую твердо намѣрено ваше величество, освящаетъ право участія страны въ обсужденіи общественныхъ интересовъ. Это участіе, какъ и слѣдовало, производится не прямымъ, а посредственнымъ образомъ; степень его мудро измѣрена, оно заключено въ точныя границы, и мы никогда не попустимъ, чтобы кто нибудь осмѣлился преступить эти границы; но результатъ его положителенъ, потому что оно дѣлаетъ постоянное согласіе политическихъ видовъ вашего правительства съ желаніями вашего народа необходимымъ условіемъ правильнаго теченія общественныхъ дѣлъ. Государь! наша вѣрность, наша преданность престолу обязываютъ насъ сказать вамъ, что это сочувствіе не существуетъ.

„Высокая мудрость вашего величества да будетъ судьею между тѣми, которые не довѣряютъ націи столь спокойной, столь вѣрной, и между нами, съ глубокой увѣренностью излагающими вашему сердцу скорбь цѣлаго народа, желающаго пользоваться рас-

положеніемъ и довѣріемъ своего короля. Преимущества короны вашего величества даютъ вамъ средство упрочить между государственными властями гармонію, первое и необходимое условіе силы престола и величія Франціи.“

Коммиссія, составившая проэктъ, старалась избѣжать въ немъ всякаго выраженія, похожаго на требовательность. Она хотѣла только указать на несогласіе большинства съ министрами, оставляя королю совершенную свободу въ выборѣ средствъ для возстановленія согласія. Адресъ не говорилъ даже о необходимости перемѣны министерства. Онъ говорилъ только, что король, сохраняя министерство, долженъ распустить палату, или на оборотъ, сохраняя палату, измѣнить политику министерства.

Умѣренные роялисты согласились на проэктъ адреса вмѣстѣ съ либералами. Онъ былъ принятъ большинствомъ 221 голоса противъ 181.

Незначительность большинства, принявшаго адресъ и составленнаго голосами умѣренныхъ роялистовъ, показывала, какихъ ничтожныхъ уступокъ было бы достаточно для примиренія съ палатою. Довольно было бы министерству отказаться отъ своихъ совершенно излишнихъ угрозъ, не вызываемыхъ ничѣмъ.

Но крайніе роялисты были глухи. 18 марта адресъ былъ представленъ; 19 марта засѣданія палаты отсрочены; чрезъ нѣсколько времени она была объявлена распущенной и назначены новые выборы. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что эти выборы еще менѣе прежнихъ будутъ благопріяны министерству, которому оставалось тогда или удалиться, или прибѣгнуть къ незаконнымъ средствамъ. Двое изъ министровъ, видѣвшіе безразсудство остальныхъ, вышли въ отставку. Полиньякъ замѣнилъ ихъ другими, болѣе рѣшительными.

Дѣйствительно, всѣ члены прежней палаты, вотировавшіе адресъ, были избраны вновь; большая часть крайнихъ роялистовъ прежней палаты не попала въ новую. Но и новая палата была проникнута предан-

ностью къ Бурбонамъ. На выборахъ либеральныхъ членовъ это чувство выражалось съ совершенной ясностью; они одобряли адресъ прежней палаты, но понимали его въ томъ самомъ смыслѣ, какой придавалъ ему Дюпенъ старшій: „Коренное основаніе адреса — глубокое уваженіе къ лицу короля; онъ выражаетъ высочайшее благоговѣніе къ древней династіи Бурбоновъ; онъ представляетъ владычество законной династіи не только какъ легальную истину, но и какъ общественную необходимость, которая нынѣ для всѣхъ здравыхъ умовъ является результатомъ опыта и убѣжденія.“ Словомъ сказать, ни либералы, ни умѣренные роялисты, составлявшіе большинство, не дерзали и въ глубинѣ своихъ мыслей касаться правъ престола. Они находили только, что политика крайнихъ роялистовъ несовмѣстна съ положеніемъ дѣлъ. Крайніе роялисты имѣли теперь выборъ между двумя рѣшеніями: или оставить хотя на время министерство, чтобы дать успокоиться общественному мнѣнію, или подвергнуть престолъ страшной опасности изъ-за желанія удержать власть въ своихъ рукахъ. Они избрали послѣднее.

Палаты должны были собраться 3 августа. Еще въ началѣ іюля, когда сдѣлался извѣстенъ результатъ новыхъ выборовъ, министры окончательно составили планъ своихъ дѣйствій. Они положили, пользуясь четырнадцатымъ параграфомъ конституціи, распустить новую палату прежде, нежели она соберется, измѣнить одною волею правительства законъ о выборахъ и возстановить цензуру. Совѣщанія министровъ хранились въ глубочайшей тайнѣ, но она не могла скрыться отъ придворнаго круга. Всѣ, посѣщавшіе дворецъ, догадывались, что приближается время насильственныхъ мѣръ, о которыхъ давно говорили газеты. Крайніе роялисты съ восторгомъ передавали другъ другу выдуманный анекдотъ объ угольщикѣ, который будто-бы сказалъ королю: „Государь! угольщикъ — господинъ въ своемъ хозяйствѣ, будьте господиномъ въ своемъ.“

Иностранные посланники, слышавшіе о намѣреніи Полиньяка, единогласно осуждали его; самодержавные государи Европы раздѣляли мнѣнія проницательныхъ дипломатовъ о неблагоразуміи мѣръ, на которыя склонили Карла X его опрометчивые совѣтники. Меттернихъ, конечно, не слишкомъ любилъ конституціонный порядокъ, но и онъ говорилъ французскому посланнику при Вѣнскомъ дворѣ: „Нельзя вашему правительству насильственно измѣнять законовъ, которыми оно не довольно; единственное средство ему для этого — дѣйствовать съ согласія палатъ; другого пути Европа не можетъ одобрить; насильственныя мѣры погубятъ династію.“ Люди, желавшіе предупредить бѣдствіе, искали другаго совѣтника, голосъ котораго внушалъ бы еще больше уваженія французскому королю. Они просили русскаго императора не оставить Карла X своими совѣтами, и покойный государь, Николай Павловичъ, имѣлъ съ французскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, Мортмаромъ, разговоръ, послѣ котораго посланникъ долженъ былъ написать Полиньяку: „Мнѣніе императора таково, что, нарушивъ конституцію, французское правительство подвергнется катастрофѣ. Если король захочетъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, онъ понесетъ за нихъ отвѣтственность, прибавилъ императоръ: Карлъ X долженъ помнить, что союзники по парижскому трактату приняли на себя ручательство въ сохраненіи французской конституціи.“ Черезъ нѣсколько времени болѣзнь принудила Мортмара возвратиться во Францію; графиня Нессельроде дала ему письмо къ королю, въ которомъ снова напоминалось, что русскій императоръ рѣшительно не одобряетъ никакихъ мѣръ, противныхъ конституціи.

Въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ знали о приготовляемыхъ повелѣніяхъ. Но либералы все еще не хотѣли вѣрить въ ихъ исполненіе. Они такъ были преданы династіи, что отталкивали отъ себя мысль о близости катастрофы. Сами за себя они такъ боялись волненій, что и въ министрахъ предполагали такое же отвращеніе

отъ поступковъ, могшихъ вызвать мятежъ въ Парижѣ. Они не только не думали воспользоваться насильственными мѣрами министровъ для возбужденія народа, они даже были увѣрены, что народъ не можетъ быть возбужденъ къ сопротивленію. За два дня до изданія повелѣній, одинъ изъ предводителей либеральной партіи, Одилонъ-Барро, отвѣчалъ говорившимъ о возможности волненій: „Вы вѣрите въ возстаніе! О, Боже мой! Если конституція будетъ низвергнута, васъ поведутъ на эшафотъ, а народъ, сложа руки, станетъ смотрѣть на это.“ За два дня до катастрофы онъ не вѣрилъ ей и не предчувствовалъ ея послѣдствій.

Вечеромъ того дня, когда были подписаны повелѣнія, герцогъ Орлеанскій, которому они давали престолъ, также еще не хотѣлъ вѣрить ихъ возможности. Ревностный роялистъ Витроль, усердію котораго Бурбоны больше всего были обязаны тѣмъ, что по взятіи Парижа въ 1814 году, союзные монархи вспомнили о нихъ, описывалъ герцогу дурные признаки, замѣченные имъ поутру въ Сенъ Клу. Министры скрывались отъ него, но онъ предполагалъ что-то очень недоброе. „Но что же хотятъ они сдѣлать? съ безпокойствомъ сказалъ герцогъ Орлеанскій;—вѣдь они не могутъ же обойтись безъ палатъ, не могутъ выйти изъ конституціи.“

Совѣты Меттерниха и русскаго императора, просьбы Вилвеля и всѣхъ роялистовъ, не раздѣлявшихъ ослѣпленія крайней партіи, были напрасны. 24-го іюля министры собрались для окончательнаго просмотра приготовленныхъ ими повелѣній. Одинъ изъ нихъ, Гернонъ Ранвиль, пытался убѣдить короля и своихъ товарищей отложить на нѣсколько времени эти повелѣнія. Другой министръ, д'Оссе, желалъ по крайней мѣрѣ знать, какими силами будутъ они располагать для усмиренія мятежа. „Имѣете ли вы въ Парижѣ хотя тысячъ тридцать войска?“ спросилъ онъ Полиньяка. — Не тридцать, а сорокъ двѣ, отвѣчалъ Полиньякъ, перебрасывая черезъ столъ ему списокъ

войскъ.—„Какъ, вскричалъ д'Оссе, я вижу здѣсь только тринадцать тысячъ! Тринадцать тысячъ на бумагѣ —это значитъ, что на битву только можно вывесть семь или восемь тысячъ." Но Полиньякъ и большинство министровъ никакъ не предполагали серьёзнаго возстанія. Въ самомъ дѣлѣ, либералы и осуждали по своимъ убѣжденіямъ всякую попытку мятежа, и боялись волненій; народу не было никакой разумной выгоды вступаться въ распри между двумя партіями, изъ которыхъ ни одна не была его партіей. Если бы народъ не увлекся надеждою на людей, вовсе не заслуживающихъ этой надежды, Полиньякъ былъ бы правъ. Онъ ошибся только тѣмъ, что не принялъ въ разсчетъ бѣдственнаго положенія народа: отчаяніе вовлекло народъ въ опрометчивость.

24 іюля заготовленныя повелѣнія были разсмотрѣны и одобрены министрами. 25 іюля министры снова собрались въ Сенъ-Клу, гдѣ жилъ король. Они собрались подписать эти повелѣнія. Молча сѣли они вокругъ стола. По правую руку Карла X былъ Дофинъ, его сынъ, по лѣвую руку Полиньякъ. Д'Оссе возобновилъ свои вчерашнія замѣчанія. „Вы отказываетесь подписать?" сказалъ Карлъ X, д'Оссе взялъ перо и подписалъ. Экзальтированная рѣшимость, смѣшанная съ безпокойствомъ, выражалась на его лицѣ и лицахъ его товарищей. Одинъ Полиньякъ блисталъ радостью. Карлъ X также весело ходилъ по залѣ. „Что вы такъ смотрите?" сказалъ онъ, проходя мимо д'Оссе, глаза котораго печально обозрѣвали залу.— „Государь, я смотрѣлъ, нѣтъ ли здѣсь портрета Страффорда," отвѣчалъ министръ.

26 іюля явились въ „Монитёрѣ" пять повелѣній. Первымъ изъ нихъ отмѣнялась свобода тисненія; вторымъ распускалась палата депутатовъ; третьимъ измѣнялся законъ о выборахъ; четвертымъ назначались новые выборы въ палату депутатовъ по измѣненному закону; пятое содержало нѣкоторыя частныя распоряженія, вытекавшія изъ втораго.

Либералы и умѣренные роялисты были поражены

печалью и ужасомъ. Нѣсколько либеральныхъ членовъ распущенной палаты депутатовъ сошлись къ Казимиру Перье, одному изъ своихъ предводителей. Всѣ были въ какомъ то оцѣпенѣніи. „Что намъ дѣлать, что намъ дѣлать?“ повторяли они другъ другу. Никто не зналъ, что отвѣчать. Одинъ заикнулся было, что должно протестовать. „Нѣтъ, мы теперь не имѣемъ права протестовать, мы уже лишены званія депутатовъ,“ отвѣчали ему. Другіе депутаты собрались у де-Лаборда, туда явился Казимиръ Перье и объявилъ, что по распущеніи палаты они уже не имѣютъ званія депутатовъ, что министры ссылаются на конституцію, опираясь на четырнадцатый парагарфъ ея, что стало быть остается одна надежда—на самаго короля, который раньше или позже увидитъ ошибочность пути, на который увлекли его. Весь этотъ день прошелъ спокойно. Повидимому, министры торжествовали. Но масса медленна въ своихъ движеніяхъ. На другой день началось въ ней броженіе, котораго не замѣчалось наканунѣ. Черезъ два дня войска были принуждены выступить изъ Парижа, послѣ упорнаго сраженія съ простымъ народомъ.

Мы не станемъ разсказывать ходъ этой битвы: она велась не либералами и намъ нѣтъ нужды упоминать о фактахъ, не относящихся къ цѣли нашего разсказа. Мы хотѣли только разсматривать интересы и дѣйствія двухъ политическихъ партій, вражда которыхъ составляетъ самую замѣтную сторону политической исторіи Франціи въ эпоху Реставраціи. Только ихъ дѣйствія будутъ занимать насъ и въ іюльскіе дни.

Исторія роялистовъ въ эти дни очень коротка и проста: они вовлекли несчастнаго Карла X въ гибельную борьбу, которая, даже при самомъ счастливомъ исходѣ, не могла бы принести ровно никакой пользы для королевской власти,—вовлекли въ борьбу единственно съ цѣлью возстановленія стариннаго устройства, въ сущности враждебнаго интересамъ престола. Не трудно догадаться, какъ должны были поступать такіе друзья. Пока волненіе только что

разъигрывалось, они воображали его ничтожнымъ и чрезвычайно радовались ему: теперь-то будетъ на ихъ улицѣ праздникъ! Одною сѣткою прикроютъ они либераловъ! Они уже сочинили распоряженія объ арестованіи тѣхъ, головами которыхъ особенно интересовались (хотя совершенно напрасно, потому что изъ этихъ головъ большая часть не стоили гроша). Но вотъ, дѣло начало принимать сомнительный оборотъ—что тутъ стали дѣлать роялисты? Ни одинъ, разумѣется, не шевельнулъ пальцемъ для защиты короля, ввергнутаго ими въ погибель. Хотя бы кто нибудь изъ людей, для пользы которыхъ Карлъ X жертвовалъ собою, взялъ ружье для его защиты—не взялъ ни одинъ. Что уже говорить о рискѣ жизнію за престолъ? Хоть бы одинъ изъ роялистовъ подалъ кусокъ хлѣба, чашку воды несчастнымъ солдатамъ, которые сражались въ душныхъ улицахъ, подъ знойнымъ іюльскимъ солнцемъ, изнемогали отъ голода и жажды, — и этого никто изъ роялистовъ не сдѣлалъ. Тѣ, которые были въ Сенъ-Клу, до послѣдней минуты хлопотали только о томъ, чтобы скрыть отъ короля истинное положеніе дѣлъ. Это имъ удалось превосходно: до той минуты, когда измученныя, разбитыя войска, отступая изъ Парижа, пришли въ Сенъ-Клу, Карлъ X былъ увѣренъ, что мятежъ подавляется, что вотъ-вотъ, черезъ часъ, черезъ полчаса явится къ нему депутація Парижа съ просьбой о пощадѣ раскаявшемуся городу. Эта исторія извѣстна, разсказывать ее нечего. А что же дѣлали тѣ роялисты, которые находились на мѣстѣ возмущенія? Немногіе, честнѣйшіе, покрѣпче заперлись въ свои дома, чтобы даже невзначай какъ нибудь не подвергнуться опасности; другіе, поразсчетливѣе, уже завязывали сношенія съ побѣдителями и, напримѣръ, великій референдарій Семонвиль разъѣзжалъ въ коляскѣ по Парижу, непристойными словами ругая безумцевъ, издавшихъ несчастныя повелѣнія. Это исторія также извѣстная.

Исторія либераловъ также хороша, хотя не такъ коротка. Мы уже видѣли ихъ подвиги 26 іюля. На

другой день, когда нѣкоторыя отчаянныя головы начали битву, масса либераловъ перетрусила еще больше. „Плохи дѣла! говорилъ одинъ либеральный мануфактуристъ своимъ друзьямъ:—дать народу оружіе—онъ пойдетъ сражаться; не дать—онъ пойдетъ грабить.“ Понятіе о движеніи народа у либераловъ неотразимо связывалось съ понятіемъ грабежа,—такихъ-то людей бѣдный Карлъ X считалъ революціонерами! Но что-то подѣлывалъ, напримѣръ, Лафайетъ, ужасный предводитель республиканцевъ? А вотъ что: по вечеру пришли было къ нему посовѣтоваться нѣсколько воспитанниковъ политехнической школы. Имъ отвѣчали, что Лафайетъ почиваетъ, и будить его нельзя. А что же вообще подѣлывали либеральные депутаты? Они съ похвальною неутомимостью опять-таки собрались у Казимира Перье доказывать другъ другу, что не имѣютъ никакого права протестовать, а нѣкоторые прибавляли, что надобно написать письмо къ королю—содержаніе письма можно было читать на ихъ лицахъ,—почти всѣ трусили такъ, что даже не старались скрывать своего смятенія. Даже Вильменъ, который не отличался, какъ увидимъ ниже, особенно отважными намѣреніями, говорилъ, оглядывая дрожавшихъ товарищей: „не ожидалъ я найти стольвихъ трусовъ въ одной комнатѣ!“ Хозяинъ, Казимиръ Перье, всегда славившійся пылкостью либеральныхъ рѣчей въ палатѣ, дрожалъ чуть ли не больше всѣхъ. У дверей дома, подъ окнами залы, гдѣ совѣщались депутаты, собралось нѣсколько человѣкъ молодежи. На нихъ ринулся отрядъ конницы—напрасно толкались въ запертую дверь безоружные юноши, чтобы укрыться отъ атаки—дверей не велѣли отворять, и несчастные были изрублены подъ глазами депутатовъ,—и дверь не отворилась спасти ихъ. Зато докторъ Тибо, пріятель генерала Жерара (тоже одного изъ предводителей либеральной партіи), явился къ Витролю просить его ѣхать въ Сенъ-Клу, чтобы искать примиренія съ Карломъ X.

Ночью (съ 27 на 28) населеніе Парижа готовится къ битвѣ. Съ ранняго утра начинается она уже въ серьезныхъ размѣрахъ. Опять являются къ Лафайету воспитанники политехнической школы, которые уже и наканунѣ дрались. Республиканскій вождь проснулся, теперь они уже не уйдутъ безъ его совѣта: „посовѣтуйте вашимъ товарищамъ держать себя смирно,“ говоритъ онъ имъ. Въ 12 часовъ утра депутаты опять собрались, на этотъ разъ у Одри де-Пюйраво, одного изъ немногихъ, выказавшихъ мужество въ эти дни. Онъ зналъ, каковы его товарищи, и пригласилъ молодежь собраться на дворѣ своего дома, чтобы уравновѣсить другимъ страхомъ страхъ, внушаемый Полиньякомъ. Могенъ, также отличавшійся мужествомъ, началъ совѣщаніе словами: „Совершается революція, мы должны руководить ею; предлагаю составить временное правительство, требую, чтобы оно было учреждено немедленно.“ — „Временное правительство? восклицаютъ въ ужасѣ Себастіани, Шарль Дюпенъ, Казимиръ Перье: — что вы? да вѣдь это значило бы нарушать законный порядокъ! Останемся въ предѣлахъ закона!“ Разумѣется, предложеніе было отвергнуто. Но возстаніе съ того утра охватило уже весь Парижъ: многія части войска дерутся неохотно, нѣкоторые отряды уже колеблются, готовы присоединиться къ инсургентамъ, другіе отряды отступаютъ изъ улицъ, которыя должны были очистить, успѣхъ инсургентовъ вообще становится вѣроятенъ. Депутаты видѣли это, притомъ же со двора слышны крики революціонеровъ. Мужество депутатовъ подъ этими вліяніями возвышается до того, что Гизо читаетъ сочиненную имъ протестацію депутатовъ, — вчера депуталы отвергали мысль о ней, теперь согласились напечатать ее. За то сколько революціонной отваги было въ этой протестаціи! Инсургенты, вчера кричавшіе только: „да здравствуетъ конституція!“ нынѣ уже сражались при крикахъ „долой Бурбоновъ!“ Протестація депутатовъ была наполнена выраженіями ненарушимой вѣрности къ королю. Уваженіе къ за-

конному порядку простиралось до того, что депутаты даже не называли себя депутатами, а только „правильно избранными въ депутаты“: они признавали этимъ силу повелѣнія, распустившаго палату и лишившаго ихъ званія депутатовъ. Они говорили не о волѣ самого Карла X, а только „о совѣтникахъ, обманувшихъ намѣренія монарха.“ Еще два дня назадъ журналисты издали протестацію гораздо болѣе твердую и подписались подъ ней. Депутатамъ, не потерявшимъ разсудка отъ робости, совѣстно было сравнить свою прокламацію съ прокламаціею журналистовъ; но они не отважились подвергать преніямъ проэктъ ея, видя, что при всеобщей робости ихъ товарищей, пренія поведутъ только къ ослабленію выраженій и безъ того уже трусливыхъ. Они поспѣшили убѣдить собраніе поскорѣе принять проэктъ. Но тутъ возникъ вопросъ о томъ, подписывать ли протестацію. Безъ подписей она не имѣла никакого значенія; но большинство депутатовъ не хотѣло рисковать, и протестація была послана въ типографію газеты „Temps.“ Издатель газеты принесъ бумагу обратно, говоря, что онъ не хочетъ напечатать безъ подписей такое трусливое объявленіе, за которое всѣ станутъ смѣяться надъ нимъ, если не будутъ знать имена авторовъ. Это было уже въ четыре часа вечера; инсургенты пріобрѣли много новыхъ успѣховъ; мужество депутатовъ возросло до того, что они послѣ многихъ споровъ отважились согласиться на перечисленіе въ заголовкѣ бумаги всѣхъ депутатовъ, находившихся въ Парижѣ, безъ различія присутствовавшихъ и неприсутствовавшихъ на совѣщаніи; штука хорошая: вѣдь это были не подписи, а просто изчисленіе именъ, оставлявшее каждому изъ упомянутыхъ лицъ совершенную свободу сказать потомъ, что его имя помѣщено въ спискѣ безъ его согласія и вѣдома. Всѣхъ депутатовъ на совѣщаніи было только сорокъ одинъ; именъ было выставлено шестьдесятъ три. „Вотъ и прекрасно, съ ироніей сказалъ Лафитъ: — въ случаѣ пораженія никто изъ насъ не подписывалъ,

а въ случаѣ побѣды подписали всѣ.“ Особенной трусостью по прежнему отличались знаменитый Казиміръ Перье и генералы Себастіани и Жераръ. Большинство собиравшихся депутатовъ слѣдовало примѣру ихъ осторожности. Единственное спасеніе себѣ видѣли они въ переговорахъ съ Карломъ X, которые, при посредствѣ доктора Тибо, велъ Витроль. Въ первый разъ Витроль нашелъ Карла X не расположеннымъ слушать никакихъ предложеній. Когда онъ возвратился съ этими извѣстіями къ вечеру, Тибо снова просилъ его ѣхать въ Сенъ-Клу съ новыми просьбами. „Скажите, что съ готовностью исполнятъ все для охраненія королевскаго согласія отъ оттѣнка принужденности, говорилъ Тибо. Если нужно, высшія корпораціи парижскаго управленія, члены кассаціоннаго суда и аппеляціоннаго суда отправятся въ Сенъ-Клу въ мундирахъ; такимъ образомъ снисходительность короны не будетъ казаться уступкою необходимости, а только милостивымъ отвѣтомъ на просьбы.“ Кромѣ Карла X депутаты обращались съ просьбами къ маршалу Мармону, командовавшему войсками въ Парижѣ. Лафитъ, говорившій съ маршаломъ отъ ихъ имени, соблюлъ достоинство. Онъ прямо сказалъ, что если противозаконныя повелѣнія не будутъ отмѣнены, то онъ „отдастъ свою жизнь и состояніе въ распоряженіе парижанъ.“ Когда предложенія, переданныя черезъ Мармона, были отвергнуты въ Сенъ-Клу, онъ сдержалъ свое слово. Изъ ста человѣкъ либеральныхъ депутатовъ, находившихся въ Парижѣ, человѣкъ десять выказали такую же смѣлость; всѣ остальные были безъ памяти отъ ужаса. Уже предвидѣлось, что завтра ни одного солдата не останется въ Парижѣ. Уже предвидѣлось, что инсургенты провозгласятъ завтра низверженіе Бурбоновъ; но Казиміръ Перье, вѣрнѣйшій представитель большинства либераловъ, все еще повторялъ: „Бурбоны — лучшее правительство для Франціи, лишь бы только они отказались отъ ультра-роялистовъ.“ Два раза собирались депутаты этимъ днемъ, въ двѣнадцать часовъ и въ че-

тыре часа; въ десять часовъ вечера было назначено третье собраніе. Инсургенты пріобрѣли много новыхъ успѣховъ: кромѣ дворцовъ Тюльерійскаго и Луврскаго и парижской ратуши, почти уже весь городъ былъ въ ихъ власти; войска были изнурены, отступали со всѣхъ позицій, упали духомъ; переговоры съ Сенъ-Клу и съ Мармономъ не привели ни къ чему; ходъ событій требовалъ наконецъ со стороны депутатовъ мѣръ болѣе рѣшительныхъ. Они чувствовали, что совѣщаніе, назначенное въ 10 часовъ, не можетъ кончиться одними словами, и что же они сдѣлали? На прежнихъ собраніяхъ изъ ста или больше человѣкъ присутствовало до сорока. Въ десять часовъ явились въ назначенное мѣсто едва десять человѣкъ; изъ нихъ человѣкъ семь выказывали мужество; другіе трое или четверо явились будто бы только затѣмъ, чтобы показать, каково должно быть состояніе духа у остальныхъ, не отважившихся явиться. Лафайетъ, Лафитъ, Одри де-Пюйраво, де-Лабордъ объявили, что надобно наконецъ прекратить безпорядочное кровопролитіе и что они рѣшились на завтра руководить движеніями инсургентовъ. Гизо сидѣлъ молча и неподвижно. Себастіани съ волненіемъ объявилъ, что не можетъ присутствовать при такихъ совѣщаніяхъ и, обратившись къ другому депутату, Мешену, сказалъ: „уйдемте.“ Оба ушли. И остальные разошлись, не рѣшившись ни на что, назначивъ только новое совѣщаніе въ шесть часовъ утра на другой день. При выходѣ Лафайетъ былъ встрѣченъ восклицаніями собравшейся толпы. Когда онъ садился въ карету, одинъ изъ инсургентовъ подошелъ къ нему и сказалъ: „генералъ, я буду говорить отъ вашего имени; я скажу, что вы приняли начальство надъ національной гвардіей.“ (Замѣтимъ, что національная гвардія, въ случаѣ волненій, собирается для того, чтобы быть посредницей между войсками и инсургентами; такимъ образомъ командованіе его имѣло бы характеръ не мятежа, а примиренія.) „Что вы хотите дѣлать, закричалъ пріятель Лафайета, Карбо-

нель: — вы хотите, чтобы генерала разстрѣляли?"

По утру въ шесть часовъ (29 іюля) явилось въ назначенное мѣсто (въ домъ Лафита) такъ же мало депутатовъ, какъ вечеромъ наканунѣ. Огромное большинство все еще не вѣрило близости побѣды. Ночью инсургенты заняли градскую ратушу; войска, кромѣ двухъ-трехъ казармъ, оставались только во дворцахъ. Но перепуганнымъ либераламъ отступленіе солдатъ казалось ихъ сосредоточеніемъ съ какими-то страшными цѣлями. Многіе уже думали только о средствахъ оправдаться передъ Полиньякомъ. Въ девять часовъ явились къ Лафиту еще не болѣе десяти человѣкъ. Но инсургенты противъ ожиданія либераловъ сохраняли всѣ свои позиціи, съ успѣхомъ нападали на войска; Мармонъ, вчера отвергавшій просьбу депутатовъ о перемиріи, теперь уже самъ предлагалъ его. Понемногу депутаты ободрились, и къ двѣнадцати часамъ собралось ихъ уже около 30 человѣкъ. Лафитъ открылъ засѣданіе изложеніемъ необходимости принять дѣятельное участіе въ событіяхъ, Лафайетъ наконецъ объявилъ готовность взять начальство надъ національной гвардіей. Въ эту минуту приходитъ извѣстіе, что Луврскій дворецъ занятъ инсургентами. До сихъ поръ депутаты слушали Лафита и Лафайета съ унылымъ молчаніемъ, теперь у нихъ развязывается языкъ, Гизо одобряетъ намѣреніе Лафайета. Но предложеніе Могена составить временное правительство все таки отвергнуто; по предложенію Гизо, депутаты рѣшаютъ составить только муниципальную коммиссію для управленія Парижемъ въ отсутствіе правильныхъ властей; такимъ образомъ, они еще остаются, по своему любимому выраженію, „въ границахъ законности." Большинство все еще трепещетъ отвѣтственности передъ Бурбонами. Но вотъ раздается шумъ у дверей залы: сержантъ Ришмонъ проситъ, чтобы его впустили; прислуга не соглашается: какъ можно войти солдату въ салонъ къ важнымъ сановникамъ? Онъ грозитъ лакеямъ ефесомъ своей сабли и входитъ въ залъ. Офицеры и солдаты 53 линейнаго полка при-

слали его объявить, что полкъ переходитъ на сторону народа. Депутаты посылаютъ за полкомъ; дворъ Лафитова дома наполняется солдатами. Депутаты въ восторгѣ. Вдругъ раздается залпъ. Невыразимое смятеніе овладѣваетъ ими. Всѣ лица блѣднѣютъ. „Намъ измѣнили, насъ идутъ арестовать! Это королевская гвардія гонитъ инсургентовъ.“ Всѣ бросаются бѣжать. Въ залѣ, на лѣстницѣ страшная толкотня; многіе депутаты вылѣзаютъ въ окна, чтобы спрятаться въ саду; двоихъ нашли потомъ спрятавшимися въ конюшнѣ. Въ мигъ, Лафитъ остается въ залѣ одинъ съ своимъ племянникомъ; что же такое случилось? Солдаты 6 линейнаго полка послѣдовали примѣру 53-го и, переходя на сторону народа, выпустили на воздухъ свои заряды. Много времени прошло, пока депутаты оправились отъ страха и собрались вновь; а между тѣмъ одно за другимъ приходили извѣстія о взятіи Тюильри, объ отступленіи королевскихъ войскъ къ Булоньскому лѣсу, о совершенномъ очищеніи Парижа отъ войскъ. Когда депутаты успокоились и воротились въ залу, битва была уже совершенно кончена. Тогда и Казимиръ Перье, снова сдѣлавшійся героемъ, какимъ являлся въ старину на преніяхъ палаты, принялъ назначеніе быть членомъ муниципальной коммиссіи.

Въ числѣ депутатовъ, разбѣжавшихся отъ Лафита, уже не было пяти или шести человѣкъ, имѣвшихъ дѣйствительное мужество. Одри де-Пюйраво ушелъ провожать Лафаейта въ парижскую ратушу; трое или четверо другихъ съ утра того дня управляли инсургентами. Но и они взялись за дѣло тогда, когда побѣда уже была рѣшена. Быть можетъ, сами по себѣ они рѣшились бы на участіе въ сопротивленіи раньше, но робкіе товарищи господствовали и надъ ними.

Лафайетъ и муниципальная коммиссія явились въ парижскую ратушу уже по окончаніи борьбы. Какъ выигралась побѣда, это ни мало не зависѣло отъ нихъ. Но управлять побѣдоноснымъ дѣломъ они были не прочь. Впрочемъ и въ этомъ занятіи они оказались

совершенно несостоятельными. Власть, которой они ничѣмъ не заслужили, скоро была взята изъ ихъ слабыхъ рукъ людьми еще менѣе раздѣлявшими опасности, но болѣе ловкими въ интригахъ. Замѣтимъ, кстати, еще одну черту: на крыльцѣ парижской ратуши Лафайетъ увидѣлъ молодаго человѣка съ трехъ-цвѣтной кокардой и приказалъ снять ее: какъ видимъ, даже и послѣ совершенной побѣды, въ его умѣ еще не было твердой мысли, что бѣлая кокарда—символъ владычества Бурбоновъ—кончила свое существованіе.

Опасности уже не было; даже въ Сенъ-Клу убѣдились, что дальнѣйшая борьба невозможна. Тогда депутаты начали дѣйствовать смѣлѣе. Они видѣли, что парижскіе инсургенты никакъ не хотятъ покориться Бурбонамъ. Первою мыслью либеральныхъ депутатовъ было искать другихъ путей къ скорѣйшему возстановленію монархической власти. Депутація за депутаціей отправлялась отъ нихъ на дачу герцога Орлеанскаго съ просьбою, чтобы онъ принялъ на себя управленіе Франціею и титулъ намѣстника королевства. Изложеніе происковъ, интригъ и хитростей, которыми была достигнута эта цѣль, не входитъ въ границы нашего разсказа. Замѣтимъ только, что если бы дѣло зависѣло отъ большинства либераловъ, Бурбонская династія не перестала бы царствовать во Франціи. Не смотря на ихъ чрезвычайную робость, находились даже и 30 числа между ними люди, протестовавшіе въ пользу Бурбоновъ противъ герцога Орлеанскаго. Въ собраніи депутатовъ, составившемъ формальное приглашеніе герцогу явиться въ Парижъ для управленія Франціею, Вильменъ говорилъ: „Вы не имѣете права располагать короною.“ Только твердость Лафита, искренно преданнаго Луи-Филиппу, удержала депутатовъ отъ новыхъ попытокъ для возстановленія Бурбоновъ.

Таковы-то были люди, которыхъ Бурбоны считали готовыми къ мятежу. Не только приготовить мятежъ, или управлять имъ, но и принять участіе въ немъ никто изъ нихъ не рѣшился. Онъ также ужаснулъ

либераловъ, какъ и роялистовъ. Обѣ партіи одинаково не умѣли даже предвидѣть его. Насколько позволила имъ робость, либералы въ продолженіе волненій дѣлали все, чтобы предохранить династію отъ паденія. Они дѣлали ей постоянныя предложенія примириться съ Парижемъ. Когда же инсургенты противъ воли либераловъ низвергли династію, они поспѣшили возстановить монархію при помощи единственнаго принца, пользовавшагося популярностью. Они такъ спѣшили этимъ дѣломъ, что передали ему власть безъ всякихъ условій, и герцогъ Орлеанскій вступилъ на престолъ съ тѣми же самими правами, какими пользовались Бурбоны. Послѣ іюльскихъ дней роялисты лишились всякаго вліянія на правительство, перешедшее исключительно въ руки либераловъ; но, сравнивая власть Луи-Филиппа съ властью Людовика XVIII, мы не замѣтимъ никакого уменьшенія въ ней отъ побѣды либераловъ. Правда и то, что не либералы одержали эту побѣду: они только присвоили ее себѣ.

Либеральные историки могутъ находить чрезвычайный прогрессъ въ Орлеанскомъ правительствѣ сравнительно съ Реставраціею. Нѣкоторыхъ перемѣнъ во многихъ частностяхъ и даже въ общемъ духѣ управленія нельзя не признать. Іезуиты утратили прежнюю силу надъ правительствомъ; газеты, хотя и не могли назвать себя совершенно независимыми отъ произвола, какъ въ Англіи, все-таки сдѣлались нѣсколько самостоятельнѣе; судебное сословіе также пріобрѣло нѣсколько большую независимость отъ произвола министровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣсколько больше прежняго стало подчиняться общественному мнѣнію; оттого правосудіе улучшилось; избирательный ценсъ былъ значительно пониженъ. Такихъ частностей можно набрать много. Но главная перемѣна состояла въ томъ, что опасность, грозившая новому гражданскому устройству при Бурбонахъ, теперь миновалась. Впрочемъ, цѣна этого выигрыша значительно понижается тѣмъ, что и при Бурбонахъ опасность ограничивалась только словами; на самомъ же дѣлѣ самые без-

разсудные ультра-роялисты и даже самъ Полиньякъ не отваживались предпринять ничего существенно важнаго къ возстановленію средневѣковыхъ злоупотребленій. Они мечтали о старинномъ порядкѣ, кричали о немъ, но едва задумывали начать что нибудь важное для исполненія своихъ плановъ, какъ уже отступали передъ дѣйствительностію. Съ 20-го года феодальная партія управляла государствомъ безпрекословно. Чтожъ особеннаго осмѣлилась она сдѣлать для осуществленія своихъ теорій? Она составила законъ о майоратствахъ, но такой робкій законъ, который могъ только раздражать своею несовременностью, а никакъ не измѣнить гражданскихъ отношеній на самомъ дѣлѣ, да и отъ того она отказалась при первой неудачѣ. Важнѣе была выдача вознагражденія эмигрантамъ. Но какъ ни кричали нѣкоторые ораторы о политическомъ значеніи этой мѣры, въ сущности она осталась не болѣе, какъ выдачею пособія членамъ и кліентамъ придворнаго круга. Безспорно, роялисты враждовали противъ новаго гражданскаго устройства; но оно укоренилось уже такъ прочно, что измѣнить его не было возможности, и вражда оставалась безсильна. Во всякомъ случаѣ, разумѣется, имѣла нѣкоторую важность перемѣна, уничтожившая даже угрозы на словахъ тому, что не было никогда въ опасности на дѣлѣ. Хотя очень мало, но все-таки нѣсколько выигралъ новый гражданскій порядокъ черезъ замѣненіе Карла X, Полиньяка и Шатобріана Луи-Филиппомъ, Гизо и Казиміромъ Перье.

Мы не напрасно кончили изчисленіе выгодъ новой системы сопоставленіемъ собственныхъ именъ: въ перемѣнѣ фамилій состояла существеннѣйшая часть переворота. Въ эпоху Реставраціи правительственная власть находилась въ рукахъ старинныхъ фамилій; при орлеанской династіи управляли Франціею люди средняго сословія. И прежде управленіе велось въ интересахъ средняго класса: вести его иначе не было физической возможности; но все-таки кое-что успѣвали сдѣлать потомки феодаловъ и для своего сосло-

вія. Теперь средній классъ былъ избавленъ отъ этихъ мелочныхъ непріятностей. Самъ управляя всѣми дѣлами, онъ могъ, разумѣется, лучше соблюдать свои интересы, нежели соблюдались они людьми другаго сословія, хотя и не бывшими въ состояніи нарушить выгодъ средняго сословія, ни въ чемъ существенно важномъ, но все-таки старавшимися по возможности вредить ему въ пустякахъ.

Выигрышъ государства былъ хотя и не великъ, но все-таки несомнѣненъ: оно избавилось отъ опасеній, правда, лишенныхъ фактическаго основанія, но тѣмъ не менѣе тревожившихъ его. Выигрышъ средняго сословія былъ довольно великъ. Королевская власть ничего не проиграла отъ іюльскаго переворота. Что же выигралъ простой народъ, силою котораго среднее сословіе освободилось отъ своихъ противниковъ? Простой народъ сражался безъ всякихъ опредѣленныхъ собственныхъ требованій; онъ увлекся тяжестью своего положенія къ участію въ вопросахъ, чуждыхъ его интересамъ; онъ не озаботился продать свое содѣйствіе, не выторговалъ себѣ никакихъ условій прежде, чѣмъ примкнуть къ той или другой сторонѣ. Разумѣется, онъ не получилъ ничего.

Напрасная борьба династіи противъ новыхъ интересовъ, нимало не враждебныхъ выгодамъ королевской власти; напрасный союзъ ея съ партіею, отъ торжества которой не могла она желать никакой пользы для себя, противъ партіи, искренно желавшей союза съ династіею, выгоднаго для династіи; оставленіе народа беззащитнымъ и безнадежнымъ вслѣдствіе противоестественнаго союза династіи съ феодалами; увлеченіе народа отчаяніемъ къ возстанію,—гибель династіи безъ пользы для народа—вотъ въ короткихъ словахъ исторія Реставраціи. Реакціонеры понесли наказаніе, котораго заслуживалъ ихъ эгоизмъ; но грустно то, что династія ради удовольствія этихъ бездушныхъ эгоистовъ готовила себѣ ненужную погибель.

(*Современникъ*, августъ и сентябрь 1868 г.)

